В. И. Маноцковъ.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ

МУРМАНЪ.

Съ приложеніемъ карты и таблицъ.

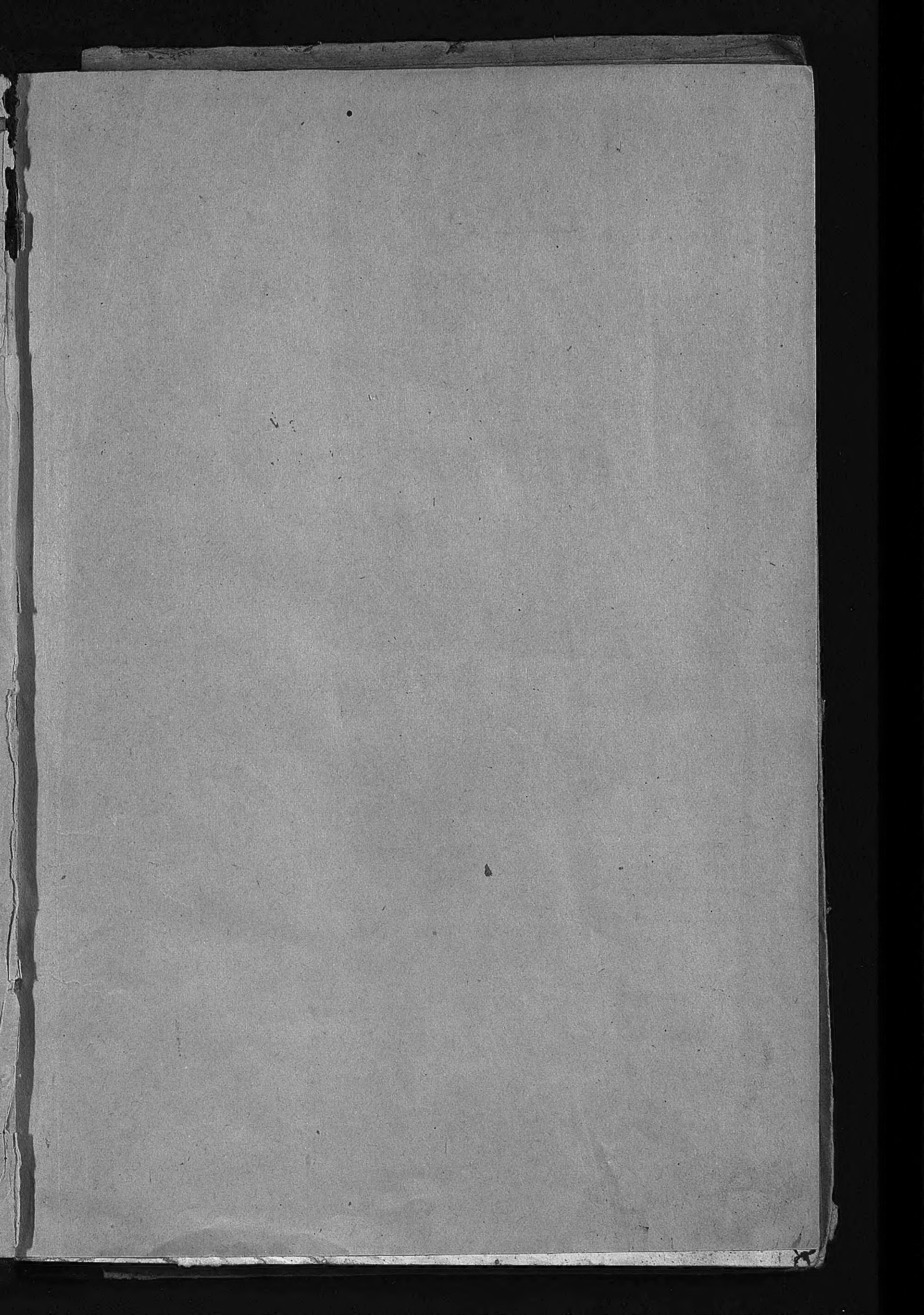
Изданіе книж. магаз. М. Г. Шашковско
АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Типо-Литографія С. М. Павлова.
1897 г.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач.

Зак. 594

В. И. Маноцковъ.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ

МУРМАНЪ.

Съ приложенiемъ карты и таблицъ.

Изданiе книж. магаз. М. Г. Шашковской.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Типо-Литографiя С. М. Павлова.
1897 г.

Дозволено цензурою. Москва, 30 Ноября 1896 года.

Дорогому, незабвенному другу

Вѣрѣ Дենишъ

посвящаетъ

АВТОРЪ.

Оглавленіе.

Стран.

Предисловіе.

I. Природа и климатъ Мурмана 9

II. Прошлое Мурмана и его промысловъ. . . . 26

III. Богатства Мурманскаго моря. Тресковый промыселъ. Исторія акульяго и китобойнаго промысловъ. . 36

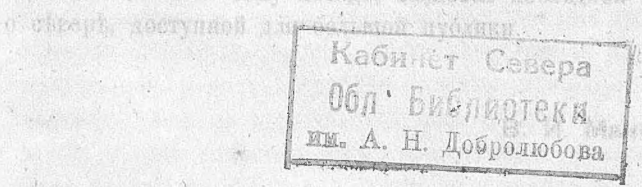
IV. Техническая организація промысловъ, ихъ обстановка, промысловыя суда и приготовленіе продуктовъ промысла. 53

V. Организація промысловаго труда и экономическая сторона промысловой дѣятельности. 90

VI. Колонизація Мурмана и бытовыя условія жизни промышленниковъ и колонистовъ. 144

VII. Заключеніе. 189

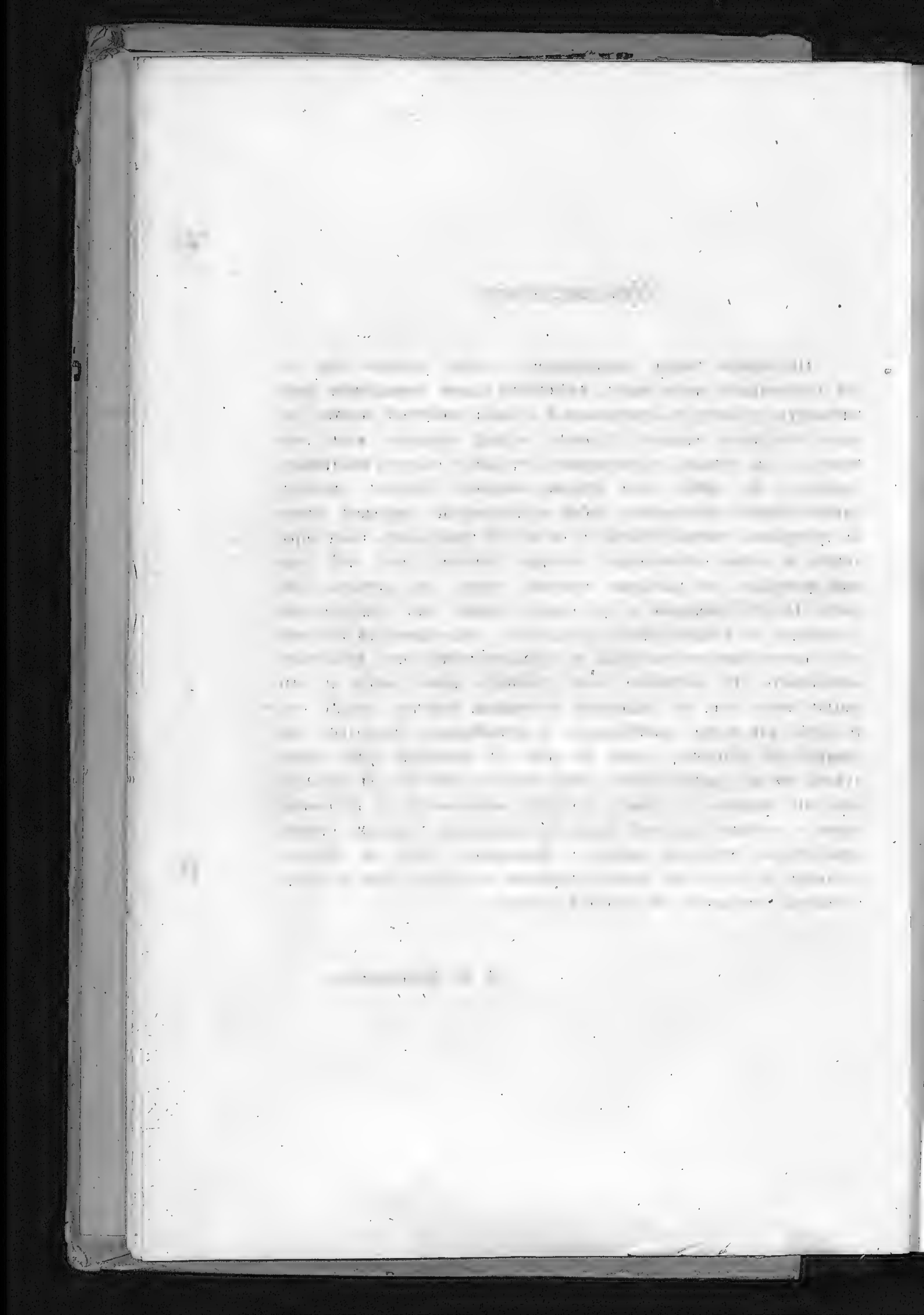
Приложенія. . . . . . I—IX

Предисловіе.

Настоящая книга представляетъ собою первую изъ серіи задуманныхъ мною книгъ, имѣющихъ цѣлью познакомить нашу читающую публику съ оригинальной и мало извѣстной жизнью нашихъ сѣверныхъ окраинъ. Мурманъ первый привлекъ наше вниманіе, и, для всякаго прочитавшаго эту книгу, станетъ понятнымъ, почему.... Не имѣя подъ руками *никакихъ* точныхъ данныхъ, какими можетъ располагать любой изслѣдователь народной жизни въ губерніяхъ земской Россіи, я по-неволѣ принужденъ былъ обратиться ко всѣмъ источникамъ, которые могли-бы дать мнѣ нужный матеріалъ, не разбирая особенно строго его научную цѣнность. Но къ сожалѣнію и при такомъ пріемѣ мнѣ пришлось натолкнуться на непреодолимое препятствіе, заключавшееся въ крайней односторонности матеріала и хронологической его непослѣдовательности. Это заставило меня измѣнить планъ книги и дать сводку всего того, что заключали источники, конечно, сводку всего болѣе или менѣе провѣреннаго и достовѣрнаго. Насколько мнѣ удалась эта попытка, судить не мнѣ.—Я позволяю себѣ только думать, что моя книга вполнѣ своевременна и умѣстна при томъ пробужденіи интереса къ сѣверу, который наблюдается въ настоящее время и особенно при той бѣдности литературы о нашемъ сѣверѣ, при которой извѣстная книга г. Максимова «Годъ на сѣверѣ», изданная 30 лѣтъ тому назадъ, является послѣдней цѣнной книгой о сѣверѣ, доступной для большой публики.

В. И. Маноцковъ.

Кажется еще ни одинъ уголокъ нашего громаднаго отечества не обращалъ на себя такого вниманія и печати, и общества, и правительства, какъ та длинная и узкая береговая полоса Кольскаго полуострова, которая съ незапамятныхъ временъ извѣстна подъ именемъ «Мурмана», «Мурманскаго берега». Вниманіемъ этимъ этотъ уголокъ обязанъ, конечно, прежде всего той чрезвычайно оригинальной жизни, которая кипитъ въ немъ и тому значенію, которое опять-таки съ незапамятныхъ временъ пріобрѣла эта узкая полоса земли въ жизни всего почти нашего сѣвера, съ плохо развитымъ земледѣліемъ и потому сильно нуждающагося въ пополненіи недостатковъ въ продуктахъ земледѣлія. Мурманъ, съ его почти неисчерпаемыми рыбными богатствами, пополняетъ именно эти недостатки въ жизненномъ обиходѣ сѣверно-русскаго крестьянина.

Несмотря, однако, на громадную литературу Мурмана, мы безъ преувеличенія можемъ сказать, что и до сихъ поръ истинное значеніе и роль мурманскихъ промысловъ въ народно-хозяйственной жизни нашего сѣвера почти не выяснены, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что до сихъ поръ еще не было произведено ни одного полнаго и систематическаго изслѣдованія этихъ промысловъ, начиная съ 60-хъ годовъ, когда экспедиціей Данилевскаго было произведено первое подробное описаніе ихъ. Признавая огромную научную цѣнность классической работы Данилевскаго, мы тѣмъ не менѣе съ увѣренностью можемъ отмѣтить, что *экономическая* сторона промысловъ Мурмана почти не выяснена до сихъ поръ. Лишь въ самое послѣднее время, спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ изслѣдованія рыбныхъ промысловъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана Данилевскимъ, въ печати появилась новая попытка систематическаго

описанія мурманскихъ промысловъ, но и эта попытка далеко не даетъ сколько-нибудь полнаго обзора ихъ и въ очень малой мѣрѣ выясняетъ ихъ значеніе въ народно-хозяйственной жизни. Впрочемъ, и самъ авторъ этой попытки, приватъ-доцентъ Петербургскаго Университета Н. Книповичъ, въ предисловіи къ своему труду, посвященному описанію современнаго положенія морскихъ промысловъ Архангельской губ., признаетъ, что главной его задачей было выясненіе біологіи и физической географіи Ледовитаго океана, а изслѣдованіе промысловъ велось имъ только между прочимъ, попутно. Уже одно это обстоятельство лишаетъ трудъ г. Книповича той цѣны, которую онъ могъ бы имѣть при другой постановкѣ дѣла.

Вся остальная, и притомъ поистинѣ громадная литература относящаяся къ мурманскимъ промысламъ, включающая такіе труды, какъ извѣстный трудъ Максимова («Годъ на сѣверѣ»), касаясь той или другой стороны промысловъ, представляетъ драгоцѣнный матеріалъ, но къ сожалѣнію не объединенный никакой руководящей идеей и потому чрезвычайно пестрый. Цѣнность этого матеріала особенно становится замѣтной, когда мы примемъ во вниманіе почти полное отсутствіе сколько-нибудь достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, рисующихъ положеніе вещей. Лишь въ самое послѣднее время оффиціальная статистика промысловой жизни сѣвера приняла болѣе достовѣрный характеръ, но и въ такомъ видѣ оставляетъ желать очень многаго. Несомнѣнно, что полнаго и детальнаго обслѣдованія своихъ промысловъ, хотя бы до нѣкоторой степени приближающагося къ типу обычныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій, Архангельская губернія дождется еще не скоро. Между тѣмъ, самое поверхностное знакомство съ организаціей мурманскихъ промысловъ и ихъ значеніемъ въ жизни нашего сѣвера указываетъ на необходимость именно такой работы, ибо безъ нея еще долго попытки правительства придти на помощь мурманскимъ промышленникамъ, содѣйствовать развитію самихъ промысловъ и т. д. будутъ безпочвенны, какъ это доказала исторія послѣднихъ 20 лѣтъ, которые можно отмѣтить какъ годы, необыкновенно богатые различными начинаніями, направленными къ охраненію и правильной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ сѣверныхъ морей.

Вся извѣстная намъ литература о Мурманѣ, повторяемъ, далеко не достигаетъ своей цѣли, т. е. не даетъ вполнѣ яснаго и точнаго представленія, какъ о положеніи и организаціи самихъ промысловъ, такъ и объ ихъ значеніи въ экономической жизни сѣвера, главнымъ образомъ, потому что, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, рисуетъ разныя стороны дѣла, но никогда въ его цѣломъ, во всей совокупности явленій, характеризующихъ положеніе вещей. Такимъ образомъ, вся эта, въ высшей степени цѣнная, литература пропадаетъ почти безъ пользы для тѣхъ, кто ставитъ себѣ задачей ознакомленіе съ нуждами сѣвера, а также и съ мѣрами, которыми можно было бы удовлетворить эти нужды. Между тѣмъ, болѣе или менѣе полная и систематическая сводка тѣхъ драгоцѣнныхъ данныхъ, которыя заключаетъ въ себѣ богатая литература сѣвера, могла бы дать чрезвычайно цѣнную картину экономической жизни этого сѣвера и тѣмъ способствовать серьезному и точному его изученію, не говоря уже о томъ самодовлѣющемъ интересѣ, который представитъ собою изображеніе въ высшей степени своеобразной и оригинальной жизни для всякаго интересующагося жизнью различныхъ уголковъ нашего огромнаго отечества.

Въ настоящее время уже затихли ожесточенные споры о судьбахъ нашего сѣвера, концентрировавшіеся главнымъ образомъ около вопроса: что нужнѣе сѣверу—земледѣліе или возможно большее развитіе промысловъ не земледѣльческихъ? Но въ сущности и до сихъ поръ вопросъ этотъ остается темнымъ и только полное и безпристрастное изслѣдованіе экономической жизни сѣвера освѣтитъ его вполнѣ и дастъ точныя данныя для его рѣшенія. Приблизиться отчасти къ рѣшенію этого громадной важности вопроса и дать частичный, такъ сказать, матеріалъ для его рѣшенія путемъ выясненія экономической важности одного изъ важнѣйшихъ промысловъ нашего сѣвера, именно Мурманскаго—до нѣкоторой степени также составитъ нашу задачу.

Изъ сказаннаго становится яснымъ, что главный недостатокъ въ литературѣ о нашемъ сѣверѣ составляетъ почти полное отсутствіе работъ обобщающаго характера и потому, приступая къ нашей работѣ, мы прежде всего будемъ стараться пополнить этотъ пробѣлъ и дать такимъ образомъ прочную основу, какъ для всякаго будущаго изслѣдованія, такъ и съ цѣлью спасти отъ окончательнаго

забвенія громадный, теперь уже ставшій историческимъ, цѣнный матеріалъ.

Если намѣчаемая нами главная цѣль будетъ достигнута хотя и не въ полной мѣрѣ, то и это въ значительной степени приблизитъ насъ къ рѣшенію различныхъ второстепенной важности вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ главнымъ вопросомъ о судьбахъ нашего сѣвера и именно въ смыслѣ рѣшенія вопроса о направленіи, какое приметъ его развитіе въ будущемъ—будетъ ли это развитіе промысловой его жизни, или земледѣлія и скотоводства.

I.

Природа и климатъ Мурмана.

Начиная съ 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка, промыслы по берегамъ русскихъ сѣверныхъ морей все стѣсняются и стѣсняются на постоянно уменьшающемся пространствѣ и, если замѣчается въ самое послѣднее время нѣкоторое оживленіе, то исключительно почти въ области торговыхъ сношеній и въ смыслѣ улучшенія кораблестроенія. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ одно изъ компетентнѣйшихъ нашихъ ученыхъ обществъ, а именно Императорское Русское Географическое Общество, устами комиссіи избранной изъ его среды для обсужденія вопроса объ организаціи экспедиціи для изслѣдованія русскихъ сѣверныхъ морей, говоря о задачахъ экспедиціи, характеризовало положеніе вещей на нашемъ крайнемъ сѣверѣ такими словами: «самая главная задача, которая предстояла бы научнымъ изслѣдованіямъ на сѣверѣ, и самая главная заслуга, которой они могли бы достигнуть, было бы поднять наши падающіе съ каждымъ годомъ звѣриные и рыбные промыслы на ту высоту, на которой они стояли въ концѣ прошлаго столѣтія и даже началѣ нынѣшняго, и указать способы, могущіе возбудить или воскресить въ населеніи сѣвера духъ морской и охотничьей предпріимчивости, къ сожалѣнію отчасти уступающій нынѣ мѣсто простому торгашеству;—изъ ввозимой въ Архангельскую губернію рыбы, не только значительная часть ввозится норвежцами, но даже и изъ той, которая ввозится русскими судами, значительная часть скупается у норвежскихъ рыбаковъ въ обмѣнъ на муку..» Въ другомъ мѣстѣ своего доклада комиссія, точно устанавливая факты, дающіе возможность судить о производительныхъ силахъ сѣвера, не безъ горечи прибавляетъ: «тотъ фактъ, что нѣкоторыя наши сѣверныя гавани не замерзаютъ круглый годъ, и что у острова Кильдина рыбный промыселъ ведется и зимой, былъ уже высказанъ Ломоносовымъ. Въ новѣйшее время, фактъ плаванія у Нордкапа круглый годъ былъ заявленъ въ 1810 г. въ иностранной литературѣ,

извѣстнымъ Л. фонъ-Бухомъ, послѣ путешествія, которое, какъ сочиненіе касающееся нашихъ окраинъ и какъ трудъ слишкомъ хорошо извѣстнаго ученаго, долженъ былъ-бы обратить на себя вниманіе литературы; а между тѣмъ у насъ этотъ фактъ оставался неизвѣстнымъ. И уступка норвежцамъ нашихъ лучшихъ гаваней даже не обратила на себя вниманіе общества. Тотъ же фактъ былъ заявленъ въ концѣ 20-хъ годовъ М. Ф. Рейнеке, въ его превосходной описи Мурманскаго берега, а между тѣмъ заявленіе того же факта въ послѣдніе годы было встрѣчено обществомъ какъ нѣчто неожиданно—новое. Изданіе книги г. Свенске «Новая Земля», которая во всякомъ случаѣ представляетъ лучшій сводъ всего извѣстнаго объ этомъ островѣ, прошло у насъ однако совершенно незамѣченнымъ. Въ то время, какъ этотъ трудъ былъ немедленно переведенъ въ Германіи, и книга разошлась по всему сѣверу и, какъ говорили г. Гёбелю норвежскіе же промышленники, имѣла значительное вліяніе на распространеніе ихъ промысловъ на Востокъ, у насъ не разошлось и 500 экземпл. этой книги. Превосходное путешествіе Врангеля, немедленно переведенное на нѣмецкій и англійскій языки, и выдержавшее въ Англіи два изданія въ одинъ годъ, едвали разошлось у насъ и первымъ изданіемъ. Даже такой фактъ, какъ открытіе въ 1847 г. въ высшей степени замѣчательной рукописи Ломоносова, написанной передъ отправленіемъ въ 1764 г. экспедиціи Чичагова, прошло, какъ жалуется издатель, совершенно незамѣченнымъ, и черезъ семь лѣтъ разошлось въ числѣ всего 200 экземпляровъ! (большею частью подарочныхъ)... Обширныя изслѣдованія г. Данилевскаго надъ рыболовствомъ на Мурманскомъ берегу... точно также остаются весьма мало извѣстными, и ссылки на подлинное сочиненіе чрезвычайно рѣдки. Наконецъ, не далѣе какъ въ прошломъ году, періодическая литература ни единымъ словомъ не упомянула о любопытныхъ наблюденіяхъ на Мурманскомъ берегу и о неожиданно-богатой найденной тамъ фаунѣ. Западныя же изслѣдованія на Сѣверѣ остаются неизвѣстными, даже по имени...»

«Словомъ, и изъ тѣхъ данныхъ, которыя уже накоплены предъидущими изслѣдованіями и трудами—продолжаетъ комиссія, —далеко не извлечено той пользы для промышленности, которую можно было-бы извлечь. Фактическія данныя, представляемыя этими изслѣдованіями, не служатъ исходною точкой для выработки

въ обществѣ проэктовъ необходимыхъ административныхъ реформъ. Мало того, они остаются обществу большею частью неизвѣстными...»

Все это, повторяемъ, было сказано 25 лѣтъ тому назадъ, но къ сожалѣнію и до сихъ поръ остается такой же истиной, какъ и въ то время, когда это было сказано, съ тою только разницею, что съ того времени не было *ни одного* сколько-нибудь серьезнаго изслѣдованія морскихъ промысловъ нашего сѣвера и, несмотря на громадную литературу журнальныхъ статей, посвященныхъ этому предмету, экономическое значеніе промысловъ остается почти въ такой-же мѣрѣ невыясненнымъ, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ. Правда, въ самые послѣдніе годы производятся научныя наблюденія и на сѣверѣ, но онѣ ограничиваются исключительно гидрологическими и біологическими изслѣдованіями и совершаются въ очень незначительныхъ размѣрахъ при томъ. Промышленная и экономическая жизнь сѣвера, хотя и трактуется въ многочисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, но благодаря односторонности и мелочности матеріала, далеко еще не выяснена въ той мѣрѣ, которая такъ необходима для выработки «проэктовъ административныхъ реформъ»... Отсюда и безплодность нѣкоторыхъ, хотя и благожелательныхъ, попытокъ администраціи придти на помощь падающимъ промысламъ.

Восполнить этотъ недостатокъ въ изслѣдованіяхъ промышленной и вообще экономической жизни сѣвера можетъ, конечно, только обстоятельное научное и статистико-экономическое обслѣдованіе, котораго, повидимому, нашъ сѣверъ дождется очень еще не скоро. Въ виду этого, представляется безусловно необходимымъ сдѣлать общую сводку всего по возможности наличнаго литературнаго матеріала, характеризующаго экономическую жизнь сѣвера, матеріала въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ крайне неполнаго и односторонняго, но въ цѣломъ безусловно цѣннаго и могущаго дать болѣе или менѣе вѣрную картину народно-хозяйственной жизни нашего сѣвера.

Предполагая свести въ одно цѣлое весь литературный матеріалъ, касающійся экономической жизни сѣвера, по крайней мѣрѣ сѣвера Европейской Россіи, мы въ предѣлахъ этой задачи останавливаемся прежде всего на одномъ изъ самыхъ крупныхъ въ настоящее время пунктовъ нашего сѣвернаго побережья, въ кото-

ромъ промышленная жизнь бьетъ наиболѣе замѣтной струей. Такимъ, наиболѣе крупнымъ экономически пунктомъ является Мурманскій берегъ Кольскаго полуострова съ его промыслами трески, добыча которой составляетъ не только наиболѣе крупную статью дохода въ бюджетѣ нашего сѣвера, но и даже одно изъ самыхъ важныхъ подспорій въ питаніи сѣвернаго крестьянина, благодаря суровости климата очень часто страдающаго отъ неурожаевъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важность промысловъ на Мурманскомъ берегу настолько сознана самимъ населеніемъ, что изъ устъ помора нерѣдко приходится слышать: море—наше поле... будешь съ рыбой—будешь съ хлѣбомъ....

Дикой, угрюмой скалистой грядой тянется сѣверный берегъ русской Лапландіи отъ мыса Св. Носа вплоть до устья рѣки Ворьемы (Jacobs-elf), составляющей границу Норвегіи, т. е. отъ 0° до 30° восточной долготы *). Вся эта длинная, длиною до 1000 верстъ, береговая полоса дѣлится на двѣ неравныхъ части—восточный Мурманъ (отъ мыса Св. Носа до Рыбачьяго полуострова) и западный Мурманъ (отъ Рыбачьяго полуострова до Jacobs-elf (р. Ворьемы)).

По геологическому строенію вообще весь Кольскій полуостровъ представляетъ собою продолженіе горъ Скандинавіи и въ силу этого очень напоминаетъ эти горы. Прибрежныя части полуострова, именно то, что называется Мурманскимъ берегомъ носитъ альпійскій характеръ. Скалистые массивы берега совсѣмъ лишены растительности, а въ ущельяхъ его лежитъ не тающій никогда снѣгъ и находятся слѣды глетчеровъ. По свидѣтельству изслѣдователей западнаго Мурмана этой части Мурманскаго берега особенно присущъ весьма характерный ледниковый ландшафтъ. «Округленность всѣхъ очертаній, куполовидныя вершины, гладко сточенныя, съ ясно-замѣтными бороздами, стѣны крутыхъ скалъ, окружающихъ долины и образующихъ берегъ,—наконецъ бараньи лбы, roches moutonnées, которые можно наблюдать въ прибрежныхъ долинахъ, чаще всего составляющихъ на сушѣ продолженіе фіордовъ и массы валуновъ, усѣивающихъ всѣ вершины, склоны и долины горъ Мур-

*) Считая отъ Пулковскаго меридіана.

мана—все служитъ, говоритъ одно изъ лучшихъ геологическихъ описаній Мурманскаго берега—яснымъ доказательствомъ, что еще въ недавнее время здѣсь было ледяное царство, господствовалъ ледниковый періодъ и вся страна находилась подъ толстымъ покровомъ льда, дававшимъ отъ себя мощные глетчеры по направленію къ океану...»

Въ силу такого характера горныхъ образованій, береговая линія Мурмана чрезвычайно неправильна и представляется сплошь изрѣзанной болѣе или менѣе глубокими фіордами въ самыхъ разнообразныхъ стадіяхъ развитія. Послѣднее обстоятельство имѣетъ громадное значеніе въ промышленно-экономическомъ значеніи, т. к., благодаря такой изрѣзанности береговой линіи, по всему западному Мурману нерѣдки глубокія и прекрасно защищенныя отъ господствующихъ вѣтровъ гавани, вполнѣ пригодныя для стоянки даже большихъ океаническихъ судовъ.

Впрочемъ, все, до сихъ поръ сказанное объ изобиліи фіордовъ, относится цѣликомъ къ западной части Мурманскаго берега и только частью къ восточной, т. к. уже верстъ за 200 до Св. Носа глубокія фіордовыя образованія уступаютъ мѣсто круглымъ открытымъ бухтамъ. Подобное явленіе объясняется характеромъ горнаго кряжа, тянущагося вдоль Мурманскаго побережья—кряжъ этотъ по мѣрѣ приближенія къ Св. Носу все понижается и съ 500 футовъ (средней высоты его на западномъ Мурманѣ) доходитъ до 300 и менѣе футовъ; въ соотвѣтствіи съ такимъ пониженіемъ горнаго массива уменьшается и ледниковый характеръ его, а слѣдовательно и глубокія фіордовыя образованія уступаютъ мѣсто открытымъ и неглубокимъ бухтамъ. Особенностью всего берега, какъ это установлено изслѣдованіями Кудрявцева, Фаусека и Подгаецкаго, является фактъ необыкновеннаго геологически-быстраго поднятія его, или вѣрнѣе, отступанія моря.

Не останавливаясь на подробностяхъ геологическаго строенія Мурманскаго берега, какъ не отвѣчающихъ нашей цѣли, мы добавимъ только еще нѣсколько чертъ, характеризующихъ ту обстановку, въ которой приходится жить часть года помору-промышленнику, гостю на Мурманскомъ берегу и колонисту—постоянному его обитателю.

Характеръ Мурманскаго берега крайне однообразенъ. Въ общемъ—это хаосъ нагроможденныхъ другъ на друга скалъ азой-

скаго типа, совершенно обнаженныхъ и подавляющихъ своей мертвенностью. Сравнительно новыя образованія встрѣчаются только по теченію рѣкъ и ручьевъ, но и эти образованія, состоя изъ песчано-глинистыхъ большею частью отложеній, даютъ очень малую возможность развитія сколько-нибудь пышнаго растительнаго покрова. И дѣйствительно, въ долинахъ рѣкъ и ручьевъ Мурманскаго берега развивается чрезвычайно жалкая растительность луговая и не менѣе жалкая растительность лѣсная. Послѣдняя состоитъ исключительно почти изъ низкорослыхъ и уродливо развившихся ивовыхъ и корявaго, уродливаго березняка. Впрочемъ, и эти подобія лѣса встрѣчаются на Мурманѣ сравнительно очень рѣдко и только по мѣрѣ углубленія къ срединѣ Лапландскаго полуострова число древесныхъ породъ и ихъ развитіе увеличиваются и онѣ покрываютъ все большія и большія площади.

Рѣзко различаются въ гео-ботаническомъ отношеніе отъ кореннаго Мурманскаго побережья тѣ его части, которыя болѣе подвергались дѣйствію моря, а именно его полуострова и острова. Особенно выдается въ этомъ отношеніи полуостровъ Рыбачій, острова Кильдинъ и Айненскіе. Горныя породы, составляющія массу ихъ, какъ на всемъ побережьи, не представляютъ собою обнаженныхъ поверхностей, но покрыты образованіями новѣйшаго происхожденія и, благодаря этому, на нихъ развилась болѣе богатая растительность.

Кстати упомянемъ здѣсь, что въ настоящее время на Мурманѣ извѣстно до 30 рудныхъ мѣсторожденій, въ большинствѣ случаевъ серебро-свинцовыхъ рудъ (особенно близъ Базарной губы, въ 10 верстахъ отъ пограничной рѣки Ворьемы). Впрочемъ, по отзывамъ спеціалистовъ, разработка рудныхъ мѣсторожденій едва-ли когда нибудь будетъ возможна, какъ вслѣдствіе малой толщины рудоносныхъ жилъ, большой твердости жильнаго вещества и окружающихъ горныхъ породъ, близкаго разстоянія отъ уровня водъ въ океанѣ, не позволяющаго рисковать проведеніемъ болѣе глубокихъ горныхъ выработокъ и т. д., такъ и вслѣдствіе малаго содержанія въ этихъ рудахъ свинца и серебра. Кромѣ рудоносныхъ залеганій близъ Базарной губы, остальныя безусловно не заслуживаютъ никакого вниманія и не представляютъ другого интереса, по мнѣнію спеціалистовъ, кромѣ чисто научнаго. Несмотря на единогласныя отзывы спеціалистовъ, нельзя, однако, вполнѣ оста-

влять безъ вниманія рудныя мѣсторожденія Мурмана, главнымъ образомъ потому, что надлежащаго изслѣдованія, обставленнаго вполнѣ научно, до сихъ поръ на Мурманѣ еще не произведено и весьма вѣроятно впослѣдствіи могутъ найтись руды съ большимъ содержаніемъ металла и въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ залеганія.

Бывшій уже опытъ разработки серебро-свинцовыхъ рудъ близъ бухты Базарной, на которыя указывалъ еще г. Подгаецкій. показалъ, что довольно поверхностныя и плохо обставленныя въ научномъ отношеніи изслѣдованія дѣйствительно оказались ошибочными, т. к., по свидѣтельству Архангельскаго губернатора А. Энгельгардта ему удалось видѣть въ 1895 году добытыя въ этой мѣстности куски руды, содержавшіе до 80% свинца. Кстати сказать, компанія, разрабатывавшая руды Базарной бухты, прекратила свое существованіе, но отнюдь не вслѣдствіе истощенія рудъ или недостатка содержанія въ нихъ металла, но исключительно по внутреннимъ причинамъ. Лишь будущее рѣшитъ во всемъ объемѣ вопросъ о цѣнности имѣющихся на Мурманскомъ берегу рудныхъ залеганій—главное же условіе для успѣшной разработки ихъ, т. е, хорошіе пути сообщенія имѣются на лицо, т. к. всѣ рудныя мѣсторожденія расположены не вдалекѣ отъ удобныхъ и весь годъ незамерзающихъ гаваней.

Климатъ Мурманскаго берега далеко не такъ суровъ, какимъ его себѣ представляютъ многіе. Внутри материка бываетъ несравненно холоднѣе, чѣмъ у береговъ, гдѣ теплое теченіе Гольфстрема въ значительной степени умѣряетъ холодъ, благодаря чему морозы въ 10—15° R. считаются на Мурманѣ рѣдкостью. Средняя температура зимы здѣсь достигаетъ едва—6°, а иногда зимою на Мурманѣ бываютъ даже оттепели и дожди. Но за то и лѣто на Мурманѣ не можетъ похвалиться высокой температурой—средняя его температура не превышаетъ +8° и иногда среди лѣта бываетъ снѣгъ (такъ напр., наблюдался въ 89 г. 29-го Іюня даже буранъ со снѣгомъ). Весна на Мурманѣ длится всего съ 1-го Апрѣля по 20-ое Мая, если, вообще говоря, это время можно назвать весной въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Весна на Мурманѣ совсѣмъ не поэтическое время—это время безпрестанныхъ дождей, тумановъ, прилета морскихъ птицъ и прибытія первыхъ, весеннихъ партій рыбопромышленниковъ-поморовъ. Лѣто чрезвычайно коротко —его считаютъ здѣсь по 10-е Іюля, т. е. въ теченіи 50 дней; но

зато все это время солнце не заходитъ совсѣмъ, и у новичка на Мурманскомъ берегу теряется всякое представленіе о днѣ и ночи. Лѣтняя погода отличается тихимъ и яснымъ характеромъ. Осень, продолжающаяся до 1-го Октября, въ срединѣ котораго устанавливается постоянный санный путь, ничѣмъ почти по температурѣ не отличается отъ весны (+2,5° R.) и изобилуетъ бурями. Зима на Мурманѣ, начиная съ 13-го Ноября, представляетъ собою царство постоянной ночи вплоть до 9-го Января, но ночи не безпросвѣтной и нерѣдко освѣщаемой великолѣпными «сполохами», какъ называютъ здѣсь сѣверныя сіянія. Зимній холодъ настолько невеликъ, а влажность воздуха въ свою очередь настолько велика, что океанъ, какъ уже мы говорили, у береговъ никогда не замерзаетъ надолго, образуя около нихъ по временамъ, только на короткое время т. наз. «припой». Сама полярная ночь не такъ темна—отраженный снѣгомъ свѣтъ позволяетъ ясно различать контуры и детали даже довольно отдаленныхъ предметовъ, а «сполохи» нерѣдко позволяютъ даже читать при ихъ свѣтѣ. Вліяніе временъ года на растительность тамъ, гдѣ она есть, не такъ пагубно, какъ это кажется съ перваго взгляда. Травяной покровъ луговъ, расположенныхъ въ глубокихъ долинахъ береговаго кряжа по теченію ручейковъ и рѣкъ, хотя и не отличается богатствомъ видовъ, но развивается вполнѣ нормально, благодаря, конечно, продолжительному дѣйствію свѣта во время лѣта, когда солнце въ теченіи 50 дней вовсе не заходитъ. Въ этотъ періодъ не только успѣваютъ созрѣть травы, но поспѣваетъ также и большое количество сѣверныхъ ягодъ, какъ напр. классическая морошка, голубель, черника и т. п.

Не всѣ изслѣдователи Мурманскаго берега согласны относительно климата его. Объясняется это отсутствіемъ постоянныхъ и точныхъ метеорологическихъ наблюденій, но изъ имѣющихся данныхъ все-таки можно нарисовать болѣе или менѣе вѣрную его картину. Приведенныя выше цифры средней температуры временъ года именно представляютъ средній выводъ изъ различныхъ и въ разное время производившихся наблюденій. Остальныя данныя, характеризующія общую картину Мурманскаго берега въ климатическомъ отношеніи въ различныя времена года, чрезвычайно разнообразны и, повидимому, обусловливаются субъективными впечатлѣніями наблюдателей.

Вотъ что напр. пишетъ извѣстный знатокъ сѣвера, г. Максимовъ: «тоска хватаетъ, глядя на берегъ. Сѣренькое небо, мрачные берега, темныя ущелья, *господствующіе восточные вѣтры*, нагоняющіе изъ Карскаго моря и отъ Новой Земли *постоянные туманы;* частые дожди весной, *лѣтомъ* и осенью; постоянный холодъ и недѣли безъ просвѣта, безъ солнца, луны и звѣздъ. Что за мрачный край! Какая скучная природа! Какъ тяжко жить на этомъ берегу!...» Между тѣмъ какъ другой изслѣдователь Мурмана, и притомъ очень компетентный, г. Гулевичъ, не только характеризуетъ климатъ Мурмана какъ умѣренный, но и даетъ цѣлый рядъ метеорологическихъ данныхъ, добытыхъ наблюденіями на трехъ пунктахъ берега (становищахъ Цыпъ-Наволокѣ, Териберкѣ и Гавриловѣ), изъ которыхъ видно, что въ теченіи года вообще и въ частности въ теченіи лѣта преобладаютъ далеко не восточные вѣтры, что туманы, не составляя рѣдкости, однако вовсе не характерны для лѣта и, наконецъ, что начиная съ средины Мая и въ особенности съ 20-хъ чиселъ Іюня преобладаетъ положительно тихая и ясная погода съ южнымъ и юго-восточнымъ вѣтрами вплоть до 1-го, а иногда и до 20-го Августа. Третій изслѣдователь (г. Верещагинъ) снова утверждаетъ, что на Мурманскомъ берегу «лѣто существуетъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ это осень, сырая, дождливая и холодная...» и что, наоборотъ, «внутри Лапландіи лѣтомъ выдаются иногда такіе дни, которые будто по ошибкѣ природы, занесены сюда изъ далекихъ странъ теплаго пояса...» Между тѣмъ, четвертый (г. Даргачевъ) утверждаетъ, что лѣтомъ на Мурманѣ дуютъ «юго-восточные и южные съ ясною погодой и тепломъ вѣтра»... и что дождь и туманъ бываютъ только при сѣверномъ и сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Подобныя противурѣчивыя показанія разныхъ изслѣдователей Мурмана, число которыхъ мы могли бы продолжить до безконечности, обусловливаются, какъ мы уже отмѣтили, субъективизмомъ наблюдателей и отсутствіемъ точныхъ и постоянныхъ метеорологическихъ наблюденій по возможности въ большомъ количествѣ пунктовъ берега.

Однако, несмотря на крайнее разнообразіе взглядовъ на климатъ и вообще природу Мурманскаго берега, общее впечатлѣніе, производимое ими, рисуетъ картину далеко не такой мрачной, какъ это изображаютъ ходячія мнѣнія объ этой далекой окраинѣ. Безъ особенной натяжки можно сказать, что климатъ и природа болѣе

южныхъ частей губерніи гораздо, въ общемъ, суровѣе, чѣмъ на Мурманѣ и, если Мурманъ, въ ходячихъ мнѣніяхъ о немъ, и кажется такимъ непривѣтливымъ и угрюмымъ, то, какъ кажется, главнымъ образомъ, потому что почти на всемъ протяженіи своемъ представляетъ гряду скалъ, не покрытыхъ въ большинствѣ случаевъ растительнымъ покровомъ. Впрочемъ и это обстоятельство не такъ ужъ удручающе дѣйствуетъ на наблюдателя уже потому, что въ глубокихъ долинахъ и ущельяхъ прибрежныхъ горъ, въ особенности по теченію рѣкъ и ручьевъ, число которыхъ по Мурманскому берегу очень значительно, имѣются луга, хотя и съ довольно однообразной по числу видовъ растительностью, но совершенно достаточныя при надлежащемъ уходѣ для пастьбы скота. Это дѣйствительно подтверждается тѣми свѣдѣніями о колонизаціи Мурмана, которыя имѣются въ оффиціальныхъ отчетахъ; такъ, оказывается, что около 400 колонистскихъ семей на этомъ берегу владѣютъ 431 голов. крупнаго скота и 980 гол. мелкаго, не считая 4310 шт. оленей, для которыхъ нужны моховыя болота, а не луга въ обычномъ смыслѣ этого слова. При этомъ нужно замѣтить, что добрая треть колонистовъ совсѣмъ не держитъ скота, хотя и имѣетъ къ тому полную возможность, по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ недостаткомъ или изобиліемъ луговъ. Эта треть, преимущественно и къ сожалѣнію изъ русскихъ колонистовъ, занимается исключительно торговлей, пьянствомъ, если только это послѣднее можно назвать занятіемъ, и, вообще, далеко не представляетъ собою подлинныхъ и исправныхъ колонистовъ. Такимъ образомъ, число колонистовъ, владѣющихъ скотомъ, уменьшается до 270 семей, слѣд. на каждую семью придется, въ среднемъ выводѣ, по $1^1/_2$ штуки крупнаго скота и почти по 4 шт. мелкаго, что уже указываетъ на довольно обширную луговую площадь. Несомнѣнно, впрочемъ, что тундровыхъ пространствъ несравненно больше, чѣмъ луговыхъ, на что имѣются прямыя указанія многихъ изслѣдователей Мурмана.

Summa summarum, климатъ и природа Мурманскаго берега далеко не представляютъ чего-либо исключительнаго по своей суровости, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются даже въ выгодную сторону сравнительно съ мѣстностями, лежащими болѣе глубоко внутрь страны, кстати сказать, населенными значительно гуще, чѣмъ Мурманскій берегъ.

Въ pendant къ приведеннымъ нами разнообразнымъ мнѣніямъ многочисленныхъ изслѣдователей нашего сѣвера, кстати сказать чрезвычайно важныхъ для рѣшенія вопроса о возможности колонизаціи Мурмана, мы приведемъ здѣсь изъ цѣлаго ряда мнѣній, сгрупированныхъ въ извѣстной, надѣлавшей въ свое время много шуму, книгѣ Сидорова, «Сѣверъ Россіи», нѣсколько отзывовъ и мнѣній о климатѣ и природѣ Мурмана, какъ русскихъ, такъ и норвежскихъ, представляющихся для насъ особенно интересными. Такъ, Архангельскій генералъ-губернаторъ маркизъ де-Траверсэ на поданной ему въ 1842 г. архангельскимъ, вятскимъ и вологодскимъ купечествомъ просьбѣ о разрѣшеніи учредить въ Печенгской губѣ (близъ границы Россіи съ Норвегіей) «Полярную Компанію» для рыболовства, звѣроловства и мореходства, написалъ: «тамъ могутъ жить только два пѣтуха, да три курицы...» Архангельскій вице-губернаторъ А. Софроновъ въ засѣданіи Имп. В.-Э. Об-ва въ 67 году характеризовалъ природу и климатъ Мурмана, если и не столь кратко, то и не менѣе мрачно. «Какимъ образомъ, говорилъ этотъ знатокъ края,—мы заключимъ контрактъ съ природою, чтобы почва, которая тамъ климатическими условіями осуждена на бездѣйствіе, сдѣлалась бы лучше, или климатъ измѣнился, чтобы зима сдѣлалась короче, морозы легче, и наконецъ, чтобы тамъ возможно было водворить какой-нибудь живой элементъ...» Бывшій лѣсничій въ г. Колѣ, Малышевъ ничего не нашелъ прибавить къ этому мнѣнію, какъ то, что онъ, проживъ 7 лѣтъ въ Колѣ, «вполнѣ согласенъ съ г. Софроновымъ», и что тамъ, т. е. на Мурманѣ— «устройство путей сообщенія немыслимо—колонизація немыслима...» Нѣкто статскій совѣтникъ Клаузъ, говоря о значительномъ пониженіи температуры по всему Мурману, начиная съ XV вѣка, прибавляетъ: «возможна ли колонизація? Не нужно ли намъ радоваться, что есть еще люди, которые охотно селятся на нашъ сѣверъ—это шведы и норвежцы?» Очевидно, г. Клаузъ полагалъ, что то, что шведу и норвежцу здорово, то русскому-смерть...

Слѣдующія два мнѣнія людей близко стоявшихъ къ народу и испытавшихъ на себѣ дѣйствіе природы и климата Мурманскаго берега, совершенно противоположны приведеннымъ. Такъ, судебный слѣдователь г. Колы и Мурманскаго берега, г. Комповскій, проведшій много лѣтъ на этому берегу, говоритъ: «климатъ въ Лапландіи менѣе суровъ, чѣмъ въ горной части Архангельской

губерніи, что происходитъ отъ вліянія Сѣвернаго океана и Бѣлаго море. Въ Колѣ обыкновенные морозы бываютъ въ 10—15° и только въ самую лютую зиму доходятъ до 23° не болѣе...» Мнѣніе промышленника г. Колы и Мурманскаго берега г. Оскерко идетъ еще далѣе въ этомъ направленіи—онъ говоритъ, что «на всемъ протяженіи берега... природа ставя оплотъ вѣчно-плещущихъ волнъ, укрѣпила берегъ почти сплошнымъ круппозернистымъ гранитомъ и образовала много значительныхъ защищенныхъ закрытыхъ отъ моря заливовъ, или загибомъ берега, или отдѣльными обломками скалъ, дающихъ безопасный пріютъ, съ множествомъ ручьевъ, дающихъ прѣсную воду. Во всѣхъ этихъ заливахъ, или лучше сказать, по всему берегу, вдаваясь въ глубь материка, можно найти луговыя мѣста, гдѣ съ успѣхомъ можетъ быть разведено скотоводство и въ извѣстномъ размѣрѣ огородничество... Близость моря и существованіе въ немъ внутренняго теченія теплой воды *) дѣлаютъ климатъ русскаго промысловаго берега болѣе умѣреннымъ, нежели въ другихъ мѣстностяхъ Архангельской губ.... Кольскій заливъ въ иную зиму покрывается льдомъ на 30 верстъ ниже Колы. Мурманскій же берегъ ни въ какую зиму не покрывается льдомъ и на 30 саженъ. Да притомъ такіе морозы бываютъ недолго. Малѣйшая перемѣна въ движеніи воздуха сейчасъ смягчаетъ суровость температуры... Самое состояніе крутыхъ береговъ материка имѣетъ большое гигіеническое значеніе, потому что при отливахъ морской воды только понижается ея уровень, но не открывается какъ въ другихъ мѣстностяхъ, на большое пространство дно моря. Это предохраняетъ Мурманскій берегъ отъ вредныхъ міазмовъ и, несмотря на необыкновенное неряшество и нечистоту, допускаемую промышленниками, воздухъ вообще остается здоровымъ и не бываетъ никогда проявленія какой либо особенной мѣстной болѣзни. Хотя и указываютъ, прибавляетъ г. Оскерко,—на скорбутъ и цынгу... но зародыши этой болѣзни приносятъ уже промышленники съ собою отъ чрезмѣрнаго напряженія и изнуренія трудовыхъ силъ и рѣзкаго затѣмъ перехода къ отдыху...»

---

*) Существованіе теплаго теченія вдоль *всего* Мурманскаго берега доказывается тѣмъ, что у самаго Св. Носа найдены заносныя части американскихъ деревьевъ, а также каштаны.

Совершенный контрастъ съ большинствомъ приведенныхъ нами русскихъ мнѣній о сѣверномъ побережьи Ледовитаго океана представляютъ мнѣнія норвежцевъ. Профессоръ Вульфсбергъ (въ 1867 г.) напр., утверждаетъ, что «на южныхъ сторонахъ Варангера (пріобрѣтеннаго отъ Россіи) лѣтомъ въ тѣни бываетъ отъ 22 до 23° R.; земли тамъ плодородны; на нихъ родится такой вкусный картофель, какого нѣтъ во всей Норвегіи; огородничество превосходно, травы самыя ароматичныя...» Другой норвежскій профессоръ, Килау (Keillau) говоритъ: «средняя температура цѣлаго года на Нордкапѣ +0,1 R, у мыса же Норкина, который *восточнѣе* Нордкапа, г. Килау видѣлъ пчёлъ... тамъ не бываетъ никакихъ болѣзней, кромѣ цынги, которая вполнѣ излечима...» Промышленникъ мѣстечка Moose (подъ 71° с. ш.) пишетъ въ газетѣ Финмаркенской (1868 г.)... «съ 7-го Февраля наступила теплая погода, свѣтлые солнечные дни. Въ Финмаркенѣ въ прошедшую зиму морозы были необыкновенные, которые считаются большою рѣдкостью: они доходили до 15°... и т. д.».

Ограничиваясь приведенными мнѣніями, можно съ нѣкоторой увѣренностью, несмотря на отсутствіе точныхъ и за длительный промежутокъ времени метеорологическихъ данныхъ, снова подтвердить, уже сдѣланный нами ранѣе, средній выводъ изъ многочисленныхъ, хотя и неполныхъ наблюденій надъ климатомъ и вообще природою Мурманскаго берега: берегъ этотъ, вообще, въ климатическомъ отношеніи не хуже, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже превосходитъ болѣе удаленныя отъ него въ глубь материка мѣстности Архангельской губ. и для колонизаціи вполнѣ пригоденъ. Если же эта колонизація развиваетоя очень туго, то на это есть свои причины, о которыхъ мы скажемъ дальше.

II.

Прошлое Мурмана и его промысловъ.

Вообще берега Ледовитаго океана издавна уже посѣщались русскими промышленниками; тоже самое можно сказать и про Мурманскій берегъ, который, повидимому, въ XI вѣкѣ уже принадлежалъ русскимъ. Въ извѣстной книгѣ Эрика Берньера, изданной въ Стокгольмѣ въ 1740 году, имѣются прямыя и точныя указанія на то, что въ XI вѣкѣ границею между древней Русью и Норвегіей считался, по договору Ярослава Мудраго съ норвежскимъ королемъ Олафомъ Трикесономъ, морской заливъ Люгеньфіордъ. Эта граница, установленная путемъ мирнаго договора, закрѣпленнаго въ свою очередь женитьбой Ярослава на дочери Олафа, конечно, не была фактически гранью, раздѣлявшей владѣнія двухъ сосѣднихъ государствъ, ибо постоянные переходы черезъ нее съ разными цѣлями были въ то время самымъ обычнымъ явленіемъ. По смерти Олафа между Русью и Скандинавіей начались безпрерывныя войны, закончившіяся мирнымъ договоромъ между шведскимъ королемъ Магнусомъ въ 1323 г. и новгородскимъ княземъ Юріемъ Даніиловичемъ. По этому договору нашимъ рубежемъ на Мурманскомъ берегу сталъ считаться уже Варангерскій заливъ (въ настоящее время уступленный Норвегіи).

Минуя самый древній періодъ, т. е. періодъ до XI в., въ теченіи котораго также, повидимому, существовали поселенія, если не на самомъ Мурманскомъ берегу, то въ недалекомъ отъ него разстояніи, малоизвѣстнаго въ исторіи народа Чуди, мы находимъ первыя достовѣрныя свѣдѣнія о русскихъ поселенцахъ на Мурманѣ, относящіяся къ XIII вѣку. Подъ 1264 годомъ въ русскихъ лѣтописяхъ мы находимъ первое извѣстіе о русскомъ поселеніи на Мурманѣ, повидимому, однако существовавшемъ еще ранѣе, именно о Колѣ, но когда и кѣмъ основана Кола въ историческихъ матеріалахъ не имѣется никакихъ указаній. Кольское поселеніе въ то время было, повидимому, промысловымъ пунктомъ и только въ

1550 году пріобрѣтаетъ военно-стратегическое значеніе, благодаря тому, что Іоанну Грозному, ведшему войны со шведами, крайне необходимо было имѣть укрѣпленный пунктъ на сѣверѣ: съ этой цѣлью Кола превращается въ «острогъ» и туда посылается новый воевода. Но еще раньше, т. е., въ то время, когда Новгородъ жилъ своей независимой жизнью, и когда весь Двинскій край принадлежалъ этой республикѣ, всѣ побережья Сѣвернаго океана, въ томъ числѣ и Мурманское, были заселены или посѣщались промышленниками, промыселъ которыхъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, строго контролировался съ фискальными цѣлями. Въ XVI вѣкѣ, а именно въ 1581 году, въ нѣкоторыхъ пунктахъ Мурманскаго берега новгородскимъ правительствомъ была даже введена откупная система: сборы «десятой рыбы» отдавались за особую плату частнымъ лицамъ, а иногда и цѣлымъ обществамъ (какъ напр. въ Варзугѣ въ 1582 году сборы были уступлены крестьянамъ за 145 руб.). Нѣсколько позднѣе, въ 1590 году, исторія отмѣчаетъ фактъ отмѣны пошлины, уплачиваемой колянами новгородскому правительству, а вскорѣ затѣмъ и другой чрезвычайно важный фактъ отдачи всѣхъ промысловъ на откупъ иностраннымъ «гостямъ Петру Морсенесу и Еремею Фельцу», уплачивавшими за промышленниковъ ихъ пошлину. Это обстоятельство было крайне разорительно для края и надолго остановило развитіе промысловъ, т. к. промышленники обязаны были сдавать иностранной компаніи всю свою добычу по принудительной цѣнѣ. Лишь въ 1646 году иностранные «гости» должны были уступить свое привиллегированное мѣсто самостоятельно дѣйствовавшимъ промышленникамъ и откупная система была уничтожена. Въ 1665 году въ Колѣ была открыта таможенная застава и поселены стрѣльцы и цѣловальники, которые періодически предпринимали обходы побережья съ цѣлью взиманія «десятой рыбы». Притѣсненія этихъ цѣловальниковъ и стрѣльцовъ были настолько крупны, что даже тогдашнее правительство узнало о нихъ и сборъ десятины поручило «гостямъ съ товарищами» (въ 1691 г.). Регламентація промысловъ, имѣвшая постоянно въ виду чисто фискальныя цѣли, доходитъ нѣсколько позднѣе до того, что (въ 1696 г.) промышленникамъ вмѣнено было въ обязанность привозить въ Архангельскъ рыбій жиръ въ опредѣленнаго объема бочкахъ, самый надзоръ за промыслами былъ усиленъ до крайней степени, а налогъ натурою былъ замѣненъ денежнымъ: съ

тысячи трески взималось по 16 гривенъ, а съ 10 пудовъ рыбьяго сала—15 алтынъ. Кромѣ того, если рыба предназначалась къ продажѣ внутри государства, то съ промышленниковъ брали по торговому уставу 1667 г. по 10 денегъ съ рубля, не считая извѣстной части улова, отдаваемаго промышленниками въ пользу города Архангельска и поморскихъ монастырей. Хотя величина этого налога намъ и неизвѣстна, однако онъ, по всей вѣроятности, былъ не менѣе одной десятой части улова. Такимъ образомъ, съ 17-го вѣка сѣверные наши промыслы были обременены значительнымъ налоговымъ бременемъ, что, безъ сомнѣнія, едва-ли содѣйствовало ихъ развитію.

Второй періодъ въ исторіи развитія вообще морскихъ промысловъ всего побережья Сѣвернаго океана, въ частности Мурманскаго берега, наступаетъ въ царствованіе Петра Великаго, обратившаго особенное вниманіе на развитіе морскихъ промысловъ сѣвера. Первое, на что онъ обратилъ вниманіе—это была чисто техническая сторона промысловъ. Правда, промышленниковъ нечего было учить искусству ловли, но улучшить способы приготовленія улова къ продажѣ, повысить доброкачественность, а слѣдовательно и цѣнность продуктовъ промысла, представлялось безусловно необходимымъ, т. к. эти продукты не выдерживали никакого сравненія съ норвежскими, а потому и не находили себѣ такого широкаго сбыта, какой могли бы имѣть при другихъ условіяхъ. Съ этой цѣлью Петръ отдалъ промыслы на содержаніе особой компаніи, обладавшей большими средствами. Эта реформа состоялась въ 1704 г. и компанія, состоявшая изъ князя Меньшикова, братьевъ Шафировыхъ, Григорьева и Копьева, стала функціонировать «для большаго промысловъ размноженія и вспоможенія торговли».

Пошлина уплачивалась, конечно, компаніей, но уже уменьшенная на ту часть, которая шла въ пользу Архангельскихъ и поморскихъ монастырей. Однако, разсчеты Петра и надежды, имъ возлагавшіяся на компанію бѣломорскихъ промысловъ, оказались очень ошибочными, какъ и слѣдовало ожидать. Монополистическій характеръ компаніи сдѣлалъ то, что компанія эта, нисколько не заботясь о «размноженіи» промысловъ, скупала у бѣдныхъ промышленниковъ по произвольнымъ цѣнамъ рыбу и заботилась исключительно о возможно скоромъ обогащеніи.

Отвлеченный государственными заботами въ другую сторону, Петръ Великій только черезъ 18 лѣтъ обратилъ свое вниманіе на состояніе морскихъ промысловъ и увидалъ, въ какомъ ужасномъ положеніи они находятся. Предполагая исправить свою ошибку и думая, что индифферентное отношеніе главарей компаніи къ судьбамъ самихъ промысловъ обусловливается ихъ незаинтересованностью въ торговлѣ, Петръ отнимаетъ монополію у дворянъ и отдаетъ ее въ руки купцу «гостиной сотни» Матвѣю Еврейнову на 20 лѣтъ (въ 1722 г.). Но на этотъ разъ императоръ уже съ недовѣріемъ относится къ способности отдѣльныхъ лицъ, движимыхъ исключительно своекорыстными побужденіями, содѣйствовать «умноженію промысловъ» и возлагаетъ выборъ и утвержденіе членовъ новой компаніи на Коммерцъ-Коллегію и, что важнѣе всего, ставитъ непремѣннымъ ей условіемъ, либо производить самой промыслы, либо скупать рыбу у промышленниковъ, но уже по вольной цѣнѣ, и вообще, обставляетъ дѣятельность компаніи различными ограниченіями, вродѣ обложенія ея пошлиной въ увеличенномъ размѣрѣ, строгаго контроля надъ ея дѣйствіями и т. д. Но и этотъ опытъ былъ неудаченъ, и Петръ уже черезъ годъ уничтожаетъ окончательно монополію и предоставляетъ промыслы ихъ естественному развитію. Однако, на этомъ не прекращаются заботы Великаго преобразователя Россіи—въ 1723 году онъ выписываетъ изъ заграницы мастера для соленія трески и разрѣшаетъ иностранцамъ свободную продажу на мѣстахъ промысловъ своей соли и даже устройство заводовъ для соленія рыбы.

Послѣднее распоряженіе Петра внушило иностранцамъ мысль хлопотать о дарованіи имъ на опредѣленный срокъ монопольнаго производства промысловъ, но Петръ ходатайства эти отклонилъ, и только въ 1726 году императрицей Екатериной была разрѣшена смѣшаннаго, полурусскаго, полуиностраннаго характера монопольная компанія, обязанная, однако, производить свои операціи на казенный счетъ, т. е., другими словами, была учреждена государственная монополія подъ управленіемъ опять Коммерцъ-Коллегіи.

Въ царствованіе Екатерины I заботы правительства о развитіи и улучшеніи морскихъ промысловъ сѣвера не прекращаются. Въ томъ-же, 1726 г., учреждается особая китобойная компанія въ Колѣ и посылается для организаціи ея президентъ Коммерцъ-Коллегіи Шафировъ, но, вмѣсто этой компаніи, Шафировъ отдаетъ

семужьи ловы компаніи Архангельскихъ купцовъ на четыре года и возвращается, не исполнивъ возложеннаго на него порученія. Насколько сильно было желаніе правительства содѣйствовать развитію промысловъ, видно изъ того факта, что члены учрежденной Шафировымъ компаніи освобождались даже отъ отбыванія воинской повинности и отъ постоя.

Возвращаясь къ тресковому промыслу, сдѣлавшемуся собственностью государства, мы видимъ постепенный его упадокъ, низведшій всю добычу отъ этого промысла до 37 304 руб. (въ 1726 г.), тогда какъ ранѣе этотъ же промыселъ даже при крайне неблагопріятныхъ, частно-монопольныхъ условіяхъ существованія давалъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ валового дохода. Въ виду этого, въ 1730 году казенная монополія снова была отмѣнена и промыслы предоставлены поселенію въ вольное пользованіе. Но уже въ слѣдующемъ году протекціонныя симпатіи снова берутъ верхъ и промыслы снова отдаются въ монопольное пользованіе, на 30 уже лѣтъ, тому же Еврейнову, впрочемъ, за исключеніемъ самого главнаго, трескового, оставшагося въ вольномъ пользованіи народа. Компанія эта просуществовала только 4 года и затѣмъ дѣла перешли къ Шафирову, а отъ послѣдняго въ 1742 г. къ барону Шембергу и на этотъ разъ уже вмѣстѣ съ тресковымъ промысломъ. Наконецъ, промыслы, послѣ Шемберга, опять еще разъ попадаютъ въ руки казны и въ вѣдѣніе Архангельской губернской канцеляріи, а потомъ даже въ вѣдѣніе особой конторы въ Архангельскѣ, учрежденной въ 1744 г. Казенное управленіе промыслами ни на шагъ не подвинуло ихъ развитіе и они опять переходятъ въ частныя руки къ графу Шувалову и его наслѣдникамъ на 20 лѣтъ «для лучшаго тѣхъ промысловъ произведенія и приращенія государственнаго интереса». Эта послѣдняя монополія является уже субсидированной, т. к. Шувалову «въ пособіе» выдается изъ казны 6 т. рублей. Промыслы были переданы на тѣхъ же условіяхъ, какъ и купцу Еврейнову. Съ момента полученія монополіи Шуваловъ начинаетъ свою устроительную дѣятельность съ устройства въ Архангельскѣ особой промысловой конторы и затѣмъ приступаетъ къ устройству быта промышленниковъ, помогая имъ доставкой предметовъ первой необходимвсти и облегчая полученіе паспортовъ. Но этими полумѣрами собственно Шуваловъ и ограничился, ибо его указъ (1750 г.) о запрещеніи промышленникамъ продавать сало въ

посторонния руки, помимо компаніи и (1753 г.) приказаніе не только промышленникамъ, но и частнымъ лицамъ добытую треску продавать исключительно приказчикамъ Шувалова—не имѣли никакого отношенія къ «приращенію государственнаго интереса», а тѣмъ болѣе къ «лучшему произведенію» промысловъ. Конечно, не однѣми указанными мѣрами ограничивалось управленіе Шувалова по отношенію къ промысламъ, но по приведеннымъ уже можно судить, какой характеръ онѣ носили. Естественно, что польза всѣхъ этихъ мѣръ была болѣе чѣмъ проблематична.

Въ 1762 г. снова послѣдовалъ указъ, которымъ всѣ монополіи были уничтожены и промыслы оставлены были въ управленіи Шувалова только до истеченія 20-лѣтняго срока. Указомъ 1768 г. всѣ промыслы были предоставлены жителямъ Архангельской губерніи, «могущимъ имѣть отъ того свое пропитаніе», кромѣ торговли саломъ, составившей монополію архангельскихъ купцовъ на 10 лѣтъ. Хотя эта послѣдняя монополія по существу не отличалась отъ Шуваловской, но, повидимому, управленіе Шувалова было просто гибельно для промысловъ, насколько объ этомъ позволяютъ судить цифры. Такъ, управленіе Шувалова въ теченіи 20 лѣтъ отправляло сала отъ 1800 до 8800 бочекъ въ годъ, между тѣмъ, какъ архангельскіе купцы отправляли его заграницу ежегодно отъ 5680 до 14080 бочекъ... На этомъ основаніи монополія была за архангельскими купцами оставлена еще на 10 лѣтъ.

Слѣдующій періодъ въ исторіи нашихъ морскихъ промысловъ по Мурману и Бѣлому морю вплоть до 1803 года, т. е. въ теченіи 35 лѣтъ, характеризуется полной ихъ свободой отъ всякой монополіи. Къ сожалѣнію, въ историческихъ документахъ относящихся къ тому времени, нѣтъ никакихъ указаній относительно развитія промысловъ въ этотъ 35-лѣтній промежутокъ, чтобы съ достаточной наглядностью оцѣнить послѣдствія предшествующаго монопольнаго ихъ существованія.

Каковы были причины, понудившія правительство въ 1803 году отдать промыслы частной «Бѣломорской компаніи», намъ неизвѣстно, но тогдашнее купечество и промышленники встрѣтили эту мѣру съ большимъ неудовольствіемъ. И эта новая компанія не обошлась безъ правительственныхъ субсидій, и на этотъ разъ субсидія простиралась уже до 263 т. рублей. Въ видѣ особой льготы этой компаніи была уступлена Екатерининская гавань на

Мурманскомъ берегу и компанія устроила по берегамъ ея пристани, склады и магазины. Но уже въ 1809 г. компанія перестала существовать, благодаря разграбленію ея имущества и захвата судовъ англичанами; впрочемъ, компанія не совсѣмъ прекратила свое существованіе и кое-какъ влачила его до 1813 г. Съ этого года мурманскіе промыслы, повидимому, навсегда дѣлаются вольными....

Этотъ скорбный листъ нашей промышленности на крайнемъ сѣверѣ далеко еще не полонъ—мы привели въ бѣгломъ очеркѣ только крупнѣйшіе моменты изъ исторіи ея, но совершенно не касались внутренней жизни, въ свою очередь чреватой всевозможными «воздѣйствіями» со стороны отечески опекавшей ее администраціи. Ниже мы еще не разъ остановимся на интимной, т. ск., исторіи Мурмана и покажемъ съ достаточной ясностью результаты его почти четырехвѣковой исторіи. Но уже изъ сдѣланнаго нами бѣглаго очерка, видно, что промыслы на Мурманѣ, строго говоря, никогда не были свободны, даже въ періодъ владычества Новгородской республики, а начиная съ Петра положительно пріобрѣтаютъ характеръ какой-то игрушки, перебрасываемой изъ рукъ одной монопольной компаніи въ руки другой, отъ нея въ руки казны и обратно... Что пережила за все это время многострадальная промышленность сѣвера, мы не можемъ съ полной достовѣрностью сказать, потому что она не имѣетъ еще своего исторіографа, который бы документально воспроизвелъ исторію ея внутренняго развитія. Изъ грубо набросанныхъ чертъ ея историческаго прошлаго, однако, съ достаточной ясностью видно, что никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ сторону большаго развитія промысловъ, улучшенія ихъ техники, усиленія ихъ экономическаго значенія и т. д., не произошло и даже совершалось нѣчто обратное. Памятники 18-го вѣка рисуютъ техническую сторону промысловъ совершенно въ такомъ-же видѣ, какъ это наблюдается въ настоящее время, т. е., спустя болѣе ста лѣтъ. Экономическое же значеніе промысловъ умалилось въ нѣсколько разъ: если во времена Ломоносова, оставившаго, кстати сказать, превосходную монографію народно-хозяйственной жизни на сѣверѣ, Мурманскіе промыслы привлекали до 10.000 человѣкъ промышленниковъ, то въ настоящее время число этихъ послѣднихъ колеблется около 3000 чел.! Аналогичныхъ фактовъ такъ много, несмотря на неполноту

историческихъ данныхъ, что мы затрудняемся даже сдѣлать хотя бы простой ихъ перечень, тѣмъ болѣе, что въ послѣдствіи коснуться этихъ фактовъ придется не разъ.

Въ краткомъ перечнѣ фактовъ, составляющихъ формальную исторію Мурманскихъ промысловъ, мы не коснулись еще нѣкоторыхъ ея подробностей, касающихся исторіи китоловства, акульяго промысла и вообще промысла морскихъ звѣрей. Не сдѣлали мы этого, главнымъ образомъ, въ виду того, чтобы не повторяться, ибо эти эпизоды въ общей исторіи Мурманскихъ промысловъ, только повторяютъ собою то, что характеризуетъ почти 4-хъ вѣковое существованіе всего Мурманскаго промысла: тѣ-же безпрерывные и плохо мотивированые переходы отъ полной свободы къ монопольной зависимости, та-же эксплуатація ихъ монопольными компаніями, то-же, въ концѣ концовъ, разореніе промышленниковъ. Другая, хотя и менѣе важная причина, по которой мы не останавливались на исторіи этихъ двухъ промысловъ, заключается еще въ томъ, что эти промыслы никогда не играли крупной роли въ исторіи Мурмана.

Любопытной исторической параллелью рисуется исторія сосѣдняго съ Мурманскимъ, норвежскаго берега, непосредственнаго продолженія Мурманскаго берега къ западу, именно той части, которая извѣстна подъ именемъ Финмаркена. Такъ, положительно извѣстно, что въ XV и XVI вѣкахъ поморы посѣщали, кромѣ Мурмана, и берегъ Финмаркена, занимаясь тамъ рыбными промыслами и доходя съ этой цѣлью до м. Нордкапа и далѣе, зимовали на этомъ берегу и устраивали тамъ склады. Такъ шло дѣло до XVIII вѣка и все это время русскіе промышленники доминировали на всемъ побережьи и даже основывали на Финмаркенскомъ берегу города, какъ напр. Васинъ и Варгаевъ, обратившіеся впослѣдствіи въ Вадзэ и Вардэ. Подобное положеніе вещей объяснялось тѣмъ, что Финмаркенъ былъ бѣдной, забитой стороной, страдавшей отъ тяжелаго гнета «*монополіи*, дарованной норвежскимъ правительствомъ нѣсколькимъ бергенскимъ купцамъ»—какъ характеризуетъ одинъ изъ историковъ положеніе вещей на Финмаркенѣ. Установившаяся было мѣновая торговля поморовъ съ обитателями Финмаркена, была постояннымъ предметомъ жалобъ со стороны бергенскихъ купцовъ, ревниво оберегавшихъ свои привиллегіи и вызвала даже указъ императрицы Екатерины II, которымъ предписывалось

«русскимъ въ Финмаркенѣ заниматься промысломъ не въ притѣсненіе или вредъ Его Датскаго Величества...»

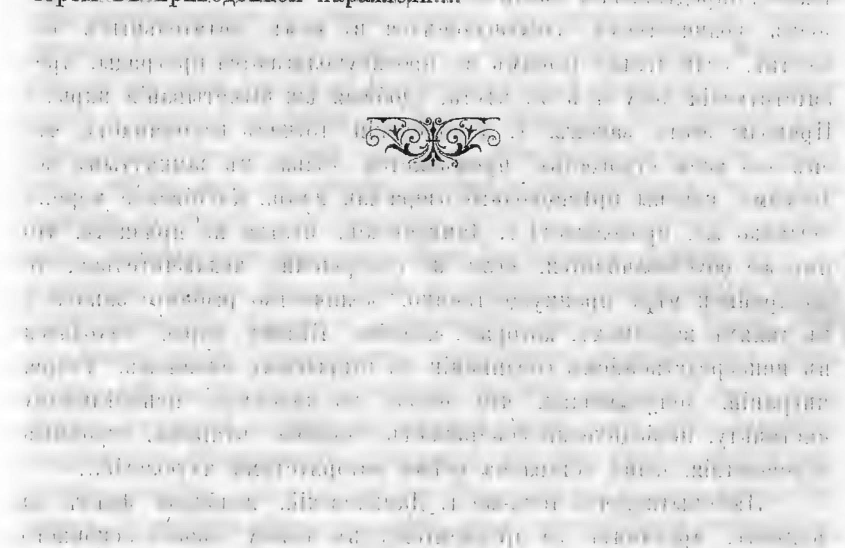
Но вотъ, въ срединѣ 18-го и въ первой половинѣ 19-го вѣка въ Норвегіи происходитъ цѣлый рядъ политическихъ и общественныхъ перемѣнъ, и Норвегія вмѣстѣ со Швеціей сходятъ съ арены политической жизни, перестаютъ играть сколько-нибудь замѣтную политическую роль и главное свое вниманіе обращаютъ на внутреннее свое устроительство. Какъ и слѣдовало ожидать, первымъ предметомъ, привлекшимъ вниманіе норвежскаго правительства, былъ морской промыселъ на берегахъ Финмаркена. «Началось тщательное изслѣдованіе и изученіе причинъ упадка рыбныхъ промысловъ въ Финмаркенѣ, и для устраненія главной изъ нихъ, т. е. монополіи, сосавшей Финмаркенъ, была объявлена въ этой провинціи полная свобода торговли и были учреждены три портовыхъ города. Съ этихъ поръ русско-норвежская мѣновая торговля стала оффиціально признаннымъ фактомъ. Русскимъ поморамъ были даны многія льготы для облегченія и развитія мѣновыхъ сношеній, но зато послѣдовали ограниченія ихъ правъ промысловъ у норвежскихъ береговъ...»

Послѣдствія такого образа дѣйствій не замедлили себя показать: поморы жадно устремились за выгодами легкой и быстрой наживы путемъ мѣновой торговли и все болѣе и болѣе забрасывали свои промыслы, предпочитая ввозить въ Россію вымѣненную у норвежцевъ рыбу, обходившуюся имъ дешевле, чѣмъ у себя дома. Норвежскіе же промыслы все болѣе и болѣе разцвѣтали, Финмаркенъ быстро сталъ заселяться и уловы рыбы достигли громадныхъ размѣровъ. Интересно то обстоятельство, что норвежцы не удовлетворились завоеваннымъ уже русскимъ рынкомъ и простерли свои виды и на другіе рынки, послѣдствіемъ чего было то, что норвежская рыба пріобрѣла себѣ сбытъ даже въ Испаніи. Во вновь основанныхъ городахъ, Вардэ, Вадзэ и Гамерфестѣ явились торговые дома, салотопенные и гуанные заводы, утилизировавшіе отбросы рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ. Организовались тутъ же склады соли, хлѣба и т. д. и Финмаркенъ менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ сдѣлался цвѣтущимъ уголкомъ, привлекавшимъ къ себѣ не только торговые капиталы, но и туристовъ-иностранцевъ, пріѣзжавшихъ любоваться кипучей жизнью сѣвера и его промыслами.

Что было сдѣлано норвежскимъ правительствомъ для достиженія такихъ блестящихъ результатовъ?

Предоставляемъ отвѣтить на этотъ вопросъ фактамъ... А факты говорятъ слѣдующее: «норвежскимъ правительствомъ были предприняты обширные гидрографическія изслѣдованія, разставлены маяки, устроены порты, проведены дороги и телеграфъ, учреждены и субсидированы срочные не только магистральные, но и мѣстные пароходные рейсы, поддерживающіе сообщеніе въ теченіи всего года, построены церкви, открыты школы и метеорологическія станціи...»

Чтобы закончить эту любопытную историческую параллель, остается добавить только, что лишь послѣдніе 5—10 лѣтъ въ исторіи нашихъ Мурманскихъ промысловъ начинаютъ, и то лишь отчасти, напоминать факты изъ прошлаго Финмаркена. Теперь есть телеграфъ, есть очень еще немного гидрографическихъ работъ, срочные пароходные рейсы... но все это лишь въ очень микроскопическихъ по сравненію съ Финмаркеномъ размѣрахъ. Краснорѣчіе приведенныхъ фактовъ настолько убѣдительно, что бытописателю ничего не остается дѣлать отъ себя, чтобы отмѣтить выдающіяся черты въ приведенной параллели...

III.

Богатства Мурманскаго моря.

Тресковый промыселъ. Исторія акульяго и китобойнаго промысловъ.

Капитальнѣйшее и, строго говоря, единственное цѣльное и систематическое описаніе рыбныхъ богатствъ нашихъ сѣверныхъ водъ вообще, въ частноси рыбныхъ богатствъ Баренцова (Мурманскаго) моря, принадлежащее перу извѣстнаго изслѣдователя жизни русскаго сѣвера, г. Данилевскаго, сначала категорически отрицаетъ установившееся мнѣніе относительно неисчерпаемости этихъ богатствъ и остерегаетъ «отъ преувеличенныхъ понятій» о рыбномъ богатствѣ нашихъ сѣверныхъ водъ. Вся аргументація этого солиднаго автора, главнымъ образомъ, основывается на результатахъ изысканій академика Бэра надъ условіями питанія и размноженія рыбъ—изысканій, по мнѣнію г. Данилевскаго, точно установившихъ законъ, опредѣляющій «количество рыбнаго запаса въ данномъ водоемѣ количествомъ заключающихся въ немъ питательныхъ веществъ, если только рыбамъ не противуполагаются преграды, препятствующія ходу ихъ въ мѣста, удобныя для выметыванія икры..» Приводя этотъ законъ, г. Данилевскій тотчасъ вспоминаетъ, что онъ «со всею строгостью примѣняется только къ замкнутымъ водоемамъ, каковы прѣсноводные озера или, напр., Каспійское море..» «Однако же, продолжаетъ г. Данилевскій, нельзя не признать, что имъ же обусловливается, если не совершенно исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно, количество рыбнаго запаса и въ такихъ водоемахъ, которые, подобно Бѣлому морю, находятся въ непосредственномъ соединеніи съ открытымъ океаномъ. Теорія миграцій, допускающая, что рыбы, по какому-то непобѣдимому инстинкту, періодически совершаютъ, подобно птицамъ, огромныя путешествія, нынѣ оставлена всѣми авторитетами ихтіологіи..»

Любопытно, что тотъ-же г. Данилевскій, подбирая фактъ за фактомъ, аргументъ за аргументомъ въ пользу своего основного положенія, кстати сказать, основаннаго, какъ это выяснилось въ послѣднее время, на неполныхъ и не вполнѣ точныхъ наблюде-

ніяхъ, отводитъ Мурману совершенно исключительное мѣсто и, хотя съ видимой неохотой, но признаетъ рыбныя богатства этого побережья неисчерпаемыми. Задавая самому себѣ вопросъ, какимъ образомъ можно объяснить «выловъ огромнаго количества трески, въ теченіи многихъ вѣковъ и безъ замѣтнаго уменьшенія, у береговъ Норвегіи и у нашего Лапландскаго берега?»—г. Данилевскій не находитъ другого объясненія, какъ указаніе на Гольфстремъ, приносящій отъ береговъ Мексиканскаго залива массу воды съ болѣе высокой температурой и насыщенной большимъ количествомъ органическихъ веществъ, попавшихъ въ это теплое теченіе изъ рѣкъ сѣверной и южной Америки, болѣе богатыхъ органической жизнью. Насколько это объясненіе вѣрно, мы не станемъ останавливаться на этомъ вопросѣ,—замѣтимъ только, что грубо наблюденные факты относительно области распространенія трески, на первый взглядъ, оправдываютъ это соображеніе. Дѣйствительно, еще болѣе богатая треской, чѣмъ побережье Норвегіи, Ньюфаундлендская отмель лежитъ, какъ извѣстно, на пути Гольфстрема; затѣмъ слѣдуетъ побережье Норвегіи немного менѣе богатое треской и, наконецъ, Мурманскій берегъ, еще менѣе богатый, благодаря тому, что лежитъ все ближе и ближе къ концу теплаго теченія, пропадающаго въ неизмѣримыхъ пространствахъ Ледовитаго океана, къ востоку отъ Колгуева. Но въ тоже время замѣчено, что густые стаи трески у Ньюфаундленда и Лофоденскихъ острововъ, а также и по всему побережью Норвегіи, не только мечутъ икру (процессъ, во время котораго рыба почти ничего не ѣстъ и слѣд. обиліе или недостатокъ органическихъ веществъ въ водахъ для нея не имѣетъ существеннаго значенія), но и остается круглый годъ, опускаясь по выметаніи икры на большую глубину, т. е., въ сущности выходя изъ условій, по мнѣнію г. Данилевскаго, благопріятствующихъ жизни и размноженію этихъ рыбъ. Кромѣ того, г. Данилевскому, повидимому, совершенно неизвѣстнымъ былъ фактъ нахожденія трески большими массами въ теченіи всего года, только на разной глубинѣ, на большей части почти 1000 верстнаго протяженія Мурманскаго побережья, что уже никакъ нельзя объяснить однимъ существованіемъ Гольфстрема, въ восточныхъ частяхъ Баренцова моря теряющаго свои специфическія особенности, т. е. болѣе высокую температуру и (по мнѣнію г. Данилевскаго) большую степень насыщенности органическими веществами.

Какъ бы то ни было, неисчерпаемость рыбныхъ богатствъ Баренцова моря даже такимъ скептикомъ, вооруженнымъ тяжеловѣсной научной аргументаціей, какъ г. Данилевскій, безусловно не отрицается. Длинный рядъ именъ ученыхъ и неученыхъ наблюдателей надъ жизнью нашихъ сѣверныхъ морей безусловно подтверждаетъ мнѣніе о неисчерпаемости рыбныхъ богатствъ Мурманскаго моря. Обстоятельство это чрезвычайно важно, т. к. для развитія промысловъ, повидимому, нѣтъ никакихъ существенныхъ препятствій, могущихъ при maximum'ѣ напряженія производительныхъ силъ привести къ ихъ истощенію. Прямыя же наблюденія, производимыя въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, хотя и не обставленныя научно, всѣ единогласно говорятъ, что размѣры улова, хотя и колеблются въ разные годы, но колебанія эти зависятъ отъ причинъ, ничего общаго не имѣющихъ съ уменьшеніемъ и увеличеніемъ рыбныхъ массъ, держащихся у береговъ, вслѣдствіе вылавливанія ихъ. Причинъ этихъ много, но главнѣйшіи изъ нихъ сводятся или къ недостатку наживки, употребляемой для ловли главнаго предмета Мурманскихъ промысловъ—трески, или длительнымъ бурямъ, мѣшающимъ промышленникамъ выѣзжать въ открытое море на промыселъ, или, наконецъ, большимъ количествамъ «кожи», какъ называютъ промышленники гренландскаго тюленя (phoca groenlandica), иногда массами появляющагося у Мурманскихъ береговъ и разгоняющаго стада трески, которая жадно преслѣдуется этимъ тюленемъ. Отчасти еще удаленіе Гольфстрема отъ береговъ, случающееся въ иные годы, можетъ быть причиной дурныхъ уловов трески, но, во всякомъ случаѣ, главнѣйшими остаются указанныя выше причины.

Треска, какъ мы уже отмѣтили, составляетъ главный предметъ Мурманскихъ промысловъ,—вѣрнѣе сказать, почти единственную цѣль лова, къ которому приспособлены и всѣ рыболовныя орудія, употребляемыя на Мурманскомъ побережьи. Остальные виды, какъ напр. пикшуй (Gadus aeglefinus), палтусъ (Hippoglossus maximus), камбала (Hippoglossoides limandoides), сайда (Gadus saida), зубатка (Anarrhichas lupus) и др. попадаются какъ бы случайно, между треской.

Образъ жизни трески еще мало изученъ,—извѣстно только, что живетъ она на большой глубинѣ, начиная отъ 50—60 саженъ и кончая 100—150 саженями и чѣмъ глубже, тѣмъ рыба эта

крупнѣе. Въ зависимости отъ глубины, на которой находится треска, рыбопромышленники выметываютъ и свои снасти. Изученіе Мурманскаго берега въ гидрографическомъ отношеніи показало, что большія глубины, на которыхъ преимущественно держится треска, начинаются очень недалеко отъ берега, особенно по западному Мурману. Это обстоятельство чрезвычайно важно для промысла, т. к. въ значительной мѣрѣ уменьшаетъ сумму труда и времени, затрачиваемыхъ на выѣздъ въ море, выбрасываніе снасти и т. п. операціи (въ Норвегіи въ этомъ смыслѣ промыселъ находится въ еще болѣе благопріятныхъ условіяхъ). Очень выгоднымъ обстоятельствомъ является еще одна особенность въ образѣ жизни трески, замѣченная хорошо промышленниками, а именно та, что молодые, а слѣд. и болѣе мелкія особи трески держатся отдѣльно отъ старыхъ и притомъ на меньшей глубинѣ, благодаря чему является легкая возможность выметывать снасти съ разсчетомъ на уловъ крупной трески.

«Обширность, можно сказать даже безграничность пространства, на которомъ живетъ треска, необыкновенное множество заключающихся въ ней икрянокъ, въ чемъ она едва-ли не превосходитъ всѣхъ прочихъ рыбъ, и, наконецъ, самыя мѣста метанія ею икры —что все еще происходитъ на довольно значительной глубинѣ, хотя рыбы и приближаются для этого къ берегамъ, такъ что выметанная икра находится въ безопасности отъ волненія и не можетъ быть выкидываема на берега,—обусловливаютъ безграничный ловъ этой рыбы на вѣчныя времена»... Въ такихъ словахъ характеризуетъ богатства трескоeваго промысла на Мурманѣ одинъ изъ компетентнѣйшихъ его знатоковъ. И дѣйствительно, нѣсколько вѣковъ опыта у Ньюфаундленда и у Лофоденскихъ острововъ съ достаточной ясностью показали все богатство трескового промысла; въ 60-хъ годахъ, напр., у однихъ Лофоденскихъ острововъ ежегодно собиралось болѣе 20000 ловцовъ трески и самыя древнія хроники не помнятъ неудачныхъ лововъ....

Нѣсколько въ иномъ положеніи находятся промыслы собственно Мурманскаго берега уже въ силу того, что они не такъ богаты рыбой, какъ промыслы Лофоденскихъ острововъ и другихъ мѣстъ трескового лова, находящихся къ западу. Строго говоря, количество трески у Мурманскаго берега остается въ разные годы одинаковымъ и измѣняющейся величиной бываютъ только условія

ея лова въ зависимости отъ указанныхъ выше причинъ. Впрочемъ, говоря объ этихъ причинахъ, мы не отмѣтили еще одного и притомъ чрезвычайно важнаго обстоятельства, могущаго имѣть въ будущихъ судьбахъ промысла громадное значеніе. Дѣло въ томъ, что ловъ трески *всегда* можетъ быть удаченъ и обиленъ, при условіи не ожидать ее съ рыболовными снарядами на опредѣленномъ мѣстѣ берега, отъ котораго она можетъ временами подъ вліяніемъ разныхъ причинъ удаляться, но идти ей, такъ сказать, на встрѣчу, отыскивать стаи ея въ морѣ, какъ это дѣлаютъ норвежцы на своихъ прекрасной конструкціи и обладающихъ превосходными морскими качествами ёлахъ и листерботахъ.

Время появленія трески у Мурманскихъ береговъ—есть время метанія ею икры и происходитъ это обыкновенно въ концѣ Ноября и началѣ Декабря, т. е. въ самое суровое время года, но самый актъ метанія икры происходитъ въ Февралѣ и Мартѣ, что дѣлаютъ безусловно возможнымъ ловъ въ продолженіи всей зимы. Однако, вообще говоря, зимняго лова на Мурманскомъ берегу не бываетъ. Мы уже говорили, что промыслы Мурманскаго берега нельзя по степени изобилія улововъ считать постоянными, какъ напр. промыслы на Лофоденскихъ банкахъ; измѣнчивость ихъ находится въ зависимости отъ многихъ причинъ, и замѣчено въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ, что хорошіе уловы, чередуясь съ плохими, далеко не становятся рѣже, и такимъ образомъ исключаютъ всякую мысль объ истощеніи промысловъ. Относительно этого мы имѣемъ очень любопытныя данныя, собранныя г. Данилевскимъ на мѣстѣ у самыхъ опытныхъ промышленниковъ,—данныя эти, хотя и не цифровыя, но очень вѣрно характеризуютъ качество уловов въ теченіи 30 лѣтъ, начиная съ 1828 г. Такъ, по показаніямъ этихъ промышленниковъ, «1828 годъ былъ хорошій; 1829 похуже, но еще порядочный; 1830 худой у насъ, а въ Норвегіи хорошъ; 1831 у насъ очень дуренъ, и наши промышляли у норвежскихъ береговъ, близъ острова Магероэ, на которомъ лежитъ Нордкапъ. Годы 32, 33, 34, 35 и 36 были не промышленные, такъ что почти ничего не ловили; 1837 г. былъ порядочный, и весною снова показались у береговъ стаи мойвы *), за которой

*) Рыбки служащей наживкой для снастей и жадно пожираемой стаями трески, постоянно вслѣдствіе этого, слѣдующей за мойвой.

всегда гонится треска; въ 1839, въ Вайдѣ-губѣ и вообще въ западной части Лапландскаго берега—вѣроятно также и въ Норвегіи—было мало рыбы; но, на собственно такъ наз. русскомъ берегу, т. е. восточнѣе Колы, ловъ былъ довольно хорошъ. 1840 г. былъ очень хорошъ.... 1841 посредственный.... 1842 и 43 были опять хорошіе годы; 1844 плохъ; въ 1845 палтусъ ловился хорошо, а треска плохо; 1846 г. былъ хорошъ въ западной части берега... въ 1847 и 48 г. г. уловы были посредственны; въ 1849 плохіе... 1850 г. былъ столь же плохъ; 1851 очень хорошъ, и хорошіе годы продолжаются вплоть до 1860 г....» «Изъ этого перечисленія,—продолжаетъ Данилевскій, видно, что дурные и хорошіе уловы распредѣлены весьма неравномѣрно не только во времени, но и въ пространствѣ; но все же оказывается, что послѣ самыхъ дурныхъ годовъ всегда возвращаются хорошіе и на такую перемѣну можно разсчитывать каждое десятилѣтіе...»

Оставляя подъ сомнѣніемъ этотъ выводъ, какъ основанный на грубыхъ слишкомъ доказательствахъ, можно допустить только приблизительную, и относительную его вѣрность, и то лишь при непремѣнномъ условіи, что *техническая сторона промысловъ все указанное время оставалась безъ всякой перемѣны.* Чтобы понять важность этого замѣчанія, достаточно обратить вниманіе на такую напр. чисто техническую подробность, какъ сохраненіе наживки, т. е. рыбки мойвы и, нѣсколько позднѣе ея появляющейся, рыбки песчанки въ замороженномъ видѣ, что, кстати сказать, издавна практикуется на Финмаркенскомъ берегу и, повидимому, начинаетъ примѣняться у насъ. «Малое» количество мойвы и песчанки, обусловливающее, по мнѣнію промышленниковъ, дурной ловъ, въ дѣйствительности означаетъ только «короткое» пребываніе стай этихъ рыбокъ у береговъ, благодаря чему промышленники едва успѣваютъ воспользоваться ею. При умѣньи сохранять наживку въ замороженномъ видѣ на все время лова, очевидно, ловъ будетъ удаченъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обусловливался недостаткомъ наживки, ибо, повторяемъ, достаточно выловить въ данномъ мѣстѣ одну стаю мойвы или песчанки, чтобы обезпечить не только данный пунктъ берега наживкой, но даже нерѣдко и сосѣдніе—настолько громадное количество особей заключаютъ въ себѣ эти стаи. Очевидно также, что во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда неудачный ловъ обусловливался бурями, мѣшавшими выѣзжать на

промыселъ, или большимъ разстояніемъ отъ берега стай трески, благодаря перемѣщенію русла Гольфстрема—достаточно имѣть въ своемъ распоряженіи не допотопныя суда нашихъ поморовъ, а что-нибудь вродѣ норвежскихъ ёлъ, листерботовъ и шкунъ, чтобы сдѣлать ловъ удачнымъ и т. д.

Такимъ образомъ, выведенный г. Данилевскимъ какъ-бы законъ періодическаго повторенія удачныхъ улововъ, имѣетъ очень и очень относительную цѣну.

Все, до сихъ поръ сказанное о трескѣ, въ общемъ позволяетъ думать, что сущность всѣхъ мѣръ, направляемыхъ къ развитію рыбныхъ промысловъ на Мурманѣ, преобладающая ихъ тенденція должна заключаться не въ стремленіи охранять рыбу отъ безпощаднаго и нераціональнаго истребленія, но, наоборотъ, содѣйствовать всѣми мѣрами увеличенію улововъ, т. е. практиковать не интенсивную систему рыбнаго хозяйства, а скорѣе экстенсивную, направленную на возможно болѣе широкую эксплуатацію возможно большаго пространства водъ.

О другихъ видахъ рыбъ, служащихъ предметомъ Мурманскихъ промысловъ, мы скажемъ нѣсколько словъ въ виду ихъ второстепеннаго значенія въ промысловомъ отношеніи.

Наиболѣе напоминаетъ треску т. наз. *пикшуй* или *тикшуй* (Gadus Aeglefinus, Lin.); онъ гораздо меньше трески и потому меньше цѣнится. Пикшуя спеціально на Мурманскомъ берегу не промышляютъ, но ловятъ его вмѣстѣ съ треской на тѣже снасти. Въ общемъ, однако, пикшуй составляетъ обыкновенно около $^1/_{10}$ улова трески. *Сайда* (Gadus virens. Lin.) изъ рода трески-же и отличается отъ нея одной особенностью, заключающейся въ томъ, что она берется на мертвую наживку и потому для ея лова практикуются другіе пріемы, чѣмъ для ловли трески. Есть еще особенность сайды, заключающаяся въ томъ, что громадныя стаи ея время отъ времени поднимаются на поверхность моря, причемъ отдѣльныя особи безпрерывно выпрыгиваютъ изъ воды. Этимъ пользуются промышленники въ тѣхъ случаяхъ, когда занимаются спеціально ея ловомъ, что бываетъ сравнительно рѣдко, вообще говоря, кромѣ исключительныхъ лѣтъ, когда огромныя стаи ея появляются то у береговъ Финмаркена, то у береговъ Мурмана. Вотъ, что пишетъ о громадности стай сайды такой добросовѣстный наблюдатель, какъ Данилевскій: «въ первый разъ случилось намъ

видѣть это (т. е. огромныя стаи сайды) въ Гавриловомъ становищѣ, гдѣ стая молодой сайды совершенно окружила наше судно. Обыкновенной удочкой, наживленной длинной полоской рыбьяго мяса, которую быстро дергали, чтобы наживка скользила по поверхности, наловили въ какой-нибудь часъ болѣе 50 штукъ»... «Въ несравненно большихъ размѣрахъ случилось намъ видѣть это-же чрезвычайно интересное зрѣлище въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ Магероэ, отъ норвежскаго материка. Мы въѣхали здѣсь судномъ въ стаю взрослой сайды столь густую, что непрерывно выскакивало, почти во весь ростъ, по крайней мѣрѣ по рыбѣ на каждой квадратной сажени, и это на значительномъ пространствѣ по обѣ стороны нашего судна...»

Палтусъ—этотъ гигантъ промысловыхъ рыбъ, достигающій до 15 пудовъ вѣса (обыкновенно отъ 1—2 пуд.)—принадлежитъ къ семейству камбалъ (Hyppoglossus maximus) и живетъ, какъ всѣ эти рыбы, на днѣ и попадаетъ такимъ образомъ на крючки, наживленные для трески. Остальные виды промысловыхъ рыбъ, какъ *морская камбала* (Pleuronectes Platessa. L.), *морской ершъ* (Pleuronectes Limonda. L.), *морской налимъ* (Brosmius vulgaris), *морской окунь* (Sebastes Norvegicus. Cuv.) и др.—занимаютъ слишкомъ ничтожное мѣсто въ промыслахъ и потому о нихъ мы здѣсь не будемъ говорить.

Изъ этой массы, имѣющихъ небольшое хозяйственное значеніе, промысловыхъ рыбъ, безусловно нужно выдѣлить *акулу*, промыселъ которой довольно значителенъ теперь, еще значительнѣе былъ въ прошломъ и, повидимому, можетъ имѣть будущее.

Акула (Scymnus borealis, Scoresby), а иногда и другая ея разновидность (Selache maxima. Gunner.)—наичаще всего встрѣчаются у береговъ Мурмана, но главный предметъ промысла составляетъ только первая разновидность Ловъ акулы производится съ исключительной цѣлью добычи изъ нея печени, изъ которой въ свою очередь вытапливаютъ жиръ. Судя по многочисленнымъ свидѣтельствамъ промышленниковъ и изслѣдователей жизни сѣвера, акула преимущественно держится у русскихъ береговъ и при томъ въ значительныхъ количествахъ. Если принять во вниманіе большую цѣнность акульяго жира въ сравненіи съ тресковымъ, то при обиліи акулъ у нашихъ береговъ промыселъ ихъ можетъ сдѣлаться очень доходной статьей и сыграть крупную роль въ хо-

зяйствѣ сѣвернаго промышленника. Особенно много акулъ, иногда цѣлыя скопленія ихъ наблюдаются въ Кольской губѣ, гдѣ преимущественно ихъ и промышляютъ; богаты акулами также Мотовская губа и губа—Ура, не рѣдкость составляютъ акулы и въ Кандалакскомъ заливѣ.

Изъ имѣющихся историческихъ данныхъ видно, что впервые стали промышлять акулъ въ 1834 году. Мѣщанинъ Пашинъ по ходатайству графа Канкрина, бывшаго министромъ финансовъ въ 1835 году, получилъ даже отъ казны пособіе въ нѣсколько тысячъ рублей для организаціи акульяго промысла. Въ извѣстномъ описаніи русской Лапландіи, принадлежащемъ г. Дергачеву, есть довольно любопытныя, хотя и очень краткія, историческія данныя объ акульемъ промыслѣ. Такъ, о судьбѣ промышленника Пашина, перваго занявшагося акульимъ промысломъ, извѣстно, что получивъ правительственную субсидію, онъ очень энергично принялся за дѣло и, повидимому, находилъ сбытъ не только акульей печени и акульяго жира, но и цѣлыхъ акулъ въ соленомъ и замороженномъ видѣ въ Петербургѣ. По смерти Пашина промыселъ акулъ прекратился и, строго говоря, съ тѣхъ поръ не возобновлялся, какъ самостоятельный промыселъ, вплоть до 1855 г., когда норвежецъ Андерсъ Ульсенъ, переселившійся исключительно для промысла акулъ на Мурманскій берегъ, уже въ первый годъ получилъ отъ него 500 р. дохода; за Ульсеномъ послѣдовали и другіе, какъ норвежцы, такъ и русскіе, и съ тѣхъ поръ промыселъ этотъ существуетъ и не прекращается, но развитія особеннаго никогда не достигалъ. Такъ, въ 1893 г. промыселъ этотъ, какъ самостоятельная отрасль рыбныхъ промысловъ на Мурманѣ, велся 12 хозяевами *) (число промышленниковъ у нихъ неизвѣстно), добывшими до 1.100 пуд. акульяго сала на 550 рублей всего стоимостью.

Профессоръ Даниленскій, изслѣдовавшій промыслы нашего сѣвера, желая поощрить акулій промыселъ, въ 1857 г. исходатайствовалъ правительственную субсидію одному смышленому колонисту, нѣкоему Суллю, Этотъ колонистъ старался по возможности пріучить поморовъ къ промыслу акулъ, но особеннаго успѣха не имѣлъ и, затѣмъ, когда онъ въ 1870 г. переселился въ Колу, самый промыселъ акулъ сосредоточился въ этомъ городѣ. Промы-

---

*) Въ г. Колѣ.

селъ акулъ въ настоящее время, повидимому, получилъ на Мурманскомъ берегу право гражданства и, если не развивается, то благодаря тѣмъ общимъ причинамъ, которыя тормозятъ дѣло развитія всѣхъ вообще промысловъ не только на Мурманѣ, но и на всемъ русскомъ сѣверѣ. Въ свое время мы детально изслѣдуемъ экономику промысловъ и, конечно, укажемъ на эти причины, а пока обратимся къ общей характеристикѣ Мурманскихъ промысловъ.

Другимъ крупнымъ промысломъ Мурманскаго побережья, о которомъ мы еще не говорили, безспорно слѣдуетъ считать промыселъ китовъ, болѣе богатый въ своемъ прошломъ, чѣмъ въ настоящее время, когда онъ почти совершенно прекратился какъ нѣчто самостоятельное.

Лучшія изслѣдованія о китахъ, населяющихъ наши сѣверныя воды, къ сожалѣнію, мы находимъ только въ иностранныхъ источникахъ—въ русскихъ же, большею частью встрѣчаемъ эпизодическія подробности, болѣе или менѣе цѣнные анекдоты и больше ничего. Даже въ такихъ солидныхъ изслѣдованіяхъ, какъ въ своемъ родѣ классическій трудъ проф. Данилевскаго, китоловству отводится очень незначительное мѣсто и допускается даже слегка ироническій тонъ по отношенію къ «ревнителямъ развитія нашей сѣверной морской промышленности», которые «желали бы видѣть предметомъ лова» китовъ... Такое отношеніе къ «ревнителямъ развитія нашей сѣверной морской промышленности» не мѣшаетъ, однако, тому же г. Данилевскому тотчасъ же констатировать, что «дѣйствительно, число китовъ, у нашихъ береговъ встрѣчаемое, довольно значительно», и далѣе... «съ самого въѣзда нашего въ океанъ *не проходило почти дня,* чтобы мы не видѣли *по нѣскольку этихъ огромныхъ животныхъ*, пускающихъ фонтаны брызгъ и пара съ особливымъ звукомъ, который нельзя смѣшать ни съ какимъ другимъ и который невольно привлекаетъ на себя вниманіе. Не одинъ разъ возставали они изъ глубины *въ немногихъ саженяхъ отъ нашего судна....*» «На глазомѣръ—продолжаетъ г. Данилевскій, —нѣкоторымъ изъ нихъ нельзя было дать менѣе 15 саж. длины. Надъ входомъ въ Кольскую и Большую Мотовскую губы, между островомъ Кильдинымъ и полуостровомъ Рыбачьимъ, видѣли мы ихъ нѣсколько десятковъ, и они показывались намъ далеко внутри самой Кольской губы, гдѣ она уже значительно съужена...»

Проф. Данилевскій вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ академика Бэра, полагавшаго, что наичаще встрѣчаемый въ сѣверныхъ водахъ видъ кита—Balaenoptera longimana (Rudolphi), принадлежитъ къ видамъ наименѣе богатымъ жиромъ, обладающимъ малоцѣнными короткими усами и вдобавокъ громадной быстротой бѣга и силой, дѣлающими бой ихъ занятіемъ чрезвычайно опаснымъ. Все это въ полной мѣрѣ подтверждается, по мнѣнію г. Данилевскаго, неудачей всѣхъ попытокъ завести у насъ китоловный промыселъ со временъ Петра Великаго.

Однако, имѣющіяся историческія данныя говорятъ нѣсколько иное... Новгородцы издавна промышляли китовъ и, повидимому, не безъ успѣха; начиная съ присоединенія Двинскаго края къ Москвѣ, китовый промыселъ существовалъ издавна въ Колѣ, что доказывается существованіемъ, часто упоминаемой въ историческихъ актахъ, особой пошлины съ китоваго сала. Изъ позднѣйшихъ указаній есть чрезвычайно любопытное указаніе русскаго шкипера Кононова, видѣвшаго на одномъ изъ утесовъ мыса Цыпъ-Наволока вырѣзанныя на немъ надписи, «между которыми есть одна датскаго капитана изъ Фленсберга, вырѣзанная въ 1510 году», и свидѣтельствующая о томъ, «что онъ здѣсь былъ 20 разъ» въ качествѣ шкипера китоловнаго судна. Со времени открытія англичанами устьевъ Двины въ 1553 году, англичане уже въ 1554 году организовали китоловную компанію.

Правда, учрежденное указомъ Петра Великаго, китоловство (въ 1723 г.), окончилось неудачей, но неудача эта имѣла причиной крушеніе китоловныхъ кораблей у Шпицбергена въ первый же разъ по выходѣ ихъ въ море; съ 1726 по 1729 г. однако русскіе китоловы убили 5 китовъ. Всетаки дѣло окончилось неудачей—китовъ было слишкомъ мало... Опять таки, это вовсе не значило, чтобы видъ кита, водящагося преимущественно въ сѣверныхъ водахъ, былъ, въ промысловомъ отношеніи, невыгоденъ. Наряженное Коммерцъ-Коллегіей слѣдствіе надъ первой, организованной Петромъ В., компаніей, открыло, что 6 чел. иностранныхъ китобоевъ, приглашенныхъ Петромъ на службу этой компаніи, были на жалованьи голландскихъ китобоевъ, видѣвшихъ въ новомъ русскомъ промыслѣ опасность для своего доминирующаго положенія, которое они занимали въ китоловствѣ. Указомъ Анны Іоанновны (1731 г.) китоловные промыслы были отданы въ монополь-

ное пользованіе купцу Еврейнову съ довольно солидной казенной субсидіей... Черезъ три года китовый промыселъ опять монополизируется Шафировымъ, который, въ свою очередь, сдаетъ его въ руки двухъ гамбургскихъ купцовъ, не безъ успѣха эксплуатировавшихъ его съ 35 по 42 г. Послѣ короткаго промежутка, съ 1742 г. по 1748 г., когда промыселъ китовъ былъ въ казенной собственности, онъ снова попадаетъ въ частныя руки, именно къ графу Шувалову, «на его усмотрѣніе», какъ явно невыгодный....

При императрицѣ Екатеринѣ II (1764 г.) промыселъ опять былъ возобновленъ, но принесъ одни убытки и былъ отмѣненъ. Между прочимъ, академикъ Озерецковскій приводитъ фактъ, что въ 1772 г. 5 китовъ зашли зимой въ Кольскую губу подъ ледъ, гдѣ и были найдены Лопарями и, что, якобы послѣ этого случая жители Колы стали ловить сами китовъ крайне оригинальнымъ способомъ. Способъ этотъ заключался въ томъ, что они обметывали кита громадными неводами, сдѣланными изъ толстыхъ веревокъ и затѣмъ убивали его «рогатиной»... Такой примитивный способъ ловли китовъ не замедлилъ дать соотвѣтствующіе результаты: послѣ нѣсколькихъ удачныхъ опытовъ, одинъ изъ китовъ «побойчѣе» вырвался изъ рукъ Колянъ и уплылъ въ море съ дорого стоющимъ неводомъ. «Послѣ этого, добавляетъ историкъ,— промыселъ не возобновлялся..»

Но должно быть было что-нибудь въ китобойномъ промыслѣ привлекательное, ибо, какъ только наши сѣверные промыслы освободились отъ монопольныхъ захватовъ ихъ то казной, то частными лицами, тотчасъ организовались двѣ частныхъ китоловныхъ компаніи: онежская, въ 1786 г. и компанія «Заонежскаго старообрядческаго общества», въ 1783 г. Насколько умѣло вели эти компаніи дѣло, видно изъ того, что обѣ они закололи 11 китовъ, но ни однимъ изъ нихъ не воспользовались, а пробавлялись все время китами, раздавленными льдами, ранеными иностранными промышленниками, или, наконецъ, выброшенными на берегъ!.. «Сначала у нихъ ломались гарпуны—пишетъ г. Дергачевъ, давшій наиболѣе полный историческій очеркъ развитія китовыхъ промысловъ,—вслѣдствіе неумѣнья кузнецовъ выковывать и закаливать желѣзо, потомъ эти орудія стали лучше; но они иногда при боѣ выскакивали, какъ скоро китъ поворачивался, устремляясь на дно... а иногда рвались лини..»

Въ 1803 г. китовый промыселъ былъ свободенъ отъ монополій, но въ этомъ же году онъ снова попадаетъ въ руки Бѣломорской компаніи, которая терпитъ неудачу и оказывается несостоятельной, вслѣдствіе того, что какой-то иностранный крейсеръ подъ французскимъ флагомъ захватываетъ китобоя этой компаніи и сжигаетъ его (въ русскихъ водахъ).

Приведенные факты изъ исторіи китоваго промысла очень характерны и типичны именно въ томъ отношеніи, что рисуютъ тѣ пріемы, съ которыми у насъ приступаютъ къ какому-нибудь дѣлу, но вовсе не указываютъ на «невыгодность промысла», какъ это утверждаютъ разныя лица со словъ академика Бэра и повторяющаго его, профессора Данилевскаго.

Чтобы еще убѣдительнѣе доказать многочисленность китовъ, плавающихъ только вдоль побережья Мурмана, мы можемъ привести такіе факты, какъ напр. тотъ, что по всему этому побережью то и дѣло выбрасываетъ китовъ на берегъ во всѣхъ мелкихъ бухтахъ. Особенно много выбрасывается китовъ въ Мотовской губѣ; въ теченіи лѣта ихъ выбрасывается иногда по нѣскольку штукъ..., «всѣ берега покрыты костями или неистлѣвшими остатками этихъ животныхъ...» Въ 1856 г. въ Мотовской губѣ нашли выброшенными на берегъ 18 китовъ, въ числѣ которыхъ одинъ далъ 2000 пуд. жиру; въ 57 г. снова былъ пойманъ однимъ мѣщаниномъ г. Кеми въ морѣ мертвый китъ, въ 62 г. въ Мотовскую губу выбросило кита въ 14 саж. длины и изъ него было добыто 2000 пуд. сала. Чиновникъ Амонъ, надзиравшій за рыбными промыслами на Мурманѣ, сообщалъ, что въ 1865 г. было найдено на берегу 13 китовъ... И такихъ фактовъ десятки.

Совсѣмъ иначе, по крайней мѣрѣ въ ближайшее къ намъ время, обстояло дѣло китоловства въ Норвегіи и на сосѣднемъ съ нами берегу Финмархіи...

Въ 1860 г. норвежецъ Свендъ Фойенъ изобрѣлъ особую пушку, дававшую возможность убивать кита и не позволять ему затонуть, какъ это всегда бываетъ съ тѣми видами китовъ, которые водятся у нашихъ береговъ. Пушка Фойена не велика, приблизительно въ одинъ метръ, калибръ 8—10 сантиметровъ. Пушка эта устанавливается на носовой части небольшого парохода особой конструкціи, обыкновенно быстроходнаго, очень сильнаго и низко сидящаго въ водѣ (вмѣстимость этихъ пароходовъ не превышаетъ

35 тоннъ). Пушка Фойена заряжается гарпуномъ, къ острому концу котораго привинчивается разрывная граната. Къ гарпуну привязанъ толстый канатъ, не позволяющій раненому киту уплыть. Эффектъ выстрѣла изъ такой пушки бываетъ поразительный; попадая въ тѣло кита, граната дѣлаетъ громадную рану и отъ сотрясенія освобождаетъ лапки гарпуна: онѣ распрямляются, ломаютъ небольшую стеклянную трубку, наполненную сѣрной кислотой, которая, обливая находящуюся вблизи бертолетову соль, производитъ взрывъ гранаты, вслѣдствіе чего рана увеличивается до громадныхъ размѣровъ. Китъ, вслѣдствіе потери огромнаго количества крови, быстро ослабѣваетъ и даетъ себя подтащить къ пароходу посредствомъ шпиля, на который навертывается канатъ, привязанный къ концу гарпуна.

Изъ убитаго кита въ Норвегіи извлекаютъ не одинъ жиръ, но и китовые усы и мясо, изъ котораго въ Христіаніи приготовляютъ консервы. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ норвежскихъ китоловныхъ заводахъ устроены еще и клейныя, бульонныя и гуанныя фабрики. Интересно, что китовый бульонъ употребляется даже въ больницахъ и, по отзыву компететныхъ судей, не уступаетъ знаменитому Либиховскому бульону.

Обращаясь къ исторіи китоловства у береговъ Финмаркена, мы видимъ, что Свендъ Фойенъ въ 1864 г. уже получаетъ право на постройку въ сѣверной Финмархіи китоловнаго завода. Дѣло его пошло бойко и онъ въ скоромъ времени обогатился. Примѣръ Фойена далъ толчокъ развитію китоловства—съ 1882 г. стали открываться одинъ за другимъ китоловные заводы и киты стали безпощадно преслѣдоваться, что повело къ удаленію ихъ къ берегамъ Мурмана. Но это не остановило предпріимчивыхъ норвежцевъ—они продолжали бой китовъ и въ нашихъ водахъ. Вотъ нѣсколько цифръ, иллюстрирующихъ развитіе китобойнаго промысла въ Норвегіи—съ 1882 г., когда кончилась монополія Фойена, было китобойныхъ пароходовъ и убивалось китовъ:

	парох.	китовъ.	на одинъ парох. въ средн. выводѣ.
въ 1882 г.	12	383	32 кита
83 »	26	543	21 —
84 »	26	450	17 —
85 »	35	1398	40 —

86 »	39	954	25 —
87 »	32	854	27 —
88 »	34	696	20 —
89 »	32	496	15 —

т. е. 25 китовъ на пароходъ въ среднемъ выводѣ за восемь лѣтъ! Повидимому, дѣло было не безвыгодное, что навело на мысль и русскихъ воспользоваться этими выгодами. Въ 1870 г. извѣстный радѣтель интересовъ сѣвера, промышленникъ и купецъ Сидоровъ вступаетъ въ компанію съ норвежцемъ Сандебергомъ съ цѣлью устройства на Мурманскомъ берегу китоловнаго завода. Но разладъ между ними повелъ къ тому, что Сидоровъ выступилъ противъ Сандеберга съ докладами въ ученыхъ обществахъ, со статьями въ періодической печати и, наконецъ, цѣлой книгой, въ которыхъ доказывалъ весь вредъ для интересовъ сѣверной промышленности безпощаднаго боя китовъ. Аргументы его сводились къ тому, что киты, особенно та ихъ разновидность, которая питается мойвой, служащей наживкой для рыболовныхъ снастей Мурманскихъ промышленниковъ, гонятъ передъ собою безчисленныя стаи мойвы къ берегамъ и слѣд. даютъ возможность вести промыселъ трески; съ уничтоженіемъ же китовъ, мойва, по мнѣнію Сидорова, должна будетъ перестать приходить къ берегамъ. Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ Сидоровъ приводитъ мнѣнія ученыхъ авторитетовъ и вообще массу отзывовъ компетентныхъ лицъ. Довольно авторитетный, въ свою очередь, г. Гулевичъ говоритъ въ своей книгѣ «Русская Лопландія», что теорія Сидорова не выдерживаетъ критики, ибо «доказано, что мойва идетъ въ свое время къ берегамъ для метанія икры» независимо отъ китовъ, дѣйствительно питающихся ею. Гулевичъ объясняетъ поэтому страстную пропаганду Сидорова боязнью отдачи китоваго промысла въ руки иностранцевъ и водворенія ихъ на всемъ Мурманѣ. Однако, вопросъ этотъ, несмотря на завѣреніе Гулевича, и до сихъ поръ теменъ, т. к. до сихъ поръ не произведено сколько-нибудь новыхъ и систематическихъ научныхъ наблюденій надъ образомъ жизни всѣхъ *шести* видовъ китовъ, населяющихъ наши сѣверныя воды.

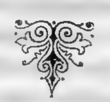
Однако, невыясненность вопроса не помѣшала правительству въ 1883 г. разрѣшить Петербургскому акціонерному обществу открыть китоловный заводъ въ становищѣ Еретикахъ на Мурманскомъ берегу, а черезъ годъ повторить разрѣшеніе и для открытія

другого завода въ Ара-губѣ на разныхъ льготныхъ условіяхъ. Въ общей сложности эти заводы убили до 1890 г. 300 китовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи только четыре парохода Не нужно забывать, что все это время норвежскіе китобои не прерывали своего промысла въ нашихъ водахъ; только въ послѣдніе три года русское правительство приняло мѣры къ охраненію русскихъ интересовъ и стало посылать своихъ крейсеровъ въ сѣверныя воды. Тѣмъ не менѣе, несмотря на громадную добычу китовъ, заводы наши по какимъ-то мало понятнымъ причинамъ прекратили свою дѣятельность и китоловство de facto перестало существовать какъ самостоятельный промыселъ. Киты въ настоящее время приближаются къ Мурманскому побережью только зимой или осенью, ибо чрезвычайно напуганы безпрерывной канонадой ихъ норвежскими и русскими китобоями.

Нашъ общій очеркъ промысловъ на Мурманѣ былъ бы неполонъ, если бы мы не остановили своего вниманія на двухъ маленькихъ рыбкахъ, хотя и не приносящихъ непосредственной пользы промышленникамъ въ качествѣ доходной статьи, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важныхъ для самыхъ промысловъ въ качествѣ наживки для лова трески и др. рыбъ.

Первая изъ этихъ рыбокъ—мойва (Mallotus arcticus, Cuv.) появляется громадными скопленіями по всему побережью Лапландіи для метанія икры и, въ свою очередь, привлекаетъ за собою стаи трески, питающейся мойвой. Видомъ мойва напоминаетъ корюшку и отличается отъ нея только чрезвычайно сильнымъ огуречнымъ запахомъ, характернымъ, но только въ болѣе слабой степени, и для корюшки. Мойва совсѣмъ не употребляется въ пищу ни у насъ, ни въ Норвегіи и даже камчадалы и алеуты ѣдятъ ее только въ крайнихъ случаяхъ, обыкновенно же ловятъ для корма собакамъ. Какъ наживка, мойва стоитъ внѣ всякаго сравненія, что вѣроятно объясняется ея сильнымъ специфическимъ запахомъ. Треска жадно хватаетъ живую и мертвую мойву и это замѣчено издавна промышленниками, что повело даже, по словамъ г. Данилевскаго, къ изданію въ 1786 г. въ Даніи чрезвычайно страннаго закона, запрещавшаго употреблять мойву для наживленія рыболовныхъ крючковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «такъ какъ не всѣ могутъ добыть для этой цѣли мойву, то шансы улова становятся черезъ это слишкомъ неравномѣрны...»

Выметавъ икру, мойва удаляется въ открытое море и уже не держится стаями. Періодъ пребыванія мойвы у береговъ очень коротокъ и не длится болѣе мѣсяца. Этимъ временемъ мурманскіе промышленники спѣшать пользоваться, чтобы имѣть возможность дѣлать самые богатые уловы, потому что, хотя, за удаленіемъ мойвы, къ берегамъ приближается другая рыбка—*песчанка* (Amodytes Lancea, Cuv.), служащая въ свою очередь наживкой, но по сравненіи съ мойвой она гораздо худшаго качества. Песчанка живетъ исключительно съ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дно песчаное и при приближеніи опасности зарывается въ песокъ. Для ловли, какъ ея, такъ и мойвы употребляются особые невода, описаніе которыхъ мы дадимъ ниже при описаніи способовъ лова, приготовленія и т. п. вообще всѣхъ промысловыхъ рыбъ Мурманскаго побережья.

IV.

Техническая организація промысловъ, ихъ обстановка, промысловыя суда и приготовленіе продуктовъ промысловъ.

Уже въ концѣ Февраля, когда перестаютъ въ небѣ играть *сполохи*, а вершины прибрежныхъ скалъ все чаще и чаще заволакиваются туманами, словомъ, когда ледяное дыханіе полярной зимы начинаетъ умѣрять свою жестокость, на всемъ Мурманскомъ побережьи начинаютъ появляться вмѣстѣ съ первыми перелетными птицами постоянные гости этого, на первый взглядъ негостепріимнаго, берега—промышленники... У береговъ еще держится хрупкій слой ледяного *припая*, а тамъ, дальше въ открытомъ морѣ носятся безобразныя кучи льда—*торосы* и *стамухи* по мѣстному названію. Снѣгъ на берегахъ еще лежитъ толстымъ слоемъ, но уже зима «сдала», «покротѣла», оттепели все чаще и чаще повторяются, на снѣжныхъ поляхъ появился настъ, ночи становятся короче и свѣтлѣе, не отличаясь почти по силѣ свѣта отъ дня и весна понемногу вступаетъ въ свои права. Но это не та весна, о которой мы составили себѣ обычное представленіе... Не слышно «трелей соловья», воздухъ не напоенъ ароматомъ роспускающихся древесныхъ почекъ, не слышно гула «зеленаго шума», и только неумолчный говоръ, иногда въ теченіи всей зимы не замерзающей, воды въ прибрежныхъ порожистыхъ рѣчкахъ, да шумъ сталкивающихся въ морѣ ледяныхъ громадъ—нарушаютъ величаво-спокойную тишину скалистаго берега... Весенніе гости Мурмана—перелетныя птицы—только что еще стали появляться и воздухъ еще не наполненъ ихъ крикливымъ гомономъ, и только вороны—эти постоянные обитатели Мурмана, чувствуя наступленіе теплыхъ дней и богатой поживы, все чаще и чаще оглашаютъ воздухъ хриплымъ карканьемъ, кстати сказать, лишь отдаленно напоминающимъ карканье болѣе южныхъ ихъ собратьевъ—такъ много въ немъ подчасъ слышно чисто человѣческихъ звуковъ: какъ чахоточный ребенокъ плачетъ, прерывая свой плачъ хриплымъ больнымъ кашлемъ....

Но вотъ наступаютъ еще болѣе теплые мартовскіе дни и число промышленниковъ на Мурманѣ замѣтно увеличивается; къ концу Марта весенній ловъ уже въ разгарѣ и всѣ промышленники—весняки на своихъ мѣстахъ, разбрелись по становищамъ и дѣятельно готовятся къ самому обильному на этихъ берегахъ, весеннему лову.

Всѣ мурманскіе промышленники по ихъ постоянному мѣстожительству принадлежатъ къ тремъ ближайшимъ къ берегу уѣздамъ: Архангельскому, Онежскому и Кемскому. Въ началѣ Марта большинство ихъ отправляется пѣшкомъ въ Кандалакшу и Разъ-Наволокъ, откуда уже идутъ въ Колу, а изъ послѣдней развозятся особымъ пароходомъ, зимующимъ въ Екатерининской гавани, по становищамъ западной и восточной половинъ Мурманскаго побережья.

Труденъ путь промышленниковъ... Снѣгъ лежитъ глубокимъ слоемъ, толстымъ льдомъ подернуты озера и рѣки, а промышленникъ уже приготовляется въ дорогу, запасаетъ платье, хлѣбъ, котелокъ, небольшой запасъ соли и сушеной рыбы и укладываетъ все это скудное имущество въ такъ называемыя «кережки»— нѣчто вродѣ саней изъ сосновыхъ дранокъ, сшитыхъ между собою на подобіе небольшой лодочки. Въ эту лодочку иногда впрягаютъ промышленники собакъ, но чаще тащатъ кережки поочередно сами. Тяжелъ путь мурманскаго промышленника, нерѣдко надрывающагося на этомъ пути и, во всякомъ случаѣ, приходящаго на мѣсто назначенія совсѣмъ разбитымъ, а иногда и съ предрасположеніемъ къ страшной болѣзни сѣвера—скорбуту, цынгѣ...... «Рады путники, какъ находкѣ, какъ особой наградѣ за свою рѣшимость и трудный дальній путь, когда морозъ прокуетъ рыхлый подвесенній снѣгъ крѣпкимъ настомъ, давая имъ возможность легче и удобнѣе бѣжать по немъ на лыжахъ. Картина странствія значительно оживляется и хотя не слышно разговоровъ, уступившихъ мѣсто серьезной работѣ, для того, чтобы по возможности скорѣе сократить разстояніе до мѣста привала, за то учащеннѣе слышатся и взвизги, и лай большихъ желтыхъ собакъ, запряженныхъ въ салазки съ необходимой поклажей, и управлиемыхъ ребятенками, съ малолѣтства обреченными привыкать къ будущимъ труднымъ работамъ на океанѣ. Впереди несутся на лыжахъ и только отдуваются, быстро перемѣняя одну ногу другой и подкатывая себя все

дальше и дальше, большаки артельные. Сзади прыгаетъ и замѣтно отстаетъ весь поѣздъ съ собаками и ребятишками, а между тѣмъ вдали уже чернѣетъ одинокая промысловая изба, до половины зарытая снѣгомъ—мѣсто привала, если только бьетъ уже кровь въ ноги и подгибаются колѣни, и если далеко еще путникамъ до селеній, которыя не бываютъ ближе 40—50 верстъ одно отъ другого на всемъ пути по прибрежьямъ...» Не особенно удобный отдыхъ находятъ промышленники и въ этихъ рѣдко разбросанныхъ по пути избенкахъ.... Обычная обстановка отдыха промышленниковъ на этихъ станціяхъ, по описанію знатока нашего сѣвера, Максимова, которому принадлежатъ и вышеприведенныя строки, далеко не привлекательна. «Въ промысловой избенкѣ промышленники находятъ немного: четыре закоптѣлыхъ стѣны, замшонныя кое-какъ, съ щелями; въ одной стѣнѣ какимъ-то чудомъ уцѣлѣла еще рамка со стекломъ, играющимъ всѣми цвѣтами радуги; другое отверстіе просто уже заткнуто кускомъ армячины; сверху потолокъ изогнувшійся, покривившійся во многихъ мѣстахъ и глянцовитый отъ налетѣвшей сажи и выкипѣвшей сѣры. Въ углу печка кое-какъ смятая изъ глины съ пескомъ, потрескавшаяся и закоптѣлая; подлѣ нея полусгнившія нары; кругомъ—покривившіяся лавки, обезноженная скамеечка, двѣ доски, изъ которыхъ сооружается столъ. Въ другомъ углу тябло съ почернѣвшимъ и полопавшимся образомъ, и тутъ-же двѣ самодѣлки—ложки деревянныя, берестяная коробочка съ отсырѣвшею грязнаго вида солью, ведерко для воды, ножикъ... мѣшочекъ съ мукой и сухарями... сачокъ для рыбы. Все, по обыкновенію издавна укоренившемуся въ безлюдномъ и безпріютномъ архангельскомъ краѣ, запасено для всякаго прохожаго, имѣющаго ежечасную возможность спутаться съ дороги, просидѣть въ пустой избѣ и умереть съ голоду, если на долго завяжется бойкая, порывистая погода съ сильными вѣтрами и истощится весь запасъ взятой съ собою провизіи. Горькое горе, только привычнымъ человѣкомъ выносимое—это тѣ мятели, по мѣстному *живуса*, когда снѣгъ носится цѣлыми тучами съ одного мѣста на другое, подрывая бѣгущихъ на лыжахъ и сбивая съ ногъ собаченокъ, ежеминутно грозя засыпать все это высокимъ снѣжнымъ курганомъ; тутъ одинъ исходъ, если нѣтъ подлѣ спасительной избушки и высокаго подвѣтреннаго бугра, обернувши сани вверхъ копыльями, ложиться подъ нихъ, предаваясь волѣ Божіей и пере-

ждать, пока вѣтеръ перестанетъ раскачивать чунку и нагребать на нее новые сугробы...»

Промышленники, идущіе на Мурманъ, какъ мы уже сказали выше, направляются преимущественно на Кандалакшу, оттуда на Колу и, наконецъ, развозятся по становищамъ на пароходѣ. Но иногда они идутъ изъ различныхъ уголковъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ прямо почтовымъ трактомъ на Колу или даже черезъ весь Лапландскій полуостровъ прямо къ своимъ становищамъ, смотря по тому, въ какой части берега лежитъ становище. Конечно, самый трудный, вѣрнѣе, даже самый ужасный—это путь, непосредственно ведущій къ становищамъ и перерѣзывающій полуостровъ иногда на протяженіи болѣе 1000 верстъ. Лапландія—это, a vol d'oiseau, огромная тундра, покрытая озерами и прорѣзаемая порожистыми рѣками, а иногда и невысокими грядами гранитныхъ горъ. Избы, устроенныя по всему протяженію весенняго пути промышленниковъ, крайне рѣдки, а порожистые рѣки, никогда не замерзающія на порогахъ, представляютъ нерѣдко серьезныя опасности для путниковъ, идущихъ обыкновенно тѣмъ путемъ, «которымъ птицы летаютъ», т. е. по прямой линіи, т. к. никакихъ дорогъ въ Лапландіи нѣтъ.

Но вотъ, наконецъ, и цѣль труднаго и тяжелаго странствія.. Промышленники спѣшатъ къ своимъ покинутымъ въ прошломъ еще году становищамъ, жадно стремясь дать отдыхъ разбитому долгимъ путемъ тѣлу. Становища эти расположены, какъ мы уже говорили, по всему протяженію побережья и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ извилины его образуютъ т. наз. *губы* или заливы. Эти губы обыкновенно очень хорошо защищены отъ вѣтровъ и наименѣе изобилуютъ коргами и мелями, такъ сильно мѣшающими правильному производству промысла. Представляя удобство для якорныхъ стоянокъ, куда не заходитъ прибой океанскихъ волнъ, эти губы служатъ самымъ любимымъ и надежнымъ пристанищемъ промышленниковъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ съ полной почти безопасностью могутъ располагаться мелкія бѣломорскія суда, отвозящія съ мѣста результаты промысла—треску во всѣхъ видахъ, палтусину, сайду и т. д.

Самые станы или становища промышленниковъ расположены обыкновенно въ ущельяхъ и притомъ такихъ, гдѣ есть ручеекъ прѣсной воды. Станы—это скверно построенныя избушки, на по-

ловину сгнившія отъ вліянія частыхъ дождей и постоянно влажной атмосферы... «Кое-какъ сплоченныя изъ тонкаго, дряблаго, Лапландскаго лѣса и обсыпанныя съ боковъ и сверху морскимъ пескомъ, съ щелями, запехнутыми мохомъ и служащими вмѣсто оконъ, избенки эти въ числѣ пяти-шести, составляютъ родъ небольшого временнаго селенія, оживленнаго только съ Апрѣля до половины Августа и пустыннаго во все остальное время года...»

Промысловая изба или станъ имѣетъ не больше 3—4 куб. саженъ воздуха, а занятъ бываетъ 20—30 промышленниками. Можно себѣ представить, какой ужасный воздухъ бываетъ въ этихъ помѣщеніяхъ, тѣмъ болѣе, что спятъ промышленники не раздѣваясь, зачастую въ мокрой одеждѣ, которая такимъ образомъ высыхаетъ на тѣлѣ—тутъ-же нерѣдко сушатся и рыболовныя сѣти... На восточной половинѣ Мурманскаго побережья, впрочемъ, помѣщенія промышленниковъ нѣсколько лучше—это уже постоянные дома, принадлежащіе фактористамъ и колонистамъ и сдаваемые промышленникамъ на время лова (т. е. на два мѣсяца) за плату съ судна по 4 рубля или, слѣд., по рублю съ человѣка. Во всякомъ случаѣ, и эти станы только относительно лучше и гигіеническая ихъ обстановка заставляетъ желать очень многаго. Немудрено, что при такой обстановкѣ цынга и ревматизмы, а также и тифы—постоянныя гости на Мурманскомъ берегу. Конечно, сказаннымъ далеко не исчерпываются всѣ данныя о гигіенической обстановкѣ мурманскихъ промысловъ, но мы еще вернемся къ ней при описаніи самихъ промысловъ.

Всѣхъ становищъ по восточному Мурману въ настоящее время 19, а по западному 22. Но, хотя становища эти и представляютъ собою излюбленныя мѣста промышленниковъ, однако населеніе въ нихъ не остается постояннымъ и не только потому, что ежегодный приливъ промышленниковъ бываетъ не одинаковый, но и потому, что они часто перекочевываютъ изъ одного становища въ другое, въ зависимости отъ миграцій рыбы, т. к. она въ разное время избираетъ разныя мѣста своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Иногда эти передвиженія промышленниковъ принимаютъ большіе размѣры, какъ напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда изъ становища Цыпъ-Наволока на западномъ Мурманѣ ушло все его временное населеніе, достигавшее до 1000 чел., при чемъ всѣ станы, также какъ и церковь, больница были

брошены на произволъ судьбы, а сами промышленники разбрелись по другимъ становищамъ, вслѣдствіе полнаго прекращенія лова трески въ Цыпъ-Наволокской губѣ.

Кромѣ становищъ рыбопромышленниковъ—пришельцевъ изъ Онежскаго, Кемскаго и Архангельскаго уѣздовъ, по всему побережью Мурмана раскидано еще до 57 колоній и нѣсколько факторій, но о нихъ мы будемъ говорить, и подробно, далѣе, а пока возвращаемся къ становищамъ временныхъ рыбопромышленниковъ.

Не всегда въ прошломъ Мурманскій берегъ представлялъ такую картину, какая рисуется изъ предшествовавшаго описанія. Первоначально ловъ трески производился только въ Кольской губѣ новгородскими выходцами. Къ концу XIII в. жители Кольскаго поселка перешли для промысла въ болѣе обширные заливы западной части Мурманскаго побережья, преимущественно Урскій, Мотовской, Печенгскій и Варангерскій. Т. к. западная часть Мурмана никѣмъ не защищалась, ибо аборигены края—Лопари совсѣмъ не были заинтересованы въ рыбныхъ промыслахъ, то по всему этому побережью существовали самовольныя поселенія нормановъ или нордфаровъ, т. е., въ большинствѣ случаевъ, шведскихъ и датскихъ подданныхъ, изгнанныхъ изъ отечества и бѣглецовъ, главнымъ образомъ занимавшихся разбоями и грабежемъ. Богатства западныхъ заливовъ Мурмана заставляли первыхъ поселенцевъ этой части берега упорно отстаивать свое право на промыслы, вслѣдствіе чего между кольскими выходцами и нордфарами происходили ожесточенныя стычки, и не всегда русскіе оказывались побѣдителями въ этой борьбѣ. Въ виду такого положенія вещей, на западной части Мурмана издавна не строились сколько-нибудь прочные дома и не основывались постоянныя поселенія. Отправляясь небольшими партіями изъ Кольскаго острога, промышленники избирали себѣ атамана, сосредоточивавшаго въ своемъ лицѣ власть судебную и исполнительную, а иногда и законодательную. Ватаги промышленниковъ, по прибытіи на мѣсто, распадались на небольшія артели, какъ и теперь, изъ четырехъ человѣкъ подъ управленіемъ кормщика или *коршика*, какъ говорятъ поморы.

Въ историческихъ данныхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ указаній на мѣста, гдѣ обыкновенно располагались становища, а существуютъ указанія только на то, что ихъ было не мало. Въ первый разъ, по свидѣтельству Гулевича, названія русскихъ

становищъ упоминаются въ писцовыхъ книгахъ 1608, 1609 и 1610 г.г. Алая Михалкова и дьяка Василья Мартемьянова. Изъ этихъ книгъ видно, говоритъ Гулевичъ, что въ то время на западномъ Мурманѣ было 21 становище съ 121 промысловой избой, а на восточномъ—29 становищъ съ 75 избами. Просматривая ихъ списокъ, мы видимъ, что многія изъ нихъ теперь оставлены, но объяснить это только неудобствами заливовъ, въ глубинѣ которыхъ расположены были эти становища, едва-ли возможно—быть можетъ, и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переселеніемъ массъ трески въ другіе губы и заливы, хотя, въ концѣ концовъ, за недостаткомъ данныхъ вопросъ этотъ слѣдуетъ оставить открытымъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ число становищъ по Мурману было (въ 89 г.) не болѣе 37 *), изъ которыхъ 18 было на западномъ Мурманѣ. Между тѣмъ, въ 57 году, т. е. въ годъ изслѣдованія мурманскихъ промысловъ проф. Данилевскимъ, ихъ было 41, т. е. столько-же, сколько въ настоящее время. Впрочемъ, едва-ли можно придавать значеніе этимъ цифрамъ, такъ какъ гораздо важнѣе знать подлинную цифру промышленниковъ, посѣщавшихъ ежегодно Мурманъ, но цифра эта можетъ быть указана только по отношенію къ послѣднимъ 25 годамъ—относительно-же предшествовавшихъ лѣтъ имѣются отрывочныя данныя, изъ которыхъ между прочимъ видно, что во времена Ломоносова число промышленниковъ на Мурманѣ достигало 10.000, въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія число это упало до 5.000, а въ настоящее время даже до 3.000 человѣкъ, если не считать въ числѣ ихъ колонистовъ.

Но о различныхъ цифрахъ и фактахъ, иллюстрирующихъ состояніе Мурманскихъ промысловъ за все то время, относительно котораго имѣются данныя, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь возвращаемся къ тому, какъ организуется самый промыселъ.

Съ незапамятныхъ временъ мурманскіе промыслы велись почти исключительно при помощи небольшого судна, называемаго на языкѣ поморовъ «шнякой». И до сихъ поръ это судно, ни на іоту не измѣнившее своей конструкціи со временъ новгородскихъ, прослужитъ почти единственнымъ у русскихъ промышленниковъ промысловымъ судномъ.

---

*) Болѣе чѣмъ съ 1000 домовъ.

Изъ многочисленныхъ описаній этого оригинальнаго и нигдѣ, кромѣ сѣвернаго русскаго побережья, не встрѣчающагося судна, мы приведемъ наиболѣе точное, заимствуя его у разныхъ авторовъ, обращавшихъ особенное вниманіе на морскія качества этого судна. По одному изъ такихъ описаній, шняка—«это старинная промысловая безпалубная лодка, тяжелая, неуклюжая, шитая веревками, длиною отъ 32—36 футъ и поднимающая грузу отъ 250—300 пуд. Вооружена шняка однимъ прямымъ парусомъ, къ лавировкѣ неудобна и, кромѣ того, во время непогоды, дождя она не даетъ людямъ никакого прикрытія». Болѣе сжатаго и превосходно характеризующаго нелѣпую конструкцію шняки описанія трудно себѣ представить. Въ оцѣнкѣ достоинствъ шняки согласны, повидимому, всѣ тѣ десятки авторовъ, трудами которыхъ мы до сихъ поръ пользовались. Такъ, наиболѣе компетентный изслѣдователь технической стороны мурманскихъ промысловъ г. Данилевскій, съ чисто профессорской добросовѣстностью описавшій главное наше промысловое судно, прибавляетъ въ концѣ этого описанія: «къ сожалѣнію, шняки никакъ нельзя назвать хорошими морскими судами,—онѣ и медленны на ходу и тяжелы на веслахъ, а главное дурно выносятъ волненіе океана....» Не дѣлая другихъ выписокъ, одинаково характеризующихъ шняку, какъ никуда негодное морское судно, мы приведемъ здѣсь описаніе ея устройства.

Все внутреннее устройство шняки съ перваго взгляда довольно хорошо приспособлено къ ея назначенію, т. е. къ помѣщенію въ ней рыболовной снасти и наловленной рыбы. Для этой цѣли вся шняка дѣлится нѣсколькими дощатыми перегородками на нѣсколько отдѣленій, причемъ каждое такое отдѣленіе имѣетъ свое спеціальное назначеніе. Корма шняки на нѣкоторомъ разстояніи сплошь забрана досками, подъ которыми, такимъ образомъ, образуется нѣчто вродѣ каюты—здѣсь помѣщается кормщикъ. Конечно, каютой этой кормщикъ можетъ пользоваться только въ то время, когда шняка стоитъ неподвижно, выметавъ рыболовную снасть—остальное время кормщикъ долженъ находиться на своемъ посту или помогать артели при выметываніи и выниманіи изъ воды снасти. За каютой кормщика непосредственно идетъ отдѣленіе, въ которомъ помѣщается такъ наз. *наживодчикъ*, т. е. промышленникъ, наживляющій рыболовную снасть наживкой; за отдѣленіемъ наживодчика, ближе къ носу слѣдуютъ *два чердака* или *кормовая*

кладь и, наконецъ, по срединѣ, вдоль длины шняки имѣется особый отдѣлъ, называемый *карой*, въ которомъ и производится наживка удъ, составляющихъ главную принадлежность всей рыболовной снасти. Въ виду этого, вдоль борта шняки, параллельно съ срединнымъ узкимъ отдѣленіемъ, имѣется небольшое отдѣленіе, гдѣ хранится самая наживка. Въ «карѣ» помѣщаются тюки снасти по наживленіи ея, т. е. во все время выметыванія снасти и послѣ вытягиванія ея. За «карой» идетъ отдѣленіе, называемое *гребнемъ*, гдѣ сначала находится снасть, передаваемая послѣ въ «кару» для наживленія; послѣ «гребня» слѣдуютъ 2, иногда 3 отдѣленія, называемыя *носовой кладью*. Пойманная рыба укладывается сначала въ кормовой клади, затѣмъ въ носовой, а въ случаѣ необыкновенно-хорошаго улова и во всѣ остальныя отдѣленія.

Хотя въ настоящее время на шнякахъ иногда выѣзжаютъ и за 30 верстъ отъ берега, однако это дѣлается съ большимъ рискомъ. Несчастья со шняками очень нерѣдки; почти ежегодно ихъ опрокидываетъ и потопляетъ въ то время, когда онѣ возвращаются слишкомъ переполненныя добычей. Не трудно судить о важномъ значеніи для успѣшности самаго промысла того или другого устройства рыболовныхъ судовъ—естественно, что неуклюжая, неповоротливая шняка, неспособная лавировать, построенная по шаблону, существующему уже 4 вѣка, въ значительной мѣрѣ мѣшаетъ наиболѣе производительному употребленію того короткаго промежутка времени, въ теченіи котораго промышленниками производится ловъ трески. Шняка позволяетъ выѣзжать на промыселъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ производится за 10 и болѣе верстъ отъ берега, только въ сравнительно тихую погоду и совсѣмъ не позволяетъ производить промысла въ открытомъ морѣ, отыскивая наиболѣе густыя стаи трески, какъ то дѣлаютъ наши соперники въ тресковомъ промыслѣ—норвежцы. Благодаря такимъ качествамъ шняки, та погода, которая на Мурманѣ считается бурей, и благодаря которой поморы въ океанъ не идутъ, на норвежскомъ берегу считается «хорошей погодой» и нисколько не останавливаетъ рыбаковъ. Это обстоятельство чрезвычайно важно, такъ какъ въ самое благопріятное для ловли время, т. е. весною, штилевые дни очень рѣдки, и чаще дуютъ NO и NW, приносящіе съ собою нерѣдко даже мятели, а качку килевую постоянно. Норвежцы совсѣмъ не знаютъ шняки и употребляютъ судно, несрав-

ненно болѣе приспособленное во всѣхъ отношеніяхъ, такъ назыв. *«ёлу»*. Ела больше шняки и ходитъ подъ кливеромъ, фокомъ и бизанью, т. е. несетъ, во-первыхъ, парусность несравненно большую, чѣмъ шняка, и, во-вторыхъ, такую, которая ей позволяетъ лавировать, чего безусловно не можетъ дѣлать шняка со своимъ прямымъ четыреугольнымъ парусомъ, носящимъ живописное названіе «благодати». Вслѣдствіе этого, при малѣйшемъ не попутномъ вѣтрѣ шняка выгребается на веслахъ, а это при неуклюжести судна представляетъ очень и очень трудную работу. Нечего и говорить о томъ, что норвежская ёла имѣетъ и теплую каюту съ печью, гдѣ можно обогрѣться и обсушиться, и вообще предоставляетъ своимъ пассажирамъ сравнительно со шнякой массу удобствъ, съ точки зрѣнія притерпѣвшагося къ стужѣ и мокротѣ помора, представляющихъ недоступную для него роскошь. Г. Максимовъ, самъ на себѣ испытавшій всѣ удобства промысла на русскомъ суднѣ, посвящаетъ довольно много мѣстъ сравнительному описанію норвежскаго и русскаго типа промысловыхъ судовъ, и это описаніе даже на не посвященнаго въ тайны морского искусства человѣка производитъ очень сильное впечатлѣніе. Кстати сказать, до Максимова никто изъ изслѣдователей нашихъ сѣверныхъ промысловъ такъ тщательно, путемъ *личнаго опыта*, не изучалъ условій, при какихъ производится промыселъ. Въ виду этого, наблюденія этого знатока сѣвера по-истинѣ драгоцѣнны для всѣхъ, интересующихся судьбами нашихъ сѣверныхъ морскихъ промысловъ.

Описанія г. Максимова, касающіяся конструкціи нашихъ и норвежскихъ промысловыхъ судовъ, безусловно заслуживаютъ того, чтобы ихъ здѣсь привести. Оцѣнивая достоинства норвежскихъ судовъ, онъ говоритъ: «ёла идетъ круто къ вѣтру, прекрасно слушаетъ руля, не погружается сильно въ воду, устойчива, и ея паруса имѣютъ рифы, взявши которые, можно выдерживать въ океанѣ сильныя непогоды. Шняка наша тяжела, неуклюжа, неповоротлива и, вооруженная парусомъ «благодатью», т. е. однимъ только прямымъ парусомъ, рѣшительно не способна къ лавировкѣ. На шнякѣ нѣтъ каюты, гдѣ люди могли-бы обогрѣться и просушиться. Она сильно погружается въ воду и ходитъ тихо подъ веслами. Волненіе легко заливаетъ ее, когда она въ грузу. Несмотря на то, что парусъ имѣетъ рифъ, шняка не можетъ выходить въ море

въ непогоду и держаться, когда въ такую-же непогоду выходитъ и держится норвежская ёла....»

Другимъ промысловымъ судномъ, хотя и менѣе распространеннымъ, на Мурманскомъ берегу служитъ *карбасъ*. Онъ меньше шняки и конструкціи еще болѣе примитивной, и представляетъ собою «до такой степени жалкую коробку, что совѣстно и страшно становится за помора, выѣзжающаго на немъ...». Единственное его достоинство въ томъ, что онъ очень дешевъ, но такъ какъ онъ плаваетъ исключительно почти подъ веслами, то дешевизна его въ дѣйствительности очень дорого обходится промышленнику, могущему выйти въ океанъ только при безусловно спокойномъ состояніи воды или спускаться по вѣтру подъ маленькимъ парусомъ. Чуть поднимется въ морѣ непогода, карбасъ и шняка, если вѣтеръ непопутный, бѣгутъ по вѣтру, не думая отстаиваться, бросаютъ снасть рыболовную, гдѣ приведется, и стараются только о томъ, чтобы попасть какъ-нибудь къ берегу и уже не къ своему становищу, если не позволяетъ вѣтеръ, а куда-нибудь: лишь бы не погибнуть въ морѣ. Вдобавокъ, сшитый веревками изъ древесной коры, карбасъ течетъ по всѣмъ швамъ и при поднятіи на него тяжелой снасти, осѣдая въ воду, требуетъ постоянной отливки воды—иначе онъ затонетъ...

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло у норвежцевъ.... Они уже не удовлетворяются типомъ ёлы. По свидѣтельству новѣйшихъ наблюдателей промысловой жизни на Финмаркенскомъ берегу, ёлу начинаютъ вытѣснять «листерботы»,—судно еще болѣе совершенное, чѣмъ ёла. Листерботъ—по размѣрамъ своимъ и конструкціи представляетъ собою небольшую яхту въ 30—40 тоннъ вмѣстимостью. Судно это оснащено двумя кливерами, фокомъ, топселемъ и бизанью. Практика показала, что зарифленный листерботъ способенъ вынести какую угодно бурю, благодаря еще тому обстоятельству, что онъ имѣетъ палубу и трюмъ, герметически закрывающійся люками. На кормѣ листербота имѣется каюта (съ печью), въ которой находятся койки экипажа (5—6 человѣкъ); груза беретъ листерботъ больше ёлы и крѣпче ея построенъ—это очень важно для промышленниковъ, такъ какъ позволяетъ судну оставаться въ океанѣ нѣсколько дней, пока трюмъ не будетъ наполненъ рыбой, и, слѣдоват., дѣлаетъ излишними безпрестанныя поѣздки къ берегу для выгрузки улова рыбы и въ концѣ концовъ позволяетъ выби-

рать въ океанѣ любое мѣсто, смотря по тому, гдѣ гуще стаи рыбы (ранѣе, говоря объ образѣ жизни трески, мы уже указывали на то, что рыба эта держится на громадномъ пространствѣ моря разсѣянными стаями большей или меньшей густоты). Найдя подходящее мѣсто, листерботъ становится на якорь, ложится въ дрейфъ, уходитъ отъ большой непогоды, куда ему угодно, въ любую бухту и возвращается въ гавань, какъ только нагрузится рыбой.

О другихъ судахъ поморовъ, какъ не имѣющихъ прямого, непосредственнаго отношенія къ самому промыслу, мы не станемъ говорить; роль ихъ служебная—отвозить наловленную рыбу въ Архангельскъ, ходить въ Норвегію для промѣна муки и другого сырья на норвежскую рыбу и т. д. Суда эти исчерпываются двумя типами, очень немного разнящимися, съ морской точки зрѣнія, другъ отъ друга—типами *лодьи* и *шкуны*. Оба эти типа слишкомъ устарѣли и далеко не выполняютъ своего назначенія, какъ по своему медленному ходу, такъ и по своей оснасткѣ и малой приспособленности для храненія груза, состоящаго изъ соленой и сушеной рыбы и, въ особенности, для плаванія вдоль бурнаго Мурманскаго моря. Пароходное-же сообщеніе существуетъ пока въ зародышѣ и отвѣчаетъ другимъ цѣлямъ,—у частныхъ-же лицъ—промышленниковъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного парохода.

Нечего и говорить, что у финмаркенцевъ эта сторона дѣла стоитъ неизмѣримо выше. Конструкція ихъ судовъ, предназначенныхъ для перевозки рыбы и другихъ служебныхъ цѣлей, очень красива и удобна, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ корабельной архитектуры. Обыкновенно норвежцы передѣлываютъ старыя парусныя суда на пароходы съ небольшой паровой машиной, а внутренность судна приспособляютъ къ перевозкѣ грузовъ, состоящихъ изъ рыбы и жира. Вообще всѣ суда, включительно до большихъ морскихъ пароходовъ, норвежцы строятъ на своихъ верфяхъ и по всѣмъ правиламъ морской науки; благодаря этому, у нихъ создался постепенно очень хорошій флотъ, какъ судовъ дальняго плаванія, такъ и береговаго, а также и промысловыхъ. Правда, для этого норвежцы по всему берегу завели школы, верфи, субсидируютъ всякія улучшенія въ кораблестроеніи, подготовляютъ моряковъ, изучаютъ берега и море и т. д., словомъ, продѣлываютъ цѣлый рядъ вещей, стоющихъ, въ концѣ концовъ, не дешево. Но и результаты всей этой дѣятельности таковы, что

заставляютъ забывать о всѣхъ дорогихъ издержкахъ... Ничего этого пока у насъ еще нѣтъ, или есть въ зародышѣ, и печальная дѣйствительность рѣжетъ глаза всякому, даже некомпетентному наблюдателю—достаточно указать на такой фактъ, какъ тотъ, что наши поморскія суда не берутся на страхъ ни однимъ страховымъ обществомъ: такъ онѣ плохи. Лучшей иллюстраціи, пожалуй, и не надо.

И такъ, возвращаемся къ организаціи технической стороны мурманскихъ промысловъ, именно, къ самому способу ловли, что, между прочимъ, еще разъ дастъ возможность показать наглядно, въ какой зависимости отъ употребленія тѣхъ или другихъ промысловыхъ судовъ находится успѣшность и богатство улововъ.

Ранней весною, какъ мы говорили, къ берегамъ Мурмана приплываютъ несмѣтныя стаи мойвы—рыбки, жадно пожираемой трескою и потому служащей лучшей наживкой для ловли ея. Въ виду этого, первой заботой промышленниковъ бываетъ забота о приготовленіи этой наживки въ достаточномъ количествѣ. Къ берегамъ мойва подходитъ уже съ 1-го Марта и держится до 1-го Мая, а иногда и нѣсколько дольше. За мойвой идутъ, кромѣ трески, и киты, которые ею питаются (особый видъ—такъ наз. *мойвенный китъ*). На этомъ основаніи въ Норвегіи китобойный промыселъ запрещается весной, ибо киты, якобы гонятъ мойву передъ собою, исполняя должность своеобразныхъ пастуховъ. Однако, замѣтимъ между прочимъ, вопросъ этотъ далеко еще не выясненъ.

Присутствіе мойвы узнаютъ по массѣ чаекъ, питающихся этой маленькой рыбкой и потому массами наполняющихъ воздухъ. Болѣе точныя наблюденія показали, что время приближенія мойвы къ берегамъ обусловливается температурой воды, и потому, чѣмъ ранѣе наступаетъ весна, тѣмъ скорѣе мойва появляется у нашихъ береговъ. Промышленники зорко слѣдятъ за ходомъ мойвы и для этого предпринимаютъ иногда цѣлыя путешествія вдоль берега въ поискахъ за нею. Иногда, хотя и очень рѣдко, бываетъ, что мойва совсѣмъ не подходитъ къ нашимъ берегамъ и держится въ открытомъ морѣ. Положеніе промышленниковъ, ловящихъ эту рыбку особыми (мойвенными) неводами, въ такихъ случаяхъ становится критическимъ, и промышленники принуждены бываютъ обращаться къ другимъ сортамъ наживки, которой, кромѣ рыбки—песчанки, встрѣчаемой на песчаныхъ отмеляхъ послѣ вскрытія рѣкъ, слу-

жатъ такъ наз. морскіе черви, содержимое различныхъ морскихъ ракушекъ, мелкая сайда (rattis), а иногда даже сельди, куски трески, семги и мелкій пикшуй. Но рыба идетъ плохо на всѣ эти сорта наживки, и промышленники терпятъ большіе убытки. Между тѣмъ, американцы изобрѣли прекрасный способъ ловли мойвы въ открытомъ морѣ особыми неводами—*кошельковыми*. Самое названіе этихъ неводовъ указываетъ на ихъ устройство, и потому нѣтъ надобности останавливаться на ихъ описаніи. Гулевичъ (въ кн. «Русская Лапландія») говоритъ, что этотъ способъ ловли мойвы нашелъ и у насъ примѣненіе по инициативѣ шкипера И. Зебекъ, а затѣмъ промышленника А. Савина. Но за разореніемъ г. Зебекъ, его предпріятіе, состоявшее въ доставкѣ весною на особомъ пароходѣ въ становища мойвы для продажи промышленникамъ, въ настоящее время рухнуло; о другомъ-же предпріятіи, г. Савина у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ свѣдѣній подъ руками.

Въ началѣ Іюня мойва, выметавъ икру, удаляется отъ береговъ и исчезаетъ въ неизмѣримыхъ глубинахъ открытаго океана.

Въ послѣднее время норвежецъ Кнюценъ въ становищѣ «Столбовомъ» воспользовался бухточкой, куда заходитъ мойва, перегородилъ эту бухточку до дна сѣтью и держитъ такимъ образомъ мойву все лѣто и осень въ затонѣ, временами ее вылавливая и развозя на своемъ пароходикѣ вдоль всего побережья Мурмана за хорошую, конечно, цѣну. Слѣдуетъ замѣтить, что мойва держится далеко не по всему побережью Мурмана, а только по западному, и далѣе Териберки, средняго становища на Мурманскомъ берегу, не заходитъ. Насколько въ виду этого важно имѣть запасы мойвы, видно изъ того огромнаго успѣха, который имѣло предпріятіе Кнюцена, прибытіе котораго съ мойвой на его маленькомъ, приспособленномъ для этой цѣли пароходикѣ, производило среди промышленниковъ цѣлую сенсацію. Пароходикъ этотъ, говоритъ Максимовъ,—«буквально берутъ на абордажъ и платятъ за наживку какую угодно цѣну. Однажды, простоявъ въ становищѣ Гавриловѣ полчаса, пароходъ выручилъ 700 руб....»

Между тѣмъ, несмотря на рѣшающее значеніе въ промыслѣ мойвы, запасовъ ея въ мороженомъ или какомъ другомъ видѣ не дѣлается, что, очевидно, не только возможно у насъ, въ виду неизмѣримаго количества мойвы, но и практикуется уже норвежцами и амери-

канцами. Мойвы бываетъ весною такъ много, что чайки ходятъ по движущейся стаѣ мойвы, какъ по землѣ, а на лодкѣ бываетъ очень трудно пробраться черезъ эту груду живыхъ тѣлъ.....

Ловъ мойвы обыкновеннымъ способомъ производится слѣдующимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ становищахъ, гдѣ скопляется въ данное время мойва, собираются промышленники съ ближайшихъ становищъ, и каждая партія ихъ изъ 4-хъ человѣкъ, представляющая промысловую единицу, пускаетъ свой маленькій мелкоячейный неводъ, пока не наловитъ достаточнаго количества наживки. Въ большихъ становищахъ этотъ ловъ представляетъ чрезвычайно оживленную картину: въ небольшой губѣ толпятся десятки лодокъ; сотни промышленниковъ закидываютъ невода, тянутъ ихъ, опоражниваютъ мотню, высыпая содержимое ея въ особые ушаты. Порядка при этомъ никакого не наблюдается—одинъ неводъ тянутъ черезъ другой, веревки отъ неводовъ перекрещиваются во всѣхъ направленіяхъ, путаются неводами, поднимаются крики, ссоры, переходящія иногда въ драку.

Наловленной мойвой пользуются тотчасъ-же, отправляясь въ ночной ловъ; возвращаясь на другой день съ наловленной рыбой, снова ловятъ мойву и т. д., дѣлая исключеніе только для праздниковъ. Иногда промышленники налавливаютъ мойвы такъ много, что излишекъ выбрасываютъ на берегъ, гдѣ рыба быстро загниваетъ.

Самый неводъ для ловли мойвы бываетъ длиною отъ 50 до 75 саж. и 3—3$^1/_2$ саж. въ ширину. Такой неводъ, по словамъ опытныхъ промышленниковъ, служитъ не болѣе 3 лѣтъ, и потому имѣютъ его далеко не всѣ и устраиваютъ, въ виду дороговизны обзаведенія неводомъ, особенныя артели (мойвенныя или *себріи*) со спеціальной цѣлью уменьшить издержки.

Въ такую артель входитъ обыкновенно 4 шняки въ качествѣ единицы, на которую полагается одинъ неводъ. Если владѣтель невода не имѣетъ 4-хъ шнякъ, то онъ зоветъ въ свою артель другихъ промышленниковъ, не имѣющихъ неводовъ, и тогда составляется накъ назыв. *малая мойвенная ромша* (изъ 4-хъ шнякъ). Чтобы составить *большую* мойвенную ромшу, нужно три малыхъ, т. е. 12 шнякъ съ тремя неводами. Условія, на которыхъ вступаютъ въ мойвенную артель, довольно разнообразны, но чаще всего неимѣющій невода платитъ отъ 3 до 8 руб. Мойвен-

ныя артели существуютъ все то время, когда мойва держится у береговъ, т. е. до 1-го Іюня—уловъ мойвы дѣлится всегда поровну, а передъ выѣздомъ на ловлю бросаютъ жребій съ цѣлью рѣшить, какой неводъ пойдетъ первый, затѣмъ второй и т. д. Такая-же жеребьевка происходитъ и для опредѣленія, кому изъ кормщиковъ идти первымъ, вторымъ и т. д. Такимъ образомъ, въ первый разъ за наживкой отправляется кормщикъ первой малой ромши съ наживляльщикомъ и неводомъ и беретъ съ собою по два человѣка съ остальныхъ двухъ малыхъ ромшей. Иногда отсутствіе ловцовъ длится дней по 5—6, пока не найдутъ наживки. За первой малой ромшей слѣдуетъ вторая, затѣмъ третья.

Американцы, какъ мы уже указывали, ловятъ мойву кошельковыми неводами. Кромѣ того, избытокъ мойвы они сохраняютъ въ замороженномъ видѣ, въ ледникахъ. Попытки завести этотъ обычай на Мурманѣ имѣли мѣсто еще въ концѣ 70-хъ годовъ, но особеннаго успѣха не имѣли, отчасти вслѣдствіе дороговизны замороженной мойвы (3 пуда мойвы стоили въ то время до 5 руб.), отчасти вслѣдствіе косности самихъ промышленникоиъ, ссылавшихся на то, что ихъ «отцы этого не дѣлали».

За недостаткомъ мойвы употребляютъ всякую рыбу кусками, иногда даже не брезгаютъ соленой селедкой, но, естественно, надлежащихъ уловов не получаютъ.

Съ 1-го Іюня, когда мойва уже удалится въ открытое море, начинается лѣтній промыселъ (по 1-е Августа). Наживкой въ это время служитъ *песчанка,* рыбка похожая на снѣтка; ловятъ ее неводами въ 50—60 саж. длиной и въ 2—2½ саж. шириной, Неводъ этотъ значительно дороже мойвеннаго и служитъ не болѣе одного года, но эти обстоятельства, противъ всякаго ожиданія, вовсе не заставляютъ промышленниковъ соединяться въ артели, и каждый хозяинъ шняки имѣетъ свой неводъ. При массѣ участниковъ въ ловѣ песчанки происходитъ постоянная путаница неводовъ, отсюда споры и драки, и, однако, ни дороговизна песчаночныхъ неводовъ, ни недолговѣчность ихъ, ни, наконецъ, отсутствіе всякаго порядка при ловлѣ песчанки не заставляютъ промышленниковъ соединяться въ артели. Фактъ положительно не понятный.

Выгоды, которыя промышленники имѣли-бы отъ сохраненія песчанки про запасъ, очевидны сами собою, если принять во вниманіе, что ловъ песчанки происходитъ только въ опредѣленныхъ

и притомъ рѣдкихъ пунктахъ берега, такъ что изъ нѣкоторыхъ становищъ приходится ѣздить за песчанкой верстъ за десять, а иногда даже за 20, 30 и 35 верстъ. При противныхъ вѣтрахъ одинъ рейсъ за песчанкой длится до двухъ и трехъ сутокъ... Въ концѣ концовъ, если вычесть время, которое тратится на поиски и ловъ наживки, затѣмъ бурные дни, когда промыселъ, на шнякахъ особенно, немыслимъ, да прибавить сюда праздники, то *настоящаго лова выпадаетъ дня два, не больше трехъ въ недѣлю*... Одно это обстоятельство заставляетъ обратить особенное вниманіе на такія, повидимому, мелкія подробности, какъ та или другая организація лова наживки, способы ея сохраненія и т. д., тѣмъ болѣе, что за отсутствіемъ мойвы *вовсе не бываетъ* весенняго лова трески, т. е. не бываетъ самаго богатаго лова.

Такъ какъ безъ наживки треску совсѣмъ нельзя ловить тѣмъ способомъ, который исключительно употребляется на Мурманѣ, и къ описанію котораго мы сейчасъ перейдемъ, то за полнымъ отсутствіемъ ея, наживляютъ снасти чѣмъ попало, какъ мы уже отмѣтили. Лучшей, однако, наживкой послѣ мойвы и песчанки считается морской червь (Avenicola piscatorum), котораго находятъ на примелыхъ песчаныхъ прибрежьяхъ, глубоко зарывшимся въ песокъ, выкапывая его особымъ инструментомъ, вродѣ 5—6 зубыхъ вилъ, называемымъ *червяницею*. Такъ какъ черви сидятъ глубоко въ пескѣ, и ихъ оттуда не легко выкапывать, то промышленники дѣлаютъ это крайне неохотно, предпочитая наживлять снасти худшими сортами наживки, лишь бы не тратить столько труда на добываніе червя. Кромѣ того, никогда нельзя накопать такое количество червей, котораго бы хватило на наживленіе всей снасти, поэтому приходится укорачивать снасть и вообще нѣсколько ломать тотъ обиходъ, къ которому промышленникъ привыкалъ вѣка...

Вылавливаніе со дна моря драгами *ракушекъ* для наживленія снасти представляетъ такую утомительную операцію, что промышленники прибѣгаютъ къ ней лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что добыча этихъ ракушекъ даетъ возможность наживлять только часть снасти—настолько она ничтожна.

Когда, такимъ образомъ, окончена довольно сложная процедура заготовленія для лова наживки, промышленники выѣзжаютъ въ море на промыселъ.

Способы ловли, практикуемые мурманскими промышленниками, очень несложны—ихъ два: ловъ при помощи снасти, называемой *ярусомъ*, и ловъ *удебный*, т. е. удочкой. Самый распространенный способъ; ловли на Мурманскомъ побережьѣ—это ярусный способъ; хотя параллельно съ нимъ существуетъ и удебный, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

Самый древній способъ ловли трески, однако, былъ удебный; первые промышленники на Мурманскомъ берегу, насколько объ этомъ можно судить по имѣющимся историческимъ даннымъ, употребляли удочку очень примитивной конструкціи. Это былъ простой крючокъ, привязанный къ бичевкѣ саженъ 100—150. Нѣсколько выше крючка привязывалось тяжелое грузило, и весь этотъ немудрый снарядъ опускался въ море съ какою-нибудь наживкой, причемъ ловецъ безпрестанно подергивалъ леску съ цѣлію придать наживкѣ (обыкновенно какой-нибудь рыбкѣ) живой видъ. Такой способъ ловли требовалъ большой затраты физической силы, и потому съ развитіемъ промысловъ былъ замѣненъ яруснымъ.

Для яруснаго лова требуется, по издавна установившемуся на Мурманѣ обычаю, четыре человѣка, составляющіе, такъ сказать, промысловую единицу. Впрочемъ, это число, сообразно различнымъ условіямъ лова, доходитъ и до двухъ человѣкъ на каждое судно. Все-таки, постояннымъ и правильнымъ способомъ лова считается шнячная артель изъ четырехъ человѣкъ. Эти четыре человѣка, составляющіе экипажъ шняки и продѣлывающіе всѣ операціи при выметываніи снасти, вытягиваніи ея и т. д., имѣютъ каждый свою строго опредѣленную обязанность и носятъ поэтому соотвѣтствующія названія; первый изъ нихъ—*кормщикъ*, на обязанности котораго, главнымъ образомъ, лежитъ нахожденіе наиболѣе, по его мнѣнію, богатыхъ скопленій трески, опредѣленіе времени выметыванія яруса, уборка его и т. д., словомъ, онъ представляетъ собою нѣчто вродѣ капитана шняки. Остальные трое—*тяглецъ*, *весельщикъ* и *наживодчикъ*—выполняютъ функціи обыкновенныхъ рабочихъ.

Самая снасть, которою управляютъ эти четыре человѣка,—ярусъ, представляетъ длинный рядъ связанныхъ между собою тонкихъ (толщиною въ мизинецъ) веревокъ, къ которымъ прикрѣплены на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга болѣе тонкія и короткія (длиной четвертей пяти) веревочки, или подлески, къ концамъ

которыхъ прикрѣплены желѣзные крючки, наживляемые, какъ мы уже сказали, мойвой, песчанкой, морскимъ червемъ или даже кусочками какой-бы то ни было рыбы и ракушками. Къ срединѣ яруса и его обоимъ концамъ прикрѣплены якоря, благодаря которымъ вся снасть лежитъ на днѣ; отъ этихъ якорей идутъ веревки, длина которыхъ какъ разъ соотвѣтствуетъ глубинѣ моря въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится ловъ. Дѣлается это для того, чтобы къ концамъ веревокъ, выходящимъ на поверхность моря, привязать особые значки, обозначающіе мѣстонахожденіе всей снасти. Значки эти состоятъ изъ деревянной чурки—*кубаса*, въ которую вставлена палка толщиной въ руку, оканчивающаяся такъ назыв. *махавкой*, т. е. пучками мочалы или вѣтокъ; назначеніе махавки и кубаса состоитъ въ томъ, чтобы издалека можно было видѣть мѣсто, гдѣ выметана снастъ. При волненіи, кубасъ, постоянно подбрасываемый волнами, какъ-бы размахиваетъ махавкой и тѣмъ указываетъ мѣсто, гдѣ залегаетъ снасть, но въ тихую погоду, при зеркальной поверхности моря махавка лежитъ на водѣ и потому не выполняетъ своего назначенія.

Ярусъ достигаетъ длины 6, 9 и даже 12 верстъ (по Гулевичу), но средней его длиной слѣдуетъ считать верстъ 6—7. Весь ярусъ состоитъ изъ *стоянокъ* или *стеклинъ*, т. е. веревокъ въ 35—45 саж. длиною, связанныхъ между собою. Коротенькія веревочки (подлески), привязанныя по всей длинѣ яруса, такъ назыв. *оростеги*, находятся другъ отъ друга на разстояніи аршинъ 4-хъ, а въ послѣднее время даже 3 и $2^1/_2$ аршинъ. Еще ранѣе, оростеги прикрѣплялись гораздо рѣже, иногда на 2 саж. другъ отъ друга. Каждыя три стоянки называются *тюкомъ* и никогда не развязываются, тогда какъ каждый тюкъ по вынутіи снасти непремѣнно отвязывается отъ слѣдующаго тюка—и сматывается каждый отдѣльно. Только при наживленіи крючковъ тюки снова связываются. Что касается крючковъ на концахъ оростегъ, то они всегда приблизительно одинаковы и отличаются только по качеству и происхожденію. Англійскіе крючки считаются гораздо лучшаго качества, такъ какъ подвергаются лучшей закалкѣ, имѣютъ на концѣ зазубрину и искривлены такъ, что остріе крючка находится въ другой плоскости, чѣмъ та часть его, которая привязывается къ оростегѣ; русскій-же крючокъ не имѣетъ этихъ достоинствъ, и потому промышленники предпочитаютъ употребленіе англійскихъ, несмотря на

ихъ сравнительную дороговизну. По свидѣтельству рыбаковъ, уловы на ярусахъ, снабженныхъ англійскими крючками, превосходятъ уловы ярусовъ съ русскими въ полтора и даже болѣе разъ. Однако и до сихъ поръ употребленіе крючковъ русской фабрикаціи довольно распространено среди мурманскихъ промышленниковъ, отчасти въ силу ихъ рутинности, отчасти вслѣдствіе бѣдности, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые занимаются промысломъ самостоятельно, что очень понятно, если принять во вниманіе огромное количество крючковъ, потребныхъ для одного яруса—число это въ среднемъ случаѣ не менѣе 3.000. А такъ какъ крючки часто отрываются, то для ремонта яруса въ теченіе рыболовнаго сезона нужно еще не менѣе 2.000 крючковъ, что будетъ стоить не менѣе 15—20 рублей, при заведеніи яруса, да при ежегодномъ его ремонтѣ не менѣе 10—15 рублей. Съ 1862 года дозволенъ безпошлинный ввозъ заграничныхъ крючковъ, благодаря чему цѣны ихъ упали до 5—7 рублей за тысячу, а раньше онѣ были гораздо выше.

И такъ, изготовивши снасть, т. е. нажививши ее на берегу и связавши тюки между собою, промышленники кладутъ ее въ шняку или карбасъ и выплываютъ въ море, приноравливая время отправленія такъ, чтобы ярусъ пришлось выметывать при самомъ низшемъ стояніи воды въ морѣ—по выраженію поморовъ, въ *хайпугу*. Вотъ какъ описываетъ ловлю ярусомъ проф. Данилевскій, наблюдавшій эту операцію не одинъ разъ.... «Прибывъ на мѣсто, которое кормщикъ—распорядитель всего лова—считаетъ удобнымъ для выметки яруса, выбрасываютъ сначала кубасъ, а затѣмъ якорь съ ярусомъ, прикрѣпленнымъ къ веревкѣ, идущей отъ него къ кубасу. Весельщикъ и тяглецъ гребутъ, а кормщикъ продолжаетъ выметывать снасть, стараясь, по возможности, сохранить одно направленіе. Выметавъ половину снасти, бросаютъ второй якорь съ кубасомъ, а при концѣ всего яруса третій. Кормщикъ долженъ быть хорошо знакомъ съ глубиною моря, ибо, если веревка, соединяющая якорь съ кубасомъ, слишкомъ коротка по глубинѣ мѣста, то кубасъ потонетъ. Также долженъ кормщикъ замѣчать по берегу положеніе каждаго изъ кубасовъ, чтобы всегда быть въ состояніи ихъ отыскать, если, напр., погода принудитъ шняку оставить снасть въ морѣ, чтобы самой укрыться въ становищѣ. Выметавъ ярусъ, привязываютъ шняку къ кубасу и стоятъ на якорѣ, пока не придетъ время вытягивать снасть. Обыкновенно оставляется ярусъ

въ морѣ цѣлую воду, т. е. шесть часовъ, если-же рыбы мало ловится, то двѣ воды, а иногда даже цѣлыя сутки; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, выметавъ ярусъ, всегда возвращаются въ становища....»

«Тянетъ ярусъ тяглецъ. Работа эта требуетъ чрезвычайно продолжительныхъ усилій, такъ какъ ярусъ бываетъ длиной до 6 верстъ и болѣе. Кормщикъ помогаетъ ему, снимаетъ рыбу съ удъ, при этомъ онъ зацѣпляетъ ее въ водѣ особливымъ крючкомъ на короткой рукояткѣ, называемой *ляпомъ*, вытаскиваетъ въ лодку, упираетъ въ уду узкой дощечкой, вырѣзанною на одномъ концѣ угломъ и называемой *трещеткой*, и такимъ образомъ освобождаетъ уду изо рта рыбы. Въ это время наживодчикъ глушитъ уды, т. е. завязываетъ оростеги петлями, чтобы онѣ не путались и не цѣплялись; весельщикъ гребетъ. Вытянувъ весь ярусъ, возвращаются въ становище. Но случается, что берутъ съ собою запасъ наживки на двѣ «тряски», по здѣшнему выраженію. Въ этомъ случаѣ наживодчикъ не глушитъ подаваемую ему снасть, а перенаживляетъ ее. Эта работа особенно трудна въ весеннее время, когда еще стоятъ сильные морозы. Наживка опускается тогда въ мѣшкѣ въ море, чтобы она не закоченѣла отъ мороза, а оставалась гибкою. Не легко, конечно, въ это время тяглецу и кормщику, обливаемымъ текущей со снасти водой, температура которой ниже точки замерзанія; но они имѣютъ на рукахъ рукавицы, и самыя усилія ихъ согрѣваютъ. Между тѣмъ наживодчикъ, обыкновенно мальчикъ отъ 15 до 18 лѣтъ, долженъ голыми руками, коченѣющими отъ холода, надѣвать мерзнущую въ рукахъ рыбу на уду. Уколы и царапины при этомъ неизбѣжны, а соленая морская вода разъѣдаетъ ихъ. Руки наживодчиковъ всегда покрыты ранами и болячками. На возвратномъ пути тяглецъ развязываетъ тюкъ отъ тюка и мотаетъ ихъ въ кучи. По пріѣздѣ на берегъ, весельщикъ ихъ вынимаетъ и несетъ сушить на палтухи *). Но наскоро смотанная и заглушенная снасть не остается въ такомъ видѣ. На берегу переглушаютъ ее и разматываютъ замотавшіяся оростеги *зуи*—мальчики лѣтъ около 10—12, которыхъ бываетъ по одному на нѣсколько шнякъ....»

Въ силу своего устройства ярусъ лежитъ прямо на днѣ, и оростеги, не поддерживаемыя поплавками, лежатъ тоже на днѣ,

*) Горизонтальныя жерди, укрѣпленныя на стойкахъ.

вслѣдствіе чего на крючки попадаетъ, кромѣ рыбы, много различныхъ морскихъ животныхъ: кораллов, губокъ, морскихъ звѣздъ и др. болѣе мелкихъ животныхъ, извѣстныхъ у промышленниковъ подъ общимъ названіемъ *копшаковъ*. Эти «копшаки» сильно вредятъ промыслу, особенно въ концѣ лѣта, когда приходится оставлять яруса на ночь въ морѣ—они съѣдаютъ не только наживку, но и выѣдаютъ внутри мясо у пойманной уже рыбы....

Большинство промышленниковъ, какъ мы уже сказали, ловитъ треску ярусомъ, но въ послѣднее время, по примѣру норвежцевъ, и у насъ начинаетъ практиковаться удебный способъ ловли. Въ Финмаркенѣ ловятъ треску не только удами, но и сѣтями; послѣдній способъ у насъ не примѣнимъ, потому что треска держится вдали отъ берега, и, кромѣ того, у береговъ нѣтъ удобныхъ для вытаскиванія сѣтей мѣстъ—у береговъ-же Норвегіи есть масса небольшихъ островов съ пологими берегами и мелями вблизи ихъ. По отзывамъ поморовъ, и удебный способъ ловли у насъ мало можетъ быть примѣнимъ уже по одному тому, что на ловъ приходится выѣзжать на 10—20 и даже 30 верстъ отъ берега, а въ Норвегіи ловъ ведется почти у самыхъ береговъ, много въ 5 верстахъ отъ берега. Но факты послѣдняго времени опровергаютъ этотъ аргументъ—по восточному Мурману въ настоящее время удебный способъ ловли уже не составляетъ рѣдкости, особенно при промыслѣ карбасами. Такъ, въ 1881 г. уже въ становищахъ: Семиостровскомъ, Лопскомъ, Іоканскомъ, Большихъ и Малыхъ Клетнахъ, Савихинскомъ, Ивана—Взглавая и Лодыгинскомъ ловили треску удебнымъ способомъ. Что же касается колонистовъ Мурманскаго побережья, сгруппировавшихся по преимуществу на западномъ Мурманѣ, промышляющихъ треску на норвежскихъ ёлахъ, то ими почти сплошь практикуется удебный способъ ловли.

Относительно преимуществъ удебнаго способа ловли существуетъ разногласіе—одни находятъ его болѣе выгоднымъ, чѣмъ ярусный, другіе менѣе. Такъ, одинъ изъ знатоковъ Мурманскаго побережья, г. Гулевичъ, говоритъ, что удебный способъ ловли трески въ сравненіи съ яруснымъ имѣетъ то преимущество, что не нужно дѣлать затраты на покупку дорого стоющихъ яруса и неводовъ для ловли мойвы и песчанки. Промышленникъ удочкой—продолжаетъ г. Гулевичъ—не тратитъ времени на розыски наживки и, слѣдов., чаще выѣзжаетъ въ море. Онъ также не теря-

етъ времени на выметываніе и вытаскиваніе яруса—операціи, на которыя, при огромной длинѣ яруса, тратится очень много времени; при этомъ промышленникъ не рискуетъ потерять дорого стоющій ярусъ, какъ это нерѣдко бываетъ во время бурь; не рискуетъ онъ и жизнью въ такой мѣрѣ, какъ при ярусномъ способѣ ловли: при первыхъ-же признакахъ непогоды онъ, не тратя времени на собираніе снасти, направляется къ берегу. Наконецъ, по наблюденіямъ промышленниковъ, ярусомъ за каждый разъ вылавливаютъ отъ 40 до 200 пуд. трески, а удочкой отъ 40—60 пуд. не болѣе за каждый выѣздъ на ловлю. Однако, по увѣренію сторонниковъ удебнаго способа ловли, въ концѣ промысла промышленники, употребляющіе удебный способъ, налавливаютъ больше....

Къ этому мнѣнію присоединяются и другіе изслѣдователи промысловъ Мурманскаго побережья. Такъ, г. Подгаецкій, перечисливъ тѣ-же недостатки ярусного лова, на которые указываетъ и г. Гулевичъ, прибавляетъ, что широко примѣняемый въ Норвегіи удебный способъ ловли имѣетъ всѣ преимущества передъ ярусным: онъ дешевле, экономизируетъ время, даетъ лучшіе результаты... Но, по словамъ Подгаецкаго, этотъ способъ туго прививается на Мурманѣ среди промышленниковъ (колонисты западнаго Мурмана довольно часто пользуются именно удебнымъ способомъ ловли). Причины этого г. Подгаецкій видитъ въ вѣковой рутинѣ и въ системѣ покрута *)... «Удрученный нравственно покрутной кабалой промышленникъ начинаетъ относиться съ равнодушіемъ къ интересамъ хозяина. Онъ понимаетъ, что, будь уловъ меньше или больше—ему все равно нѣтъ исхода, и все равно хозяинъ въ видахъ своей прибыли прокормитъ зимою его и его семью, и онъ предпочитаетъ пользоваться тѣми нѣсколькими часами отдыха въ морѣ, которыя даетъ ярусный способъ, чѣмъ употреблять для лова удочку и слѣдить неустанно за ходомъ ловли...»

Повидимому, соображенія г. Подгаецкаго имѣютъ основаніе, такъ какъ почти то-же говоритъ и Максимовъ, изучившій лично оба способа ловли и видѣвшій результаты попытокъ ввести у насъ повсемѣстно удебный способъ ловли.

---

*) *Покрутъ*—это та форма отношеній, которая существуетъ между хозяиномъ предпріятія и остальными членами артели. Система покрута ведетъ къ закабаленію несамостоятельныхъ промышленниковъ.

Дѣйствительно, чтобы выметать 6—7 верстный ярусъ, нужно не менѣе 3—4 часовъ времени, затѣмъ въ теченіи 6 часовъ (на хорошій конецъ) ждутъ момента вытаскиванія яруса (въ это время всѣ на шнякѣ спятъ); на тягу яруса изъ воды требуется не менѣе 6 часовъ; въ общемъ, слѣдоват., затрачивается не менѣе 15—16 часовъ, въ теченіе которыхъ только 6 часовъ абсолютнаго отдыха, а остальные 9—10 наполнены очень тяжелой работой. Такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ аргументовъ противниковъ удебнаго способа, имѣющій въ виду большую затрату физической силы на подергиваніе уды, теряетъ свое значеніе, ибо трудно сказать. гдѣ больше затрачивается труда—при наживленіи и вытягиваніи яруса, или при удебномъ способѣ ловли?

При обычныхъ условіяхъ шняка требуетъ не менѣе сутокъ на одинъ выѣздъ въ море, не считая того времени, которое затрачивается на возвратный путь, причемъ нерѣдко шнякѣ приходится бѣжать отъ бури, куда глаза глядятъ. Погода на Мурманѣ, особенно въ весеннее время, не отличается постоянствомъ и весьма вѣроятно, что въ теченіи сутокъ она хоть разъ перемѣнится къ худшему. Промышленникъ, застигнутый непогодой, бросаетъ ярусъ на произволъ судьбы, иногда въ 20 верстахъ отъ берега и возвращается домой, *если вѣтеръ попутный*, но въ противномъ случаѣ попадаетъ, на хорошій конецъ, въ сосѣднее становище и тамъ ждетъ перемѣны погоды, а потомъ выгребаетъ на веслахъ огромное разстояніе до мѣста, гдѣ ярусъ былъ брошенъ, и нерѣдко его не находитъ—потому-ли, что другіе промышленники набрели на него и вынули или потому, что просто его обрѣзали, запутавъ свой ярусъ въ крючьяхъ оставленнаго. Послѣднее случается настолько нерѣдко, что входитъ какъ постоянный элементъ въ разсчеты любого промышленника, вычисляющаго свои расходы и доходы отъ промысла; обыкновенно, вытащивъ на крючьяхъ своего чужой ярусъ, промышленники, не желая тратить времени на распутываніе, просто обрѣзаютъ чужой, и тогда для владѣльца его пропадаетъ болѣе или менѣе значительная его часть; иногда все это дѣлается даже съ умысломъ и съ цѣлью снять съ чужого яруса рыбу.

Норвежцы, въ тѣхъ случаяхъ, когда практикуютъ не удебный способъ ловли, употребляютъ не одинъ ярусъ, а *четыре*, но короткихъ. Максимовъ, видѣвшій этотъ способъ, описываетъ его такъ: «Выйдя на листерботѣ въ море, бросаютъ якорь или ложатся въ

дрейфъ, спускаютъ шлюпку и слѣдятъ за погодой. Если вѣтеръ стихаетъ, и волненіе уменьшается, они завозятъ сначала два яруса и выбираютъ ихъ, не выжидая 6 часовъ, т. е. перемѣны теченія. И трехъ часовъ времени достаточно, чтобы рыба попала на каждый крюкъ, если она находится на мѣстѣ завоза.....» Наши промышленники ожидаютъ 6 часовъ только для того, чтобы перемѣнилось теченіе, и ярусъ было легче выбирать, спуская шняку по теченію—иначе у нихъ не хватило-бы силъ выбрать 6—7 верстный ярусъ. Очевидно, что при коротенькомъ ярусѣ нѣтъ надобности ждать теченія, а можно выбирать ярусъ и черезъ 3 и даже 2 часа, если стаи трески густы. Норвежцы такъ и дѣлаютъ— завезя два яруса, они черезъ 2—3 часа выбираютъ ихъ, а потомъ заводятъ и выбираютъ другіе два. Это бываетъ въ случаѣ хорошей погоды, но чуть погода перемѣнилась, они уже завозятъ только одинъ ярусъ и затѣмъ, при наступленіи опасности, быстро его выбираютъ и идутъ къ берегу.

Однако и въ Норвегіи весною практикуется исключительно удебный способъ ловли, ибо рыба густыми, плотными стаями подходитъ почти къ самымъ берегамъ. Стаи эти такъ плотны, что при опусканіи удочки чувствуется, какъ грузило проходитъ черезъ массу рыбы. Самая удочка по норвежскому способу устроена изъ лески длиной въ 60—120 саж., грузила въ 15 фун., крюка съ металлической рыбкой и шкива, по которому вытягиваютъ леску, такъ что затрата силы бываетъ очень незначительная. При ловлѣ стараются, чтобы крючокъ не доходилъ до дна сажени на три, и начинаютъ его дергать. Какъ только рыбакъ почувствуетъ, что рыба тронула крючокъ, онъ его тащитъ къ себѣ; замѣчено, что при такомъ способѣ ловли, большая часть рыбы ловится не ртомъ, а за хвостъ, за бокъ, животомъ и т. д. Между прочимъ, до 10% рыбы срывается съ удочки—однако, въ бурную и вѣтреную погоду ловъ бываетъ настолько обиленъ, что рыбу приходится таскать поминутно, и трюмъ листербота можно наполнить въ трое сутокъ.

Однако, тотъ-же Максимовъ, у котораго мы заимствовали вышеприведенныя подробности относительно удебнаго способа ловли трески, находитъ, что вопросъ о томъ, какой способъ выгоднѣе, далеко еще не разрѣшенъ, и приходитъ къ заключенію, что «*ярусный способъ былъ-бы гораздо выгоднѣе, если-бы усовершенствовать ярусъ и примѣнить новый способъ его погрузки въ воду....*»

Очень любопытную, хотя и грустную исторію одной попытки поставить на Мурманскомъ побережьѣ дѣло на болѣе твердую почву, именно, при помощи болѣе усовершенствованныхъ пріемовъ ловли,—находимъ мы въ недавней работѣ Максимова, посвященной описанію мурманскихъ промысловъ. Конечно, этотъ фактъ самъ по себѣ ничего еще не доказываетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти подтверждаетъ приведенное выше соображеніе Подгаецкаго относительно «вѣковой рутины» и покрута, какъ системы мѣшающей улучшить и сдѣлать производительнѣе наши промыслы.

.... «Изъ Цыпъ-Наволока,—пишетъ Максимовъ,—идемъ мы въ Корабельную бухту. Здѣсь мы находимъ прекрасную факторію, которой управлялъ когда-то г. Зебекъ. Это былъ, говорятъ, энергичный человѣкъ, новаторъ, иниціаторъ, типъ американскаго дѣльца. Затрачены были большія деньги. Изъ Америки приведена была шкуна; были заведены пароходъ съ холодильниками для мойвы и лучшія снасти. Былъ выписанъ американецъ, назначенный шкиперомъ новенькой шкуны, которая должна была выходить въ море на нѣсколько дней, становиться на якорь или держаться въ дрейфѣ и промышлять, пока не наберетъ достаточнаго количества рыбы. Словомъ, пробовали примѣнить американскій способъ ловли трески. Ничто не помогло. Несмотря на энергію г. Зебека и на всѣ усовершенствованія, предпріятіе лопнуло и отошло частію въ собственность вновь образовавшагося въ Петербургѣ товарищества «Рыбакъ». Но и это товарищество должно было ликвидировать вскорѣ свои дѣла. Въ настоящее время отъ имущества этихъ двухъ предпринимателей не осталось ни слѣда, а зданія стоятъ на берегу бухты съ наглухо заколоченными окнами, не находя покупателя....»

....«Когда я, прибавляетъ Максимовъ, обращался съ вопросами о причинахъ паденія этихъ предпріятій къ мѣстнымъ старожиламъ, то иные не умѣли объяснить эти причины, другіе говорили, что главная причина заключалась въ томъ, что никакая новая иниціатива г. Зебека не могла быть проведена въ промышленную жизнь при отрицаніи новшествъ русскими промышленниками. Послѣдніе оказывались необыкновенными рутинерами. Они не признавали нововведеній..... Такъ объясняли норвежцы, приводя примѣръ: однажды шкуна не возвращается съ моря. Люди посланные на ней, должны были промышлять по новому способу,

принятому норвежцами, но отвергаемому русскими промышленниками, которые предпочитали всегда яруса.... Наконецъ, съ моря прибѣжала ёла съ норвежскими промышленниками. Они сказали, что видѣли шкуну въ морѣ, но не видали никого на палубѣ. Послали пароходъ. Посланный нашелъ шкуну на морѣ. Поднявшись на палубу, онъ убѣдился, что люди спали. «Что это значитъ?»—спросилъ онъ капитана.—«Они не хотятъ удить»,—отвѣтилъ капитанъ. Въ правдивости разсказа, прибавляетъ Максимовъ, я не сомнѣваюсь.... но полагаю, что причиной русскаго хладнокровія къ норвежскому способу ловли не была исключительно одна только лѣнь. Причину слѣдовало искать въ экономическихъ отношеніяхъ хозяина къ промышленнику.....» Дѣло было въ томъ, какъ явствуетъ изъ дальнѣйшаго объясненія, что промышленники были на жалованьѣ, наймитами, и, слѣдоват., не хлопотали объ интересахъ хозяина, зная, что сами они получатъ опредѣленную по-мѣсячно плату... При системѣ покрута, о сущности которой мы скажемъ ниже, хотя промышленникъ номинально и является заинтересованнымъ въ размѣрахъ улова, такъ какъ учавствуетъ въ немъ какъ пайщикъ, но фактически, зная прекрасно, что ему не выйти изъ кабалы у хозяина, ведетъ себя совершенно такъ, какъ и наемный рабочій. Объ этомъ, впрочемъ, мы много и гораздо подробнѣе будемъ говорить дальше при обрисовкѣ экономической организаціи мурманскихъ промысловъ. Въ настоящее-же время остановимся пока еще на краткомъ описаніи орудій акульяго лова (о способѣ боя китовъ у Мурманскаго берега мы уже достаточно говорили), и этимъ закончимъ описаніе технической стороны промысловъ, касающееся собственно орудій и способовъ лова, и перейдемъ затѣмъ къ описанію приготовленія продуктовъ рыболовства.

Акулій промыселъ, какъ это мы неоднократно уже говорили, существуетъ въ очень небольшихъ размѣрахъ и только собственно въ Кольской губѣ, хотя нерѣдко при ловѣ трески ярусами акулы, пожирающія поймавшуюся рыбу, и преслѣдуются промышленниками, но, конечно, не съ цѣлью промысла. Вообще акулъ по всему Мурманскому побережью огромное число. Еще Рейнеке, оставившій превосходное гидрографическое описаніе нашихъ сѣверныхъ береговъ, отмѣчаетъ удивившій его фактъ, что однажды въ Кольскую губу зашло такое множество акулъ, что «устрашенные

промышленники молили Бога избавить ихъ отъ опасности....» Такихъ фактовъ слишкомъ много для того, чтобы стоило ихъ приводить здѣсь всѣ—достаточно указать на такіе, какъ, напр., имѣвшій мѣсто въ 1867 г., когда промышленники Бергштрамъ и Фредериксонъ увидѣли между Кольскимъ заливомъ и островомъ Кильдинымъ «такое множество и такихъ громадныхъ акулъ, какихъ еще не встрѣчали въ другихъ моряхъ» и «не осмѣлились производить охоты....» Въ 1893 г., по словамъ Таратина, «вся Кольская губа буквально была набита акулами, рыбой и китами....» Дѣло дошло до того, что акулье сало, добытое въ количествѣ 2000 пуд., кольскіе купцы, единственные покупатели въ это время (въ январѣ), стали помѣщать прямо въ шняки, стоявшія на берегу.... и т. д.

Промыселъ акулъ начинается въ январѣ и продолжается до апрѣля; производится на шнякахъ, какъ и тресковый, съ экипажемъ въ 4 человѣка. Выѣхавъ на мѣсто лова, промышленники становятся на якорь и затѣмъ выбрасываютъ особую посудину со стѣнками изъ дерева съ просверленными дырами. Въ этой посудинѣ находится испорченная ворвань или кусокъ немного поджареннаго тюленьяго мяса. Ворвань понемногу вымывается изъ посудины водою и привлекаетъ акулъ. (Эта струя ворвани называется «лайно» или «лайво»). Убѣдившись въ томъ, что акулы запримѣтили «лайно», промышленники выбрасываютъ въ море лесу толщиной въ дюймъ и длиной до 150 саженъ; на концѣ этой лесы привязана другая, длиной отъ 7 до 12 саженъ, но вдвое толще (такъ назыв. «сукунборокъ»); уже къ этой последней веревкѣ прикрѣпляется грузило вѣсомъ въ 10 фунтовъ («пунда») и цѣпь въ 2 саж. длиною, на концѣ которой прикованъ крюкъ длиною до 1 фута. Особенность этого крюка состоитъ въ томъ, что онъ вращается на особой гайкѣ въ какую угодно сторону для того, чтобы акула не могла перекрутить снасти. Наживкой служитъ жареное тюленье мясо, издающее очень сильный запахъ, издалека привлекающій акулъ. Орудія лова, кромѣ описаннаго, крайне немногосложны и заключаются въ такъ назыв. *линъ*. т. е. желѣзномъ крюкѣ въ аршинъ длиною, безъ зазубринъ; къ этому крюку черезъ кольцо на концѣ его продѣвается хорошій тросъ съ узлами на каждыхъ 2-хъ четвертяхъ; затѣмъ употребляется *клепикъ*—ножъ съ рукояткой въ $1^1/_2$—2 аршина, *кротил-*

ка—деревянный молотокъ до $^1/_2$ пуда вѣсомъ и *дудка*, или *чубукъ*, длиной въ 2—3 четверти.

Орудія эти употребляются слѣдующимъ образомъ. Выждавъ около сутокъ и зная, что акулы сплылись въ «лайно», промышленники забрасываютъ въ это «лайно» снасть, и акулы одна за другой берутся на наживку. Поймавъ акулу, подтаскиваютъ ее къ борту судна и бьютъ кротилкой по головѣ—акула перестаетъ биться и нѣкоторое время остается безъ движенія. Тогда ее переворачиваютъ на спину, взрѣзаютъ брюхо клепикомъ и вынимаютъ печень *(воюксу)* и плавательный пузырь; послѣдній не отдѣляютъ совсѣмъ отъ внутренностей и, надувъ его посредствомъ дудки воздухомъ, снова вкладываютъ въ брюхо акулы для того, чтобы трупъ акулы не затонулъ и не достался въ пищу другимъ акуламъ, а свободно плавалъ-бы на поверхности моря. Такимъ образомъ, промышленники пользуются только печенью акулы, изъ которой вытапливаютъ акулье сало, очень цѣнимое заграницей.

При наступленіи прилива или отлива «лайно» поднимается со дна моря на поверхность, и, конечно, вмѣстѣ съ нимъ поднимаются и акулы. Такимъ образомъ шняка оказывается какъ-бы въ центрѣ стаи акулъ, окружающихъ ее. На языкѣ поморовъ это называется «оплывъ». Кстати сказать, оплывъ этотъ иногда бываетъ настолько большой, что промышленники бросаютъ ловъ, боясь, чтобы акулы не изломали зубами судна. Иногда попадаютъ въ лайно огромныя акулы до 5 и 6 саж. длиной (selache maxima), и ихъ уже не ловятъ крюкомъ, а бьютъ острогой, но наши промышленники обыкновенно этого не дѣлаютъ изъ боязни. Лѣтомъ, по свидѣтельству проф. Данилевскаго, во время свѣтлыхъ полярныхъ ночей, акулы держатся далеко отъ береговъ на большой глубинѣ, и на промыселъ ихъ отправляются уже не на шнякахъ, а на судахъ гораздо большаго размѣра, напр., на шлюпахъ или, какъ это дѣлаютъ въ Норвегіи, на ёлахъ, только нѣсколько большаго размѣра. Осенью, въ темныя ночи акулы приближаются къ берегамъ, и тогда ихъ гораздо легче ловить. Между прочимъ, въ Кольской губѣ ихъ ловятъ зимою, прямо со льда, но это бываетъ въ самыя холодныя зимы, когда губа замерзаетъ на большое пространство.

Промыселъ акулъ чрезвычайно выгоденъ—по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей сѣвера, онъ приноситъ даже двойную выгоду, во-первыхъ, благодаря цѣнности добываемаго изъ акульей воюксы

сала и, во-вторыхъ, благодаря тому, что убивая акулъ, промышленники убиваютъ одного изъ самыхъ своихъ ожесточенныхъ враговъ, пожирающихъ пойманную рыбу прямо со снасти и производящихъ, кромѣ того, громадное опустошеніе среди рыбъ, населяющихъ наши воды. Конечно, убыль рыбы, производимая акулами въ безчисленныхъ стаяхъ трески, слишкомъ ничтожна, чтобы о ней стоило говорить, но опустошенія, производимыя акулами среди стай семги и др. цѣнныхъ рыбъ, идущихъ къ нашимъ берегамъ метать икру, очень замѣтны.

Между тѣмъ, акулій промыселъ, какъ мы уже отмѣчали, производится въ незначительныхъ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ на Мурманѣ, ибо на Финмаркенскомъ берегу смотрятъ на акулій промыселъ совсѣмъ иначе, чѣмъ русскіе промышленники, которые, напуганные неудачами первыхъ опытовъ и относительной опасностью самаго промысла, даже водрузили на берегу Екатерининской гавани Кольской губы крестъ съ надписью: «нѣтъ счастія и благословенія тому изъ дѣтей, кто отважится на ловлю акулъ...» Норвежцы въ доброе старое время, когда русскія власти не обращали особеннаго вниманія на хозяйничанье ихъ въ русскихъ водахъ, по словамъ г. Комповскаго, командированнаго въ 60-хъ годахъ на сѣверъ для изслѣдованія нашихъ морскихъ звѣриныхъ промысловъ, били вдоль Мурманскаго побережья акулъ массами.... Онъ приводитъ такой фактъ. «Пять человѣкъ норвежцевъ въ продолженіи 10 дней получили 10.000 пудовъ акульяго жира, стоющаго, по меньшей мѣрѣ, на мѣстѣ 15.000 рублей!...»

Результаты промысла, т. е. треска, пикшуй, камбала и т. д., главнымъ образомъ, конечно, треска—съ незапамятныхъ временъ приготовляются по одному и тому-же образцу. По крайней мѣрѣ, самые древніе литературные источники, относящіеся къ началу 18 и концу 17 вѣка, указываютъ на то, что главный предметъ промысла—треска—приготовлялась совершенно такъ-же, какъ и въ настоящее время. Традиціонный же способъ ея приготовленія заключается въ слѣдующемъ.

Немедленно по прибытіи съ уловомъ на берегъ, промышленники приступаютъ къ «раздѣлкѣ» рыбы, т. е. отрубаютъ ей голову, разрѣзаютъ ее по спинѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобы позвоночникъ

оставался на одной половинѣ, затѣмъ распарываютъ рыбѣ брюхо, вынимаютъ внутренности и промываютъ ее. Всѣ эти операціи продѣлываются со строгимъ раздѣленіемъ труда. Такъ, *тяглецъ* отрубаетъ голову, *кормщикъ* распластываетъ рыбу и вынимаетъ внутренности, *наживодчикъ* выбираетъ изъ внутренностей маюксу, или максу, какъ называютъ промышленники рыбью печень, и складываютъ эту маюксу въ особыя кадки, а *весельщикъ* сноситъ рыбу въ амбаръ для соленія. Рыбу, предназначенную для соленія, кладутъ въ амбарахъ рядами, пересыпаютъ эти ряды солью, и вся операція приготовленія трески можетъ считаться законченной. Такимъ образомъ приготовляется большая часть вылавливаемой на Мурманѣ трески.

Мы описали сейчасъ, такъ сказать классическій, способъ ея приготовленія, но она не всегда такъ приготовляется, въ соотвѣтствіи съ временемъ лова мѣняется и способъ приготовленія ея. Промыслы по времени ихъ производства дѣлятся на весенній, лѣтній и осенній. Въ періодъ весенней ловли, т. е. въ Апрѣлѣ и Маѣ мѣсяцахъ, промышленники почти совсѣмъ не солятъ трески и всю почти массу ея продаютъ въ свѣжемъ видѣ въ Петербургъ. Спеціально за треской весенняго улова на Мурманскій берегъ приходятъ суда; на этихъ судахъ, число которыхъ, кстати сказать, временами доходитъ до 15 и 20, привозилась ранѣе обыкновенно соль изъ-заграницы и другіе товары, большею частію предметы первой необходимости. Въ настоящее время привозъ заграничной соли замѣтно уменьшился, благодаря устройству складовъ казенной соли въ нѣкоторыхъ пунктахъ побережья, и на судахъ, приходящихъ за весеннимъ уловомъ, привозятся самые разнообразные товары, включительно до спиртныхъ напитковъ и притомъ въ громадномъ количествѣ. Суда, отвозящія свѣжую треску въ Петербургъ, большею частью принадлежатъ фактористамъ и богатымъ купцамъ Кемскаго уѣзда. Прибытіе этихъ судовъ—настоящій праздникъ для промышленниковъ, ибо съ этого момента начинаютъ выясняться цѣны на треску, а вмѣстѣ съ этимъ и доля каждаго промышленника въ общемъ уловѣ. Обыкновенно по прибытіи корабля всѣ сколько-нибудь знакомые капитану судна промышленники отправляются къ нему на обѣдъ, «на привальное», какъ говорятъ поморы, и во все пребываніе судовъ у берега, время отъ времени капитаны ихъ устраиваютъ для промышленниковъ угощеніе съ порядочной вы-

пивкой (норвежскій ромъ очень низкаго качества составляетъ главную приманку этихъ пирушекъ). Вообще въ это время дикій и непривѣтливый Мурманскій берегъ представляетъ очень оживленную картину, но нельзя сказать, чтобы это оживленіе относилось къ самому промыслу; наоборотъ—крѣпкій норвежскій ромъ нерѣдко содѣйствуетъ продленію, иногда вынужденныхъ дурной погодой, перерывовъ въ промыслѣ и невольнаго отдыха.

Какъ интересную подробность при продажѣ весенняго улова, слѣдуетъ отмѣтить издавна практикуемый поморами способъ сдачи рыбы на корабли. Дѣло въ томъ, что сдаютъ ее вѣсомъ, причемъ теряютъ не менѣе 10 пуд. на 100 пуд., благодаря способу взвѣшиванія. Рыба взвѣшивается на особомъ балансѣ, на которомъ за одинъ разъ взвѣшивается не болѣе 2 пудовъ; взвѣшивая 45 разъ 100 пудовъ, промышленникъ теряетъ каждый разъ по нѣскольку фунтовъ такъ назыв. «поката», такъ какъ треску никакъ нельзи взвѣсить безошибочно точно, т. е. ровно 2 пуда, а всегда приходитса вѣшать нѣсколькими фунтами болѣе. Несмотря на явную невыгодность употребленія такого баланса, промышленники не хотятъ мѣнять его на другой, теряя, кромѣ рыбы, еще въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ надо времени на взвѣшиваніе ея.

Сдаваемая на корабли рыба бываетъ очищена, т. е. безъ головы и внутренностей; по пріемкѣ рыбы экипажъ корабли спускаетъ ее въ трюмъ, укладывая правильными рядами—*ярусами* или *чердаками*, какъ говорятъ поморы. На каждые 100 пуд. уложенной рыбы высыпается отъ 20 до 25 пудовъ соли, и въ такомъ видѣ треска идетъ въ Петербургъ, гдѣ на рынкахъ продается подъ названіемъ «односольной».

Часть трески весенняго улова, хотя сравнительно и небольшая, однако не идетъ непосредственно въ Петербургъ, а приготовляется на мѣстѣ въ трехъ видахъ—*лабардана*, *рунтовки* и *рошкерки*. Всѣ эти сорта трески въ сущности представляютъ одно и то-же, т. е. вяленую и сушеную треску, но только приготовленную различными способами, и потому не одинаковаго качества.

Лабардана приготовляется очень мало на Мурманскомъ берегу, потому что онъ требуетъ болѣе тщательной «раздѣлки» рыбы. У трески отрѣзывается сначала голова, вынимаются внутренности и затѣмъ дѣлается второй разрѣзъ вдоль позвоночнаго столба до

самаго хвоста. Позвоночникъ вынимается весь, рыбу тщательно промываютъ и, посоливши немного, раскладываютъ сушить на камняхъ; на ночь, приготовляемую такимъ образомъ, рыбу никогда не оставляютъ и собираютъ небольшими кучками, а утромъ опять разстилаютъ на камняхъ. Когда рыба окончательно провялится, ее прессуютъ довольно примитивнымъ способомъ посредствомъ бревенъ и камней и, наконецъ, связавъ особаго вида бунтами, укладываютъ на суда для отправки исключительно заграницу, преимущественно въ Испанію.

Другіе два вида вяленой трески приготовляются почти такъ же, съ тою только разницею, что для приготовленія рунтовки двѣ трески связываются вмѣстѣ хвостами и въ такомъ видѣ сушатся на особыхъ жердяхъ, называемыхъ палтухами. Жерди эти утверждены на особыхъ подставкахъ рядами; на каждой жерди вѣшается до 120 рыбъ. *Рошкерка* приготовляется такъ же, какъ и рунтовка, но у нея вынимается часть позвоночника, и дѣлается разрѣзъ у хвоста распластанной рыбы для того, чтобы надѣть ее для просушки на палтухъ. Какъ рошкерка, такъ и рунтовка, представляя собою продукты болѣе совершенные и требующіе для производства большой затраты времени и средствъ, приготовляются на Мурманѣ въ небольшомъ количествѣ—большая-же часть вылавливаемой на Мурманѣ рыбы, какъ мы уже сказали выше, заготовляется въ соленомъ видѣ. Въ этомъ отношеніи Мурманскій промыселъ представляетъ прямую противоположность тому, что мы видимъ на берегу Финмаркена. Не говоря уже о томъ, что лабардана тамъ заготовляютъ гораздо большее количество, чѣмъ у насъ, рошкерка и рунтовка составляютъ тамъ обычный продуктъ промысла, благодаря чему норвежская рыба находитъ себѣ болѣе широкій сбытъ не только на европейскихъ рынкахъ, но даже въ Бразиліи и на Антильскихъ островахъ.

Лѣто на Мурманѣ не настолько тепло, чтобы можно было сушить треску лѣтняго улова, особенно крупную, и потому, если позволяетъ погода, то сушатъ исключительно мелкую треску и то только до половины Іюля, а крупную исключительно солятъ. Сушеная треска къ тому же еще, хотя и прессуется и примитивнымъ способомъ, болѣе удобна для дальней перевозки, и потому она идетъ изъ Архангельска сухимъ путемъ въ губерніи Олонецкую, Вологодскую, отчасти Новгородскую, Вят-

скую и Пермскую и въ довольно значительномъ количествѣ въ Петербургъ. Почти вся соленая треска расходится въ Архангельской губерніи.

Побочный продуктъ при обработкѣ трески—тресковыя головы—частью бросаются, какъ совершенно негодная вещь, отчасти собираются промышленниками, представляя ихъ личную собственность (весь уловъ рыбы—собственность артели). Собранныя головы сушатся и складываются большими кучами, а затѣмъ, осенью везутся въ Архангельскъ, гдѣ онѣ покупаются для Никольской ярмарки въ Пинегу. Населеніе Пинежскаго уѣзда, очень бѣдное и не въ состояніи покупать соленую треску, довольствуется поэтому гораздо болѣе дешевымъ продуктомъ—сушеными тресковыми головами. Другого употребленія изъ тресковыхъ головъ не дѣлаютъ у насъ или дѣлаютъ, но въ очень малыхъ размѣрахъ, а внутренности рыбы даже просто выбрасываются и гніютъ, заражая воздухъ. Этихъ внутренностей въ каждомъ становищѣ выбрасывается громадное количество, и несомнѣнно, эти гніющія груды были-бы источникомъ всевозможныхъ заразныхъ заболѣваній, если бы не уничтожались чайками, которыхъ за это промышленники называютъ «полицейскими надзирателями». Между тѣмъ, въ Норвегіи и на Лофоденскихъ островахъ головы и внутренности рыбы сушатъ, а потомъ перемалываютъ на спеціально приспособленныхъ мельницахъ въ порошокъ, который подъ названіемъ «искусственнаго гуано» служитъ превосходнымъ удобреніемъ и находитъ себѣ широкій сбытъ въ Германіи, въ особенности въ Саксоніи.

Печень трески (и другихъ рыбъ) отдѣляется для вытапливанія изъ нея жира. Самый высшій сортъ жира получается изъ печени, оставленной въ кадкахъ подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ солнца. Сортъ этотъ подъ названіемъ *самотека* цѣнится гораздо дороже другихъ. Когда самотека отдѣлилась, печень складываютъ въ котлы и, не приливая въ нихъ воды, разводятъ подъ ними огонь. При этой операціи выдѣляется весь жиръ, заключающійся въ печени, и на днѣ котла остается подгорѣлая масса самой ткани печени, которая подъ названіемъ *шквары* иногда продается въ Норвегіи, гдѣ ее употребляютъ для удобренія полей, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ она просто бросается, какъ негодная никуда вещь, какъ выбрасываются вообще всѣ остатки рыбнаго промысла на Мурманѣ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о приготовленіи такихъ побочныхъ продуктовъ промысла, какъ тресковые языки и «тресковая вязига». Языки трески солятся въ бочкахъ, а тресковая вязига, или, вѣрнѣе, плавательный пузырь трески прилѣпляется на дощечкахъ и, высушенный такимъ образомъ, употребляется исключительно самими промышленниками и въ продажу не поступаетъ (за рѣдкими исключеніями). При приготовленіи тресковыхъ языковъ и вязиги, промышленники обыкновенно употребляютъ хозяйскую соль, и потому одну треть ихъ отдаютъ въ пользу хозяина.

Съ 1-го Іюня большинство промышленниковъ, сосредоточивавшихся преимущественно на западномъ берегу Мурмана, гдѣ весенній ловъ бываетъ особенно обильнымъ, перекочевываютъ на восточный берегъ. Въ это-же время съѣзжаются и большинство хозяевъ (часть ихъ приходитъ вмѣстѣ съ промышленниками на весенній ловъ, къ 1-му Марта). Пріѣздъ хозяевъ прерываетъ на нѣкоторое время работу промышленниковъ—хозяева угощаютъ ихъ обѣдомъ и ромомъ («привальное») и затѣмъ, по свозкѣ на судно хозяина посоленной до его пріѣзда трески, снова слѣдуетъ угощеніе («отвальное») и отъѣздъ хозяевъ. Сложенная на суднѣ, «односольная» треска солится во второй разъ и потому называется «двоесольной». По отъѣздѣ хозяевъ жизнь промышленниковъ снова входитъ въ обычную колею, и начинается прежняя мурманская страда.....

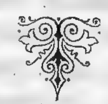
Мурманскіе промыслы среди другихъ промысловъ нашихъ сѣверныхъ побережій занимаютъ свое оригинальное мѣсто. Если по берегамъ, напр., Бѣлаго моря, каждая порода ловимыхъ рыбъ, каждый видъ промышляемыхъ звѣрей составляютъ предметъ совершенно отдѣльнаго промысла, то на Мурманѣ всѣ породы рыбъ добываются одними и тѣми-же орудіями, въ одно и то-же время и одними и тѣми-же промышленниками. Въ довершеніе всего даже способы приготовленія и пути сбыта продуктовъ Мурманскихъ промысловъ въ сущности совершенно одинаковы, и потому, описавъ главный изъ Мурманскихъ промысловъ—промыселъ трески, мы дѣлаемъ излишнимъ детальныя описанія другихъ промысловъ, кромѣ такихъ оригинальныхъ, какъ акулій промыселъ и промыселъ сайды, требующіе и другихъ орудій, и другихъ способовъ лова.

Существенное отличіе различныхъ видовъ мурманскаго промысла заключается только въ экономической ихъ организаціи, какъ напр., въ устройствѣ артелей, дѣлежѣ добычи и т. п. т. е. въ зависимости отъ того, кто именно занимается тѣмъ или другимъ промысломъ: промышленники-ли, временно приходящіе изъ Онежскаго, Кемскаго и Архангельскаго уѣздовъ, или мѣстные колонисты, число которыхъ въ настоящее время, хотя абсолютно и не велико (около 1500 челов.), однако по отношенію къ числу промышленниковъ, временно занимающихся промысломъ, довольно значительно, или, наконецъ, обыватели Колы и тѣ немногіе изъ русскихъ лопарей, которые въ небольшемъ числѣ занимаются промысломъ на Мурманскомъ берегу.

На экономической организаціи мурманскихъ промысловъ, какъ представляющей самый серьезный интересъ всего нашего труда, мы и остановимъ въ настоящую минуту свое вниманіе. Все, до сихъ поръ сказанное о Мурманѣ и его промыслахъ, имѣетъ только служебное значеніе и даетъ только матеріалъ для лучшаго и полнаго уразумѣнія тѣхъ чрезвычайно оригинальныхъ экономическихъ положеній, какія создались и создаются въ настоящее время на Мурманѣ подъ различными вліяніями, въ свою очередь представляющими чрезвычайно пеструю картину, въ которой въ калейдоскопическомъ безпорядкѣ смѣшались и «административныя воздѣйствія» и «мѣропріятія», и чисто естественныя условія, въ какихъ протекаетъ самый промыселъ, и, наконецъ, постороннія, чуждыя вліянія болѣе культурныхъ нашихъ сосѣдей и т. д.

Невозможно, конечно, безъ самаго точнаго детальнаго и вполнѣ научно поставленнаго статистико-экономическаго изслѣдованія прослѣдить всѣ эти перекрещивающіяся вліянія—поневолѣ главное свое вниманіе намъ придется сосредоточить на основныхъ экономическихъ формахъ и отношеніяхъ, беря ихъ въ большинствѣ случаевъ такими, какими онѣ создались подъ упомянутыми вліяніями, т. е. изображая положеніе вещей *статически*, а не *динамически*, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Такое отношеніе къ предмету дѣлается уже по одному тому необходимымъ, что до сихъ поръ во всей, въ сущности очень большой литературѣ нашихъ сѣверныхъ промысловъ, нѣтъ ни одного сколько-нибудь подробнаго историко-экономическаго ихъ изслѣдованія. Впрочемъ, тамъ, гдѣ это будетъ можно, мы

постараемся отмѣтить наиболѣе существенные моменты и въ смыслѣ перехода однѣхъ экономическихъ формъ въ другія, и измѣненія, совершающіяся болѣе глубоко, въ нѣдрахъ народно-хозяйственной жизни вообще всего сѣвера Россіи, многочисленные признаки чего бросаются въ глаза даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи этой жизни.

V.

Организація промысловаго труда и экономическая сторона промысловой дѣятельности.

Основная и въ этомъ смыслѣ типическая форма экономической организаціи мурманскихъ промысловъ—это *артель*, но артель чрезвычайно своеобразная и, какъ кажется, стоящая особнякомъ отъ другихъ формъ артелей. А. Ефименко въ своемъ «Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи», характеризуя эту артель, замѣчаетъ, что «особенность ея та, что капиталъ, необходимый для веденія дѣла, и на первомъ планѣ орудія производства принадлежатъ *одному лицу*, которое можетъ участвовать или не участвовать въ артели личнымъ трудомъ; остальные члены артели ничего въ нее не вносятъ, кромѣ своей рабочей силы....»

Другими словами, эта артель, не заключая въ себѣ ни одного почти характернаго признака настоящей артели, носитъ чисто капиталистическій характеръ.

Эта господствующая на Мурманѣ форма экономическихъ отношеній, по крайней мѣрѣ у промышленниковъ, временно приходящихъ за промысломъ на Мурманъ, и есть та знаменитая система *«покрута»*, о которой такъ много писалось, и которая до сихъ поръ еще имѣетъ своихъ сторонниковъ и ожесточенныхъ враговъ, не прекращающихъ спора о ея достоинствахъ и недостаткахъ.

Сущность покрута, кстати сказать, нашедшаго себѣ апологета и защитника въ лицѣ такого добросовѣстнаго и серьезнаго изслѣдователя, какъ проф. Данилевскій, давшаго и самое подробное и цѣльное его описаніе, заключается въ томъ, что каждый изъ членовъ промысловой артели получаетъ опредѣленную долю изъ общаго улова—*пай*, при чемъ доля хозяина артели, принимающаго на себя всѣ издержки производства, «гораздо значительнѣе» доли прочихъ, по словамъ Данилевскаго.... Въ дѣйствительности эта доля составляетъ $^2/_3$ всего улова, и только послѣдняя треть дѣлится въ извѣстой пропорціи на паи между остальными членами товарищества.

«Еще съ осени или въ началѣ зимы,—такъ описываетъ Данилевскій образованіе артелей на началахъ покрута,—начинаютъ покрученники рядиться съ хозяевами, обыкновенно съ тѣми-же, съ которыми промышляли въ прошломъ году. Порядившись, забираютъ порядочную сумму въ задатокъ, необходимую имъ какъ для разныхъ поправокъ въ домѣ, такъ и для содержанія себя и своихъ семействъ. Каждый хозяинъ держится своего становища, гдѣ у него все рыболовное заведеніе, и направляетъ туда свой народъ. Въ началѣ и половинѣ Марта отправляются покрученники въ путь. Передъ выходомъ изъ деревни хозяинъ всегда дѣлаетъ имъ угощеніе и даритъ сукна на *авачуги* (рукавицы, въ которыхъ тянутъ ярусъ), кормщику и тяглецу на двѣ пары, весельщику на одну....»

Путь промышленниковъ до мѣста назначенія, т. е. до своихъ становищъ, мы уже описывали и потому не будемъ къ нему возвращаться. Добавимъ только, что съ Кандалакши путь промышленниковъ раздѣляется—одни идутъ на западный Мурманъ черезъ Колу (такихъ большинство, ибо весенній ловъ гораздо богаче и раньше начинается, чѣмъ на восточномъ берегу), другіе—на Разъ-Наволокъ и оттуда на восточный Мурманъ. Съ Разъ-Наволока путь оплачивается уже хозяевами, и тутъ промышленники ѣдутъ на оленяхъ болѣе ста верстъ черезъ пустынную тундру. Та часть промышленниковъ, которая направляется въ Колу, ранѣе плыла къ становищамъ на шнякахъ, перетаскивая ихъ черезъ Кольскую губу по льду или кладя шняки на полозья, или даже идя по льду при попутномъ вѣтрѣ на парусахъ; въ настоящее время промышленники изъ Колы развозятся по становищамъ на пароходѣ за счетъ хозяевъ. Все время въ пути и во время промысла покрученники находятся на полномъ содержаніи хозяевъ. Эти покрученники работаютъ на хозяйской шнякѣ, хозяйскими снастями, за потерю которыхъ въ морѣ не отвѣчаютъ, и имѣютъ помѣщеніе въ становищѣ отъ хозяина-же. Весь уловъ при такой организаціи промысла сдается по вѣсу хозяину, который по окончаніи промысла выплачиваетъ артели $^1/_3$ стоимости этого улова, прибавляя кормщику такъ назыв. «полову», т. е. полъ пая, и довольно часто еще такъ назыв «свершонокъ», величина котораго зависитъ отъ успѣшности промысла и колеблется въ предѣлахъ отъ 10 до 70—80 руб., достигая указаннаго maximum'а лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Тѣ задатки товаромъ или деньгами, которые хозяинъ выдалъ покрученникамъ при совершеніи условія (иногда достигающіе до 90—100 руб. на человѣка), хозяинъ при разсчетѣ вычитаетъ. Такіе большіе задатки имѣютъ мѣсто, впрочемъ, только при покрутѣ на весенній промыселъ; «лѣтники»-же, т. е. промышляющіе лѣтомъ, получаютъ отъ хозяевъ гораздо меньшій задатокъ.

На началахъ покрута на Мурманскомъ побережьѣ, какъ свидѣтельствуетъ Книповичъ, произведшій довольно точное статистическое обслѣдованіе мурманскихъ промысловъ въ 93 и 94 г.г., промышляетъ около $^4/_5$ всѣхъ промысловыхъ судовъ. Другими словами, организація мурманскихъ промысловъ на $^4/_5$ основана на чисто почти капиталистическихъ началахъ, или, какъ называетъ Сазоновъ систему покрута, на основаніяхъ «кулацкой артели..,.» Дѣйствительно, организуетъ артель хозяинъ—предприниматель, онъ подбираетъ по своему усмотрѣнію членовъ ея.... другими словами, на долю артельнаго начала остается только самый способъ ловли и до нѣкоторой степени характеръ распредѣленія общаго заработка. Сазоновъ-же указываетъ на характерныя свойства артели на началахъ покрута, заключающіяся въ томъ, что «сфера ея дѣйствія тамъ, гдѣ требуется болѣе значительный капиталъ въ видѣ кредита труду, рыболовныхъ снастей и продуктовъ продовольствія. Базисъ ея—обездоленный рабочій, оторванный отъ орудій производства, доведенный невыгодными экономическими и общественными условіями до полной кабалы капиталисту—кулаку....»

Одной изъ коренныхъ причинъ, вызвавшихъ къ жизни систему покрута, многіе авторы считаютъ крупный размѣръ предварительныхъ затратъ для производства промысла, что становится вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе то обстоятельство, что громадное большинство промышленниковъ идетъ промышлять на Мурманъ издалека; исключеніемъ отчасти служатъ промышленники, живущіе въ г. Колѣ, да колонисты, постоянные обитатели побережья.

Въ зависимости отъ того, изъ какихъ элементовъ составляются артели на началахъ покрута, какъ мы указывали выше, измѣняется и типъ артели. Такъ, различаютъ два вида ея—*поморскій* и *кольскій.* Въ поморской артели валовой доходъ судна распредѣляется такъ, какъ мы уже говорили выше; въ кольскойже-

рабочіе—промышленники получаютъ не $^1/_3$, а половину улова, которая и дѣлится между четырьмя рабочими (одного изъ нихъ иногда замѣняютъ 2 женщины или 2 мальчика-подростка—*зуйки*, какъ ихъ здѣсь называютъ). Такимъ образомъ, въ кольскомъ покрутѣ кормщикъ не получаетъ «половы» и «свершонка» отъ хозяина, а всѣ 4 рабочихъ получаютъ $^1/_2$ стоимости улова, а не $^1/_3$, какъ въ поморской артели. Кстати сказать, артелей поморскаго типа несравненно больше, и потому, говоря выше вообще о покрутѣ, мы привели порядокъ распредѣленія общаго заработка именно поморскій, какъ характерный и типичный для Мурманскаго берега.

По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей мурманскихъ промысловъ, какъ, напр., привагъ-доцента Книповича, затѣмъ извѣстнаго знатока промысловой жизни сѣвера Таратина и А. Энгельгардта, архангельскаго губернатора, промыслы на Мурманѣ переживаютъ переходное состояніе. Одинъ изъ указанныхъ изслѣдователей, именно, г. Книповичъ, особенно рѣзко указываетъ на тотъ фактъ, что старая форма промысловой организаціи начинаетъ колебаться. Крупные промышленники, по его наблюденіямъ, относящимся къ 93 и 94 г.г., не находятъ для себя выгоднымъ продолжать веденіе промысла по системѣ покрута и по большей части становятся скупщиками рыбы, предоставляя покрутъ болѣе мелкимъ хозяевамъ или даже *самостоятельнымъ ловцамъ*. «Тѣ изъ скупщиковъ,—говоритъ Книповичъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ,—которые продолжаютъ еще снаряжать суда на промыселъ, по большей части ограничиваютъ ихъ число, и лишь весьма немногіе изъ нихъ продолжаютъ вести дѣло на началахъ покрута въ прежнихъ размѣрахъ. Значительное число лодокъ съ покрутчиками снаряжаютъ теперь лишь немногіе хозяева, покрутъ мельчаетъ, и большинство снаряжаетъ лишь по 1, 2, 3 судна. Въ то-же время все болѣе и болѣе усиливается самостоятельный промыселъ мелкихъ ловцовъ (преимущественно на карбасахъ)...» «Эта форма промысла—прибавляетъ Книповичъ,—не составляетъ новости; самостоятельныя артели для промысла существовали давно, но въ послѣдніе годы замѣчается значительный ростъ этой формы промысла, несмотря на неблагопріятныя внѣшнія условія...»

Другими словами, если ближайшее будущее покажетъ сколько-нибудь замѣтное увеличеніе числа самостоятельныхъ артелей, то мы

очевидно имѣемъ дѣло съ органическимъ явленіемъ, обусловливаемымъ причинами коренного свойства и кроющимся глубоко въ самыхъ коренныхъ условіяхъ существованія промысловъ. Обращаясь къ исторіи промысловъ на Мурманѣ, мы видимъ, что съ самой глубокой древности и почти вплоть до конца 17-го вѣка на Мурманѣ преобладала форма совершенно самостоятельной, «ловецкой» артели, составлявшейся изъ лицъ, на свой страхъ и рискъ начинавшихъ промыселъ, съ равнымъ правомъ каждагѡ участника на равную долю въ общемъ продуктѣ. Слѣдующее затѣмъ цѣлое столѣтіе монополистической организаціи всѣхъ вообще промысловъ на Мурманѣ не осталось безъ вліянія на экономическія отношенія промышленниковъ; въ массѣ ихъ выдѣлилась группа лицъ болѣе зажиточныхъ, т. е. стоявшихъ въ болѣе благопріятныхъ къ монопольнымъ собственникамъ условіяхъ, лицъ, а параллельно создавались толпы промышленниковъ, все болѣе и болѣе разобщавшихся съ орудіями производства. Коренная нужда всего сѣвера, т. е. недостатокъ свободныхъ земель, годныхъ для воздѣлыванія ихъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ все сильнѣе давалъ себя чувствовать населенію сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи. Реформа 60-хъ годовъ, совершенно уничтожившая прежній захватный способъ пользованія землями и ограничившая право расчистокъ лѣса, увеличила категорію лицъ, не имѣвшихъ возможности существовать исключительно отъ земледѣлія и создала, такимъ образомъ, контингентъ лицъ, для которыхъ рыболовный промыселъ сталъ почти единственнымъ средствомъ существованія. Между тѣмъ, общее обѣднѣніе народнаго хозяйства не давало уже возможности промышленнику производить промыселъ за свой счетъ, да и техническая сторона промысла, вслѣдствіе замѣны стариннаго удебнаго способа яруснымъ, хотя и стала совершеннѣе, но въ тоже время требовала болѣе крупныхъ затратъ, ставшихъ не подъ силу среднему промышленнику.

На этой почвѣ выросъ, безъ сомнѣнія, покрутъ, который нѣкоторые изслѣдователи нашей народной жизни на сѣверѣ, имѣвшіе возможность близко ознакомиться съ его развращающимъ вліяніемъ, сравниваютъ со ссудными кассами, разоряющими бѣдное населеніе, съ тою только разницею, что въ ссудной кассѣ закладывается вещь, а при покрутѣ живой человѣкъ, вслѣдствіе его бѣдности и неразвитости.... Дѣйствительно артельная форма покрута

прикрываетъ только снаружи по-истинѣ возмутительную эксплуатацію рабочаго кулакомъ-хозяиномъ. Такъ, номинально покрученники имѣютъ право продать свою долю въ общемъ уловѣ кому-угодно, но фактически обязаны это сдѣлать только хозяину. Когда изъ вырученной суммы хозяинъ вычтетъ задатокъ и многоразличные долги, которые накопляются на шеѣ рабочаго, то оказывается, что рабочему ничего или почти ничего не приходится на руки, такъ какъ рыба его оцѣнивается по возможно низкой цѣнѣ, а забранное имъ по возможно высокой. Результатомъ подобной «операціи» бываетъ то, что рабочій, очутившись безъ денегъ, безъ кредита, volens-nolens для прокормленія себя и своей семьи въ теченіе наступающей зимы долженъ опять брать въ долгъ у хозяина—другими словами, затягивать петлю безысходной кабалы все туже и туже.

Выше мы уже указали на то, что покрутъ падаетъ, хотя, прибавимъ, болѣе или менѣе точно опредѣлить размѣры или, вѣрнѣе, прогрессію этого упадка въ настоящее время едва-ли возможно за отсутствіемъ систематическихъ и періодически-повторяющихся статистическихъ изслѣдованій мурманскихъ промысловъ. Однако, очень многія лица, хорошо знакомыя съ положеніемъ дѣлъ на Мурманѣ, единогласно констатируютъ фактъ паденія покрута, несмотря на довольно высокія цифры прибылей хозяевъ покрута. Нѣкоторые изъ этихъ хозяевъ въ настоящее время даже перестали совсѣмъ снаряжать промысловыя суда и занялись исключительно скупкой рыбы. Причинъ паденія и мельчанія покрута, конечно, не одна, но перечислить всѣ ихъ нѣтъ возможности, благодаря тому, что самое это явленіе слишкомъ еще ново и не успѣло опредѣлиться. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей Мурмана одинъ только Книповичъ указываетъ на причины паденія покрута. Причины эти онъ видитъ въ томъ, что хозяева покрута, «поставивъ рабочаго въ тяжелое и—главное—почти безвыходное положеніе, пользуясь этимъ положеніемъ и вытекающей изъ него экономической зависимостью для эксплуатаціи рабочихъ, создали тѣ безобразныя экономическія отношенія, которыя, наконецъ, стали тяжело отзываться и на самихъ хозяевахъ. Хозяева обвиняютъ покрученниковъ въ лѣни, недобросовѣстности, нарушеніи условій и т. п., и нельзя сказать, чтобы обвиненія эти въ общемъ были несправедливы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что на почвѣ покрута съ

его послѣдствіями не могло выработаться ни энергіи и трудолюбія, ни предусмотрительности, ни, наконецъ, честнаго, добросовѣстнаго отношенія къ принятымъ обязательствамъ. Да и сами хозяева менѣе всего могли-бы служить образцомъ этихъ добродѣтелей. При оцѣнкѣ значенія покрута не слѣдуетъ также упускать, что эта форма промысловой организаціи не обѣщаетъ какого-либо прогресса въ орудіяхъ и пріемахъ промысла. Суда, снасти, пріемы лова—все это въ сущности не измѣняется.... «Какъ-бы то ни было, продолжаетъ Книповичъ, но покрутъ во всякомъ случаѣ немало способствовалъ пониженію нравственнаго, а также и экономическаго уровня поморскаго населенія и выродился, наконецъ, въ такія формы, что отъ него стремятся отдѣлаться обѣ стороны: и хозяева, и рабочіе....»

Другую причину паденія крупнаго покрута Книповичъ видитъ въ томъ, что большинство хозяевъ ведетъ дѣло въ кредитъ, причемъ кредитъ этотъ обходится имъ крайне дорого и приводитъ ихъ къ такой-же экономической зависимости отъ нѣсколькихъ крупныхъ архангельскихъ фирмъ, въ какой ихъ покрученники находятся по отношенію къ нимъ. Въ виду этого, думаетъ Книповичъ, прибыль, совершенно достаточная для хозяина, ведущаго дѣло на собственный капиталъ или въ кредитъ на не слишкомъ тяжелыхъ условіяхъ, оказывается неудовлетворительной для хозяина—помора, и неудачные промысловые годы, уходъ рабочихъ и т. п. легко влекутъ за собою его банкротство.

Конечно, однѣми приведенными причинами далеко нельзя объяснить фактъ паденія крупнаго покрута, тѣмъ болѣе, что параллельно наблюдается ростъ мелкихъ самостоятельныхъ артелей. Принимая во вниманіе, что кромѣ крупныхъ хозяевъ покрута на Мурманѣ существуетъ масса мелкихъ, снаряжающихъ всего по одному судну и даже работающихъ на немъ въ качествѣ кормщика, слѣдуетъ думать, что ростъ мелкихъ самостоятельныхъ промысловыхъ артелей вызванъ отнюдь не паденіемъ крупнаго покрута, а существованіемъ какихъ-то специфическихъ причинъ, благопріятствующихъ именно развитію мелкой формы промысла на чисто артельныхъ началахъ, причинъ, однакоже, совершенно невыясненныхъ.

Думать, что правительственная помощь, оказанная самостоятельнымъ артелямъ въ формѣ срочныхъ ссудъ на обзаведеніе про-

мысловымъ инвентаремъ, содѣйствовала развитію этихъ артелей, нельзя, и прежде всего потому, что ссуды эти, какъ это мы покажемъ впослѣдствіи, по многимъ причинамъ не достигли цѣли и произвели только обратный эффектъ. Остается предположить, что въ средѣ экономическихъ отношеній, создавшихся за послѣднее время на Мурманѣ, произошли какія-то крупныя перемѣщенія силъ, до сихъ поръ еще не подмѣченныя изслѣдователями народно-хозяйственной жизни сѣвера.

Мелкіе хозяева покрута, снаряжающіе по одному судну и работающіе на немъ зачастую въ качествѣ кормщика, находятся по сравненію съ крупными въ относительно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ, кромѣ обычной прибыли, имѣютъ еще долю кормщика; кромѣ того, такіе хозяева выдаютъ покрученникамъ гораздо меньшіе задатки, кредитуются рѣже и на болѣе сносныхъ условіяхъ и т. д., словомъ, стоятъ кажется въ особенно благопріятныхъ условіяхъ для развитія этой экономической формы. Однако, по статистическимъ даннымъ замѣчается, что, хотя число такихъ промысловыхъ единицъ и выросло за послѣдніе годы, однако оно сильно отстаетъ отъ быстрѣе растущаго числа артелей чистаго типа.

Нужно отмѣтить, что въ числѣ обстоятельствъ, благопріятствующихъ развитію мелкой формы покрута, есть и такое, какъ нерѣдко практикующійся хозяевами *наемъ* рабочихъ за довольно низкую цѣну (60—70 и до 100 рублей за лѣто). Число такихъ батраковъ, хотя и меньше числа покрученниковъ, однако абсолютно довольно велико. Несомнѣнно, что наемный рабочій въ среднихъ условіяхъ промысла гораздо выгоднѣе покрученника, и тѣмъ не менѣе ростъ мелкой формы покрута происходитъ очень медленно.

Такой компетентный знатокъ сѣверныхъ промысловъ, какъ Максимовъ, не находитъ другого объясненія факта паденія или замедленія роста покрута, кромѣ того, которое даетъ въ сущности и Книповичъ.

Не входя пока въ дальнѣйшую характеристику различныхъ экономическихъ формъ, господствующихъ въ сферѣ мурманскихъ промысловъ, мы обратимся собственно къ статистической сторонѣ дѣла, т. е. опредѣлимъ самые размѣры различныхъ экономическихъ комбинацій, имѣющихъ мѣсто на Мурманскомъ берегу. Въ этомъ смыслѣ единственно цѣльной является недавняя работа приватъ-

доцента Книповича, перваго изслѣдователя мурманскихъ промысловъ, обратившаго серьезное вниманіе на ихъ экономическую сторону. Кромѣ работы Книповича, подъ руками у насъ имѣются многочисленныя оффиціальныя данныя, но о нихъ, къ сожалѣнію, можно сказать, что даже самые элементарно-грубые вопросы, касающіеся существа дѣла, оставляются ими безъ отвѣта, и потому цѣнность ихъ очень относительная. Цифровой матеріалъ, собранный Книповичемъ, по степени достовѣрности весьма различенъ, причемъ самыя нужныя для насъ данныя, относящіяся къ 93 и 94 г.г., наиболѣе достовѣрны—ими мы и воспользуемся, дополняя ихъ оффиціальными данными.

Пока мы не приводимъ абсолютныхъ цифръ, характеризующихъ вообще промыслы, потому что гораздо важнѣе рѣшить вопросъ отношенія другъ къ другу различныхъ категорій промышленниковъ.

Придерживаясь употребляемаго Книповичемъ дѣленія промысловыхъ судовъ на три категоріи, изъ которыхъ въ первую войдутъ *суда хозяевъ, снаряжающихъ на началахъ покрута не меньше 2 судовъ*, во вторую—*хозяевъ, снаряжающихъ одно судно*, и въ третью—*суда самостоятельныхъ ловцовъ*—мы увидимъ, что центръ тяжести экономической организаціи труда лежитъ въ настоящее время совсѣмъ не тамъ, гдѣ онъ покоился ранѣе, по увѣренію прежнихъ изслѣдователей Мурмана.

Но прежде, чѣмъ приводить иллюстрирующія цифры, сдѣлаемъ еще нѣсколько оговорокъ относительно истиннаго значенія тѣхъ 3 категорій, на которыя мы дѣлимъ промышленниковъ. Дѣло въ томъ, что первая категорія, повидимому, представляющая собою категорію крупныхъ хозяевъ покрута, въ дѣйствительности только *относительно* заключаетъ въ себѣ крупныхъ хозяевъ, такъ какъ большинство ихъ имѣетъ 2—3 судна, и, слѣдоват., скорѣе можетъ назваться мелкой формою покрута. Конечно, и первая, и вторая формы по существу капиталистичны, выходя иногда даже изъ рамокъ чистаго покрута, т. е. включая въ число промышленниковъ и наемныхъ рабочихъ. Третья-же категорія рѣзко отличается отъ двухъ первыхъ. Это дѣйствительно самыя подлинныя артели самостоятельныхъ ловцовъ, хотя, къ сожалѣнію, и здѣсь иногда мы встрѣчаемся съ наймомъ рабочихъ.

Обращаясь теперь къ цифровому матеріалу, мы наблюдаемъ слѣдующую картину (беремъ, какъ это дѣлаетъ и Книповичъ, данныя по каждому становищу отдѣльно, начиная съ самаго западнаго—Ворьемы, находящагося уже на самой границѣ съ Норвегіей).

Становище **Ворьема.**

Годъ.	Судовъ различныхъ категорій.			Всѣхъ судовъ.
	1 кат.	2 кат.	3 кат.	
1888	41	1	—	42
1889	15	1	—	16
1893	13	1	4	18
Становище Финманское.				
1889	13	—	—	13
1893	12	—	—	12
Становище Столбовое.				
1889	27	—	—	27
1893	17	—	—	17
Становище Вайда-губа. *)				
1888	56	17	—	73
1889	57	15	1	73
1893	80	32	7	119
1894 **)	132	33	25	190

Эти-же самыя данныя, выраженныя въ %% отношеніяхъ, еще ярче выдѣляютъ основную тенденцію, т. е. паденіе крупнаго покрута и ростъ самостоятельныхъ артелей. Дѣйствительно,

	С У Д О В Ъ:		
	1-й кат.	2-й кат.	3-й кат.
въ 1888 г. было	76,7%	23,3%	—
» 1889 —	78,1%	20,5%	1,4%
» 1893 —	67,2%	26,9%	5,9%
» 1894 —	69,5%	17,3%	13,2%

Обращаемся снова къ абсолютнымъ цифрамъ.

Становище **Малонѣмецкое.**

1889	—	17	7	24
1893	—	—	7	7

*) Однихъ изъ крупнѣйшихъ промысловыхъ пунктовъ западнаго Мурмана.

**) Данныя за 1894 г. имѣются только для самыхъ крупныхъ становищъ.

Становище **Зубовскіе острова.**

Годъ	Судовъ различныхъ категорій. 1 кат.	2 кат.	3 кат.	Всѣхъ судовъ.
1888	79	38	—	117
1889	36	7	—	43

Становище **Цыпъ-Наволокъ.**

1888	19	4	—	23
1889	10	1	—	11
1892	9	7	—	16
1893	—	—	—	—

Становище **Китовскіе острова.**

1889	4	—	8	12
1893	—	—	7	7

Становище **Мотовское.**

1893	—	—	3	3

Становище **Мало-Оленье.**

1889	8	28	12	48
1891	10	19	20	49
1892	10	18	10	38
1893	11	8	22	41

т. е. суда самостоятельныхъ ловцовъ въ этомъ становищѣ въ теченіе

1889 г. составляли 25% всѣхъ судовъ.
1891 » — 40,8% »
1892 » — 26% »
1893 » — 53,7% »

Становище **Климовка.**

1893	—	—	7	7

Становище **Зарубиха**

1889	—	—	1	1
1893	—	1	1	2

Становище **Териберка.**

1889	54	47	26	127
1891	37	45	57	139
1892	35	42	60	137
1893	42	37	49	128
1894	38	30	55	123

Или въ %% отношеніяхъ:

1889	42,5	37,0	20,5

1891	26,6	32,4	41,8
1892	25,5	30,7	43,8
1893	32,8	28,9	38,3
1894	30,9	24,4	44,7

Териберка—очень крупный промысловый пунктъ, и потому, конечно, данныя, къ нему относящіяся, особенно интересны. Изъ приведенныхъ данныхъ снова мы видимъ то-же явленіе упадка крупнаго покрута и громадный въ данномъ случаѣ ростъ самостоятельной артели.

Становище **Гаврилово.** въ %.

	1 кат.	2 кат.	3 кат.	Всего.	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1889	81	55	—	136	59,5	40,5	—
1891	94	44	29	167	56,3	26,3	17,4
1893	108	47	58	193	56,0	24,3	19,7
1894	142	73	60	275	51,6	26,6	21,8

И въ этомъ пунктѣ, очень крупномъ, замѣчаемъ мы то-же явленіе, что и раньше.

Становище **Трящино.**

1889	21	—	—	21
1891	21	2	3	26
1892	26	1	1	28
1893	32	3	—	35

Становище **Щербиниха.**

1889	3	1	—	4
1891	3	5	4	12
1892	3	2	1	6
1893	3	—	—	3

Становище **Захребное.**

1891	—	4	12	16
1892	2	11	5	18
1893	11	4	—	15

Становище **Шельпино.**

1889	12	10	16	28
1891	6	11	—	17
1892	—	2	12	14
1893	17	9	3	29

Становище **Зеленцы.**

1891	2	1	2	5

1892	—	—	—	—
1893	—	7	—	7

Становище **Порчниха.**

1889	2	2	—	4
1893	—	—	—	—

Становище **Рында.**

1889	25	9	29	63
1891	37	27	14	78
1892	46	21	17	84
1893	38	9	17	64

Т. е. самостоятельнымъ артелямъ принадлежитъ около 25% судовъ.

Становище **Золотое.**

1889	6	10	—	16
1891	15	11	—	26
1892	17	12	2	31
1893	13	9	—	22

Становише **Харловка.**

1889	14	5	—	19
1891	18	7	1	26
1892	17	11	—	28
1893	23	8	1	32

Становище **Семь-Острововъ.**

1889	—	5		5
1891	—	3	3	6
1892	—	3	5	8
1893	—	1	1	2

Становище **Шубино.**

1893	—	—	2	2

Становище **Восточная Лица.**

1889	20	16	—	36
1891	29	22	—	51
1892	23	4	3	30
1893	53	35	—	78

Такимъ образомъ, въ шести главнѣйшихъ промысловыхъ пунктахъ Мурмана замѣчается рѣзко выраженный ростъ самостоятельной формы промысла и лишь въ мелкихъ, незначительныхъ пунктахъ берега, повидимому, всецѣло преобладаетъ покрутъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что списокъ промысловыхъ пунктовъ,

по которымъ мы отмѣчали вышеприведенныя данныя, нѣсколько не полонъ—въ немъ недостаетъ нѣсколькихъ, впрочемъ, совсѣмъ не важныхъ пунктовъ. Во всякомъ случаѣ, безъ большой ошибки можно сказать, что около 20% всѣхъ промысловыхъ судовъ принадлежатъ самостоятельнымъ артелямъ ловцовъ. Этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе для будущихъ судебъ мурманскаго промысла, если, конечно, развитіе въ этомъ направленіи не встрѣтитъ никакихъ особенныхъ препятствій и, наоборотъ, если оно встрѣтитъ поддержку со стороны государства. Впрочемъ, попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана въ 1886 году, но послѣдніе 10 лѣтъ показали, насколько вся затѣя была плохо продумана и организована, благодаря чему принесла лишь отрицательные результаты. Ниже мы еще разъ вернемся къ самостоятельнымъ артелямъ и тогда подробнѣе остановимся на этомъ эпизодѣ въ исторіи Мурмана за послѣдніе годы, а пока отмѣтимъ другой фактъ не меньшей важности, а, именно, тотъ, что процентное отношеніе судовъ, на началахъ покрута промышляющихъ, ко всему числу промысловыхъ судовъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше данныхъ, уменьшается и притомъ въ довольно быстрой прогрессіи, т. е., другими словами, очевидно, что *мелкая самостоятельная форма организаціи труда развивается насчетъ крупной, капиталистической...*

Параллельно съ этимъ наблюдается и *мельчаніе* промысла на началахъ покрута—число крупныхъ предпринимателей все уменьшается и уменьшается съ каждымъ годомъ какъ это видно изъ приложеній № 1-й и № 2-й. См. въ концѣ книги.

Чтобы ознакомить читателя, хотя до нѣкоторой степени, съ тѣми фактическими данными, на основаніи которыхъ можно судить о покрутѣ, по крайней мѣрѣ съ финансовой стороны дѣла, мы приведемъ здѣсь самыя общія данныя, сюда относящіяся. Но предварительно сдѣлаемъ оговорку относительно мелкой формы покрута, при которой финансовая сторона дѣла нѣсколько осложняется участіемъ въ трудѣ самого хозяина предпріятія. Кромѣ того, мелкіе хозяева зачастую не имѣютъ собственныхъ становъ и потому нанимаютъ помѣщеніе либо у крупныхъ хозяевъ, либо у колонистовъ; затѣмъ не всѣ хозяева засаливаютъ рыбу сами, а большинство изъ нихъ запродаетъ сырую рыбу скупщикамъ. Все это заставляетъ братъ лишь такія данныя, которыя-бы относились

ко всѣмъ категоріямъ хозяевъ покрута, и только при такомъ условіи мы получимъ болѣе или менѣе вѣрную картину финансовой стороны дѣла.

У единственнаго автора, обратившаго серьезное вниманіе на экономическую организацію промысловъ и сдѣлавшаго попытку детальной разработки относящихся сюда данныхъ, г. Книповича, мы находимъ нѣсколько разсчетовъ по даннымъ различныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ финансовой стороной мурманскихъ промысловъ, записаннымъ имъ со словъ этихъ лицъ. Подробности этихъ разсчетовъ, а также собственный разсчетъ г. Книповича и многихъ другихъ авторовъ, мы помѣщаемъ въ особой таблицѣ (прилож. № 5-й), здѣсь-же ограничимся только итоговыми цифрами, достаточно ясно, по нашему мнѣнію, рисующими положеніе вещей.

Беремъ первый разсчетъ, записанный со словъ хозяина покрученниковъ Кочина.

По этому разсчету: 1) первоначальное обзаведеніе, т. е. издержки на снасти, судно и т. д., въ среднемъ выводѣ, равняются *306 руб.;* 2) ежегодный ремонтъ орудій промысла—*95 или 96 руб.;* затѣмъ, 3) ежегодные расходы по содержанію и перевозкѣ рабочихъ—*162 или 163 руб.;* наконецъ, 4) считая задатки рабочимъ *въ 60—70 руб.* на человѣка, получимъ на эту статью расходовъ *240—280 руб.* Такимъ образомъ, капиталъ, вложенный въ предпріятіе, долженъ по этому разсчету равняться *700—720 руб.;* ежегодный расходъ (т. е. расходъ на содержаніе рабочихъ и ремонтъ орудій промысла) такого хозяина составитъ сумму въ *250—260 рублей.*

По другому разсчету, сдѣланному волостнымъ старшиной Вайда-Губы, человѣкомъ, занимавшимся самостоятельнымъ ловомъ: 1) первоначальное обзаведеніе достигаетъ въ среднемъ *340 р.,* 2) расходы на ремонтъ—*125 р.,* 3) содержаніе рабочихъ—*115 р.,* 4) при тѣхъ-же задаткахъ рабочимъ, т. е. *240—280 руб.,* увидимъ, что капиталъ на первоначальныя затраты достигаетъ *695—735 р.* Ежегодные расходы будутъ равняться *240 р.,* т. е., другими словами, данныя перваго и второго разсчетовъ почти сходятся.

Третій разсчетъ для шняки съ ярусомъ въ 40 тюковъ дѣлаетъ одинъ изъ мелкихъ хозяевъ покрута въ Териберкѣ. По этому разсчету: 1) первоначальное обзаведеніе требуетъ *387 р.,* 2) ремонтъ—*137—138 руб.,* 3) содержаніе и перевозка рабочихъ *240 р.,*

4) задатки рабочимъ *240—280 р.* Слѣдовательно, первоначальный капиталъ равенъ *730 р.*; ежегодные расходы *240 р.*

Наконецъ, четвертый разсчетъ, сдѣланный урядникомъ становища Териберки, въ общемъ (подробности его мы приведемъ въ таблицѣ приложен. № 5-й) даетъ почти тѣ-же цифры.

Самъ Книповичъ (подробности его разсчета мы также приведемъ въ таблицѣ) дѣлаетъ такой разсчетъ: 1) первоначальное обзаведеніе, по его разсчету, будетъ равняться *312—377* р., въ круглыхъ числахъ *310—380* р., 2) ремонтъ, въ круглыхъ цифрахъ, *95—130 р.*, 3) содержаніе и перевозка рабочихъ *100—110 р.*, 4) задатки Книповичъ принимаетъ въ той-же, что и раньше суммѣ. Такимъ образомъ, считая что первоначальный капиталъ долженъ составиться изъ среднихъ расходовъ, т. е. что, средняя величнна предварительныхъ расходовъ будетъ *345 руб.*, содержанія рабочихъ—*100 р.*, ремонта орудій лова—*110 р.*, наконецъ, ежегодныхъ расходовъ—*210 р.*, средняя величина задатковъ *200 р.*,—можно опредѣлить средній капиталъ, и съ которымъ возможно начать предпріятіе, равнымъ приблизительно *700 руб.* Разсчетъ этотъ дѣлался Книповичемъ безъ цифры такъ назыв., «свершонка», получаемаго кормщикомъ сверхъ «половы» и сверхъ «пая». Величина свершонка колеблется въ очень большихъ предѣлахъ, смотря по добычливости лова и искусству и репутаціи кормщика. Книповичъ полагаетъ среднюю величину свершонка въ 50 руб. и принимаетъ за основаніе разсчета, имѣющаго цѣлью выяснить прибыль предпринимателя, пай рабочаго—покрученника. Величина этого пая, конечно, находится въ зависимости отъ успѣшности промысла, но для настоящаго времени средняя его величина можетъ считаться довольно опредѣленной,—такъ, пай въ 40 руб. считается плохимъ, въ 50 р. умѣреннымъ, въ 60—80 руб. среднимъ, въ 90 р. хорошимъ, въ 100 р. и болѣе—очень хорошимъ.

Какъ мы уже видѣли выше, капиталъ, необходимый хозяину покрута, слагается изъ четырехъ элементовъ, величина которыхъ по приведеннымъ разсчетамъ опредѣляется сравнительно удобно. Желая, слѣдовательно, опредѣлить величину прибыли предпринимателя, мы должны ввести въ вычисленіе стоимость издержекъ производства и величину валового дохода хозяина. Взявъ теперь за основаніе пай простого рабочаго—покрученника, который по системѣ поморскаго покрута равенъ $^1/_{12}$ валового дохода, мы по-

лучимъ довольно любопытную таблицу прибылей хозяевъ покрута при разныхъ условіяхъ промысла, начиная съ плохихъ и кончая самыми благопріятными.

Такимъ образомъ: *)

При паѣ въ	Простой рабочій получитъ	Кормщикъ получитъ	Хозяинъ получитъ	Прибыль хозяина	Процентъ на капит.
40 р.	40 р.	110 р.	250 р.	40 р.	5,7%
50 »	50 »	125 »	325 »	115 »	16,4%
60 »	60 »	140 »	410 »	190 »	27,1%
70 »	70 »	155 »	475 »	262 »	37,9%
80 »	80 »	170 »	550 »	340 »	48,5%
90 »	90 »	185 »	635 »	415 »	59,3%
100 »	100 »	300 »	700 »	490 »	70,0%

Слѣдовательно, *въ среднихъ случаяхъ* (при паѣ въ 60, 70 и 80 рублей) *прибыль хозяина будетъ колебаться въ предѣлахъ 27—48% на затраченный капиталъ*.... Нельзя сказать, чтобы прибыль хозяина была мала! Однако покрутъ падаетъ и, хотя мы уже приводили объясненія этого явленія двумя наиболѣе компетентными знатоками экономической стороны мурманскихъ промысловъ, однако, эти объясненія, все-таки, не выясняютъ дѣла, или выясняютъ только въ незначительной степени. Во всякомъ случаѣ, величина прибыли, выведенная теоретически, настолько велика, что никакой деморализаціей рабочихъ—покрученниковъ нельзя объяснить стремленіе крупнаго покрута мельчать и вообще падать. Правда, чисто теоретическимъ путемъ опредѣляемая, прибыль хозяина далеко еще не тожественна съ тою, которую хозяева получаютъ въ дѣйствительности, такъ какъ изъ разсчета исключены всѣ обстоятельства побочныя, не вытекающія изъ существа дѣла. Такими обстоятельствами, уменьшающими прибыль предпринимателя, являются, въ большинствѣ случаевъ, болѣзнь или уходъ рабочихъ, потеря всего яруса или его части, позднее начало промысла, дурная погода въ теченіе продолжительнаго промежутка времени, мѣшающая производству промысла, и т. д.

Къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ случаевъ, какъ типичныхъ и рисующихъ довольно рельефно положеніе вещей на Мурманѣ, мы

---

*) Мы беремъ цифры, опредѣленныя Книповичемъ.

и перейдемъ, пользуясь для этого многочисленными данными, собранными Максимовымъ и Книповичемъ въ ихъ послѣднихъ работахъ о Мурманѣ.

Начнемъ съ потерь яруса. На Мурманѣ случаи потери снасти настолько часты, что установилась даже классификація разныхъ случаевъ потери снасти,—различаютъ два главныхъ случая —«подронъ» и «подрѣзъ». Подронъ случается нерѣдко при поспѣшномъ вытаскиваніи снасти въ бурную погоду; длина яруса, достигающая 7, 9 и даже 12 верстъ, не позволяетъ быстро выбрать такую громадную снасть, а остаться у снасти и пережидать непогоду на такомъ несовершенномъ суднѣ, какъ шняка, въ громадномъ большинствѣ случаевъ безусловно невозможно. И вотъ ярусъ бросаютъ, а сами спѣшатъ къ берегу. Такъ какъ положеніе яруса въ морѣ замѣчается по различнымъ признакамъ на берегу, то весьма естественно, что не всегда бываетъ можно найти снасть въ 20 и даже 30 верстахъ отъ берега, тѣмъ болѣе, что кубаса (или буйки), обозначающіе мѣста, гдѣ опущена снасть, нерѣдко отрываются бурею. Буря же и отрываетъ иногда часть яруса.

Случаи подрона, мы сказали, бываютъ нерѣдко. Дѣйствительно, въ 1883 г., напр., подронъ имѣлъ мѣсто почти во всѣхъ становищахъ и стоимость его достигала громадной суммы, почти 7000 рублей. Интересно, что болѣе всего случаевъ подрона, какъ и слѣдовало ожидать, приходится на суда промышленниковъ, ведущихъ дѣло на началахъ покрута, и при томъ наиболѣе крупныя потери приходятся на долю самыхъ крупныхъ хозяевъ покрута, у которыхъ наиболѣе эксплуатируется рабочій—промышленникъ, и гдѣ обѣ стороны—и хозяинъ, и рабочій—давно уже стоятъ въ отношеніяхъ врага къ врагу, и гдѣ, прибавимъ, рабочій—промышленникъ наиболѣе деморализовался....

Между прочимъ, по даннымъ 1893 г., подронъ и подрѣзъ снасти на каждое промысловое судно достигалъ до 8 р. 70 к., а это составляетъ очень крупную цифру. Если взять цифры для 5 главныхъ становищъ, какъ такихъ пунктовъ, гдѣ яснѣе всего наблюдаются тѣ или другія явленія въ ихъ чистомъ видѣ, благодаря многочисленности промышленниковъ всевозможныхъ категорій, то можно наблюдать въ очень рѣзкой формѣ разницу въ потеряхъ хозяевъ покрута и самостоятельныхъ промышленниковъ отъ подрона и подрѣза снасти. Такъ, для судовъ первой категоріи промышленни-

ковъ (крупныхъ хозяевъ покрута), въ среднемъ выводѣ, приходится на *12,5 р.* подроненной или подрѣзанной снасти; для судовъ второй категоріи (мелкихъ хозяевъ покрута) этотъ расходъ равенъ *8,3 р.*; для третьей (самостоятельныхъ ловцовъ)—только *3,5 рубля*.

Другая причина, уменьшающая прибыль хозяевъ,—это уходъ или болѣзнь рабочихъ, которые могутъ иногда прямо пріостановить совсѣмъ промыселъ, такъ какъ на Мурманѣ въ горячее время чрезвычайно трудно отыскать замѣстителя даже одному рабочему. Если слѣдов., со шняки уйдетъ или заболѣетъ 2—3 рабочихъ, то приходится совсѣмъ прекращать промыселъ. Благодаря развращающей системѣ покрута и тяжелому экономическому гнету, который тяготѣетъ надъ рабочими, случаи ухода очень часты. Не рѣдки случаи и заболѣваній, такъ какъ вся обстановка труда промышленника-рабочаго въ высшей степени антигигіенична. Относительно соблюденія рабочими своихъ договоровъ съ хозяевами, такой тонкій наблюдатель, какъ Максимовъ, имѣвшій самъ дѣло съ поморами-рабочими, говоритъ: «я не знаю другого рабочаго, который относился-бы къ долгамъ такъ цинично, какъ относится покрученникъ. Понятіе о чести—это культурное понятіе, которое никогда не воспитывалось въ безграмотной поморской средѣ...... Утративъ совѣсть, какъ первѣйшій стимулъ къ сдержанію обѣщанія, слова, договора, поморскій народъ не пріобрѣлъ никакихъ нравственныхъ цѣнностей. При недостаткѣ правосудія на сѣверѣ, при вѣковомъ отсутствіи гласности, при отсутствіи воспитанія общественной совѣсти, при удаленности судей отъ мѣстъ отправленія правосудія, при отсутствіи путей сообщенія, безошибочно можно сказать, что понятіе о законности утратилось въ народѣ совершенно.....» Другой бытописатель Мурмана характеризуетъ покручениковъ-поморовъ не менѣе ярко. «Переходъ рабочихъ къ другому хозяину, уходъ ихъ случается нерѣдко. По большей части письменныхъ условій между хозяевами и покрученниками не заключается, но если и есть письменное условіе, то оно мало гарантируетъ хозяина. Поди, судись съ рабочимъ, да и взять съ него нечего, а между тѣмъ ловъ не производится, и затраты пропадаютъ даромъ. Вообще отношенія покрученниковъ къ хозяевамъ весьма недобросовѣстны, и въ этомъ отношеніи обѣ стороны оказываются достойными другъ друга. Нарушить условіе, бросить работу, уйти отъ хозяина, которому задолжалъ, дѣло самое обыкновенное. Уходъ рабочихъ приноситъ

иногда хозяевамъ громадные убытки, а такъ какъ большинство ихъ ведутъ дѣло въ кредитъ и притомъ на тяжелыхъ условіяхъ, то уходъ рабочихъ можетъ повлечь за собою и раззореніе хозяина.» «Надо, впрочемъ, прибавить въ интересахъ справедливости, что хозяева, хорошо относящіеся къ покрученникамъ, имѣютъ менѣе поводовъ жаловаться на нихъ: рабочіе и держатся у нихъ, и работаютъ лучше...»

О другихъ причинахъ, уменьшающихъ прибыль хозяина-предпринимателя, мы не будемъ говорить. Главныя изъ этихъ причинъ, какъ, напр., позднее начало промысла, бури, массовое появленіе «кожи» (т. е. стадъ гренландскихъ тюленей, разгоняющихъ рыбу)—одинаково вліяютъ на судьбы крупныхъ и мелкихъ промышленниковъ покрута, а равно и на успѣхъ предпріятій самостоятельныхъ ловцовъ.

Перечисленныя причины, конечно, очень вредно отзываются на успѣшности и доходности капиталистическихъ предпріятій хозяевъ-промышленниковъ, однако, подъ руками у нихъ есть такъ много коррективовъ, что едва-ли было-бы умѣстнымъ говорить о рѣшающемъ значеніи всѣхъ этихъ причинъ. Коррективами этими нужно считать, широко практикующееся хозяевами, недобросовѣстное отношеніе къ рабочимъ. Прежде всего задатки такой хозяинъ выдаетъ товаромъ по цѣнѣ произвольной и, конечно, выше нормальной, качество товара тоже бываетъ очень плохое, мѣры не добросовѣстныя и т. д., благодаря чему, рабочіе не выходятъ изъ долговъ у хозяевъ, и долги ихъ переходятъ изъ года въ годъ, нерѣдко прогрессивно возрастая. Залѣзать въ долги и тѣмъ становиться въ положеніе вѣчнаго, въ сущности, батрака заставляетъ промышленниковъ злая необходимость. Большинство промышленниковъ идетъ на Мурманъ изъ Кемскаго, Онежскаго и, въ очень малой мѣрѣ, изъ Архангельскаго уѣздовъ. О положеніи ихъ у себя дома можно отчасти судить по такимъ выдержкамъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ за 1891 годъ. «Вторая половина августа,—говоритъ отчетъ,—стояла холодная. Вслѣдствіе этого, хлѣбъ на половину былъ скошенъ скоту, на половину требовалась примѣсь прежняго хлѣба. Въ Кемскомъ уѣздѣ большая часть посѣвовъ была скошена на кормъ скоту, а снятый съ полей хлѣбъ оказался годнымъ въ пищу только съ примѣсью хорошей муки урожая прежнихъ лѣтъ...» А далѣе находимъ еще болѣе яркую

картину.... «Всего болѣе расходовъ (по продовольствію голоднаго населенія) потребовалъ Кемскій уѣздъ. Хотя запасы хлѣба обезпечивали до весны, но такъ какъ доставка зимою дорога, то и цѣна на хлѣбъ дорога. Свободные запасы хлѣба оказались у богатыхъ поморовъ, согласившихся уступить комитету рожь и ржаную муку цѣною отъ 1 р. 80 к. до 2 руб. за пудъ. Операція эта съ передвиженіемъ хлѣба на мѣсто обошлась въ 76.442 рубля....» Въ pendant этой картинѣ, выражающей степень обезпеченности населенія промысловыхъ уѣздовъ хлѣбомъ, Максимовъ разсказываетъ: «проѣзжая зимою 1891 года черезъ Корелію, я убѣдился, что и запасы, оставшіеся отъ предыдущаго 1890 года, были отчасти попорчены въ сельскихъ магазинахъ, а отчасти скуплены деревенскими кулаками, такъ что когда пришла зима, то хлѣба въ магазинахъ не оказалось. Чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ пришлось ѣздить по зимнему первопутку и скупать хлѣбъ у тѣхъ-же поморовъ и деревенскихъ кулаковъ, которые скупали лѣтомъ хлѣбъ изъ магазиновъ. Разумѣется, при такой операціи казенный хлѣбъ, предназначенный для урегулированія цѣнъ, для помощи народу, чтобы кулаки не могли поднять цѣну до невозможнаго, оказывался дороже въ казнѣ, нежели въ частныхъ рукахъ....» «Представимъ,—заключаетъ Максимовъ,—что этотъ хлѣбъ остался до слѣдующаго года. Случился лучшій урожай, цѣна на хлѣбъ въ частныхъ рукахъ понизилась еще болѣе, а казна вынуждена была продавать по болѣе высокой цѣнѣ. Народу приходится все-равно должать въ урожайный или неурожайный годъ на сѣверѣ.... Разумѣется, покрученникъ предпочтетъ должать какъ можно больше хозяину—помору, потому что хлѣбъ у него всегда дешевле, нежели въ казнѣ....»

Неурожайные годы на сѣверѣ очень часты, и потому поморъ промышленникъ-хозяинъ въ концѣ концовъ становится настоящимъ «кормильцемъ» народа. «Вотъ эта-то роль его въ поморьѣ и дѣлаетъ его господиномъ своихъ рабовъ, а покрученниковъ обращаетъ во времено-обязанныхъ. ..» Какъ анекдотъ и очень достовѣрный, Максимовъ приводитъ такой фактъ. Въ недавнее время въ поморье пріѣзжалъ довѣренный одной французской компаніи съ цѣлью организовать на мѣстѣ крупное предпріятіе, но вынужденъ былъ отказаться отъ этого намѣренія за недостаткомъ рабочихъ, ибо. «*выкупить рабочихъ отъ ихъ хозяевъ стоило-бы ему громадныхъ издержекъ.*»

При такой задолженности рабочихъ-покрученниковъ любопытно выяснить,—имѣютъ-ли они возможность выходить изъ нея какими-либо другими способами, кромѣ ухода отъ хозяина, неплатежа долговъ, порыванья договоровъ и т. п.?

Отвѣтъ на это даетъ слѣдующій приблизительный разсчетъ заработка такого рабочаго.

До Кандалакши и затѣмъ Разъ-Наволока онъ идетъ на свой счетъ, и это ему обходится отъ $12^{1}/_{2}$ до 15 рублей по самому минимальному разсчету. Принимая средній пай покрученника въ 60—70 рублей, ему останется на зиму со всей семьей только лишь отъ 47—57 рублей до 45—55 р. Эти деньги онъ никогда не получаетъ на руки, а хозяинъ выдаетъ ихъ ему товарами, предметами первой необходимости: мукой, чаемъ, сахаромъ и т. д., и при томъ низкаго качества. Цѣны устанавливаетъ самъ хозяинъ,—немудрено, что рабочему, въ сущности, придется получить 40—50 р. maximum. Правда, рабочіе получаютъ небольшой доходъ отъ сушеныхъ тресковыхъ головъ и мелкой рыбы (мелкой трески, камбалы и т. п.), которыя достаются на его долю (часть идетъ все таки хозяину), но доходъ отъ этого, во-первыхъ, случаенъ болѣе или менѣе, а, во вторыхъ, крайне ничтоженъ: всего нѣсколько рублей. Другими словами, покрученникъ за $5^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ поистинѣ каторжной работы, съ постояннымъ рискомъ для жизни, при отвратительныхъ гигіеническихъ условіяхъ труда, получаетъ возможность дожить до слѣдующей весны съ грѣхомъ пополамъ—при условіи, что хозяинъ откроетъ ему кредитъ на нехватки въ въ бюджетѣ.

Понятно, такимъ образомъ, что на этой почвѣ развиваются «тяжелыя картины лѣни, апатіи, недобросовѣстнаго отношенія къ принятымъ на себя обязательствамъ и т. п., что такъ непріятно поражаетъ свѣжаго человѣка въ преобладающемъ типѣ мурманскаго промышленника.....»

Въ другомъ, конечно, положеніи находится кормщикъ, если это—не самъ хозяинъ, что, кстати сказать, въ покрутскихъ артеляхъ бываетъ не рѣдко, благодаря тому, особенно въ послѣднее время, что крупный покрутъ гибнетъ, а въ мелкомъ чаще всего самъ хозяинъ исполняетъ должность кормщика. Во всякомъ случаѣ, какъ это можно видѣть изъ приведенной выше таблицы заработковъ различныхъ членовъ покрутской артели, кормщику сравни-

тельно гораздо легче выбиться изъ зависимости и стать самостоятельнымъ ловцомъ, чѣмъ простому покрученнику—рабочему.

Говоря о покрутѣ, необходимо указать, между прочимъ, на одну особенность современнаго положенія вещей на Мурманѣ.

Дѣло въ томъ, что на ряду съ крупнымъ и мелкимъ покрутомъ, въ чистомъ такъ сказать видѣ, существуютъ и смѣшанныя формы, т. е. такія, гдѣ рядомъ съ рабочими—промышленниками, находящимися къ хозяину въ отношеніи покрута, есть и рабочіе наемные. Трудно сказать что-нибудь опредѣленное объ этой формѣ экономическихъ отношеній. За полнымъ почти отсутствіемъ данныхъ, можно съ увѣренностію только констатировать полное отвращеніе поморовъ—промышленниковъ къ найму рабочихъ. Въ тѣмъ случаяхъ, когда на Мурманѣ создавались сколько-нибудь крупныя предпріятія съ наймомъ рабочихъ, они гибли вслѣдствіе невозможности найти добросовѣстныхъ рабочихъ, а иногда даже просто какихъ-бы то ни было, несмотря на то, что на Мурманѣ въ настоящее время имѣется уже на лице контингентъ лицъ, вполнѣ разобщенныхъ съ орудіями производства. Это въ большинствѣ случаевъ русскіе колонисты, представляющіе собой настоящій пролетаріатъ....

Другая особенность экономическихъ отношеній, создавшихся за послѣднне время на Мурманѣ, заключается въ образованіи особой группы капиталистовъ—скупщиковъ рыбы. Вся эта группа образовалась въ сущности изъ крупныхъ хозяевъ покрута, бросившихъ снаряженіе шнякъ на промыселъ, какъ занятіе рискованное и невыгодное для нихъ, и обратившихся всецѣло къ болѣе вѣрному и легкому способу обогащенія—скупкѣ рыбы. Завѣтная цѣль всѣхъ этихъ господъ—разными правдами и неправдами добиться возможности держать мелкихъ хозяевъ—промышленниковъ въ постоянной зависимости посредствомъ отпуска въ кредитъ зимою хлѣба и лѣтомъ снастей. Подобное стремленіе весьма понятно, такъ какъ заручившись такимъ, обязаннымъ ему продавцемъ, скупщикъ является по отношенію къ нему почти полновластнымъ хозяиномъ и произвольно назначаетъ цѣну на рыбу и вообще продукты промысла, будучи твердо увѣренъ, что продавцу не уйти отъ подобной альтернативы подъ угрозой лишенія кредита, а иногда и раззоренія въ случаѣ неисправной уплаты долга. Зная это, хозяева—промышленники употребляютъ всѣ старанія къ тому, чтобы не кредитоваться

у этихъ «благодѣтелей», и предпочитаютъ иногда болѣе, повидимому, тяжелыя условія кредита у архангельскихъ купцовъ.

Однако, какъ это ни грустно сказать, паразитный классъ скупщиковъ при современной дезорганизаціи мурманскихъ промысловъ имѣетъ свой raison d'être, такъ какъ замѣчено, что нерѣдко промышленники принуждены бываютъ за безцѣнокъ сбывать рыбу, а иногда даже совсѣмъ бросать ее за отсутствіемъ благодѣтелей-скупщиковъ.... Въ смыслѣ характерной иллюстраціи этому можетъ служить очень типичный фактъ, прекрасно обрисовывающій экономическую безурядицу, ставшую нормальнымъ явленіемъ на Мурманѣ, а именно: въ становищѣ Вайда-губа (въ 1893 г.) начался очень успѣшный ловъ трески, сюда собралось много промышленниковъ, но скупало треску лишь одно судно. И вотъ, разсказываетъ очевидецъ, цѣна на треску начала сильно падать, съ 55 к. за пудъ дошла до 25 и меньше, да и то скупщикъ бралъ треску, какъ-бы дѣлая одолженіе промышленникамъ, бралъ не взвѣшивая, а оцѣнивая на глазъ кучи сваленной рыбы. Результатомъ этого былъ тотъ *поразительно уродливый въ промысловомъ отношеніи фактъ, что промышленники бросили мѣсто, гдѣ ловъ шелъ успѣшно, и устремились на востокъ къ Териберкѣ въ надеждѣ, что, если тамъ рыба будетъ ловиться плохо, то зато ее можно будетъ сбывать по удовлетворительной цѣнѣ*..... И такіе факты вовсе не составляютъ исключенія, какъ утверждаютъ всѣ знатоки мурманскихъ порядковъ.

Оставляя въ сторонѣ кольскую форму покрута, т. е. съ дѣлежемъ улова на двѣ части, изъ которыхъ одна идетъ хозяину, а другая четыремъ рабочимъ-промышленникамъ, какъ практикующуюся только въ г. Колѣ и притомъ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, а потому совсѣмъ не типичную для характеристики экономическихъ отношеній на Мурманѣ, мы прямо переходимъ къ группѣ мелкихъ самостоятельныхъ ловцовъ, хотя и составляющихъ пока не болѣе $^1/_5$ всѣхъ промышленниковъ, однако, по существу дѣла и по тѣмъ перспективамъ, которыя обрисовываются въ будущемъ для этой прогрессивной формы,—заслуживающей самаго серьезнаго вниманія. Полный сводъ всѣхъ сюда относящихся данныхъ мы находимъ только въ трудѣ г. Книповича и кое-какія отрывочныя указанія въ оффиціальныхъ данныхъ, по скольку данныя эти говорятъ о правительственной помощи, оказываемой мел-

кимъ самостоятельнымъ промышленникамъ. Это и понятно, такъ какъ такая форма организаціи труда на Мурманѣ—дѣло новое, и потому естественно, что о ней въ массѣ работъ различныхъ изслѣдователей, появившихся до 80-хъ годовъ, совсѣмъ не находится никакихъ свѣдѣній, а въ позднѣйшее время, кромѣ 5—6 журнальныхъ статей, изъ которыхъ самой крупной является работа Максимова, *) только вскользь упоминающихъ о вновь нарождающейся формѣ, не было никакихъ цѣнныхъ указаній.

Самостоятельныя артели промышленниковъ («пайщиковъ» или «компаньоновъ», какъ ихъ называютъ на Мурманѣ) можно раздѣлить на двѣ категоріи: на пришлыхъ (изъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ) и на постоянныхъ обитателей Мурманскаго побережья—колонистовъ, т. е. тѣхъ изъ нихъ, которые составляютъ самостоятельныя артели. Большая часть колонистовъ участвуетъ въ промыслѣ на началахъ покрута. Кромѣ того, часть самостоятельныхъ ловцовъ падаетъ на Кольскій уѣздъ, или вѣрнѣе, на г. Колу, и о нихъ мы будемъ говорить отдѣльно. **) О ничтожномъ количествѣ самостоятельныхъ ловцовъ изъ Архангельскаго уѣзда не стоитъ упоминать—число ихъ въ 94 году не превышало 20 человѣкъ.

Полная невозможность достать подробныя данныя относительно развитія мелкой артельной формы организаціи труда на Мурманѣ, особенно относящіяся къ послѣднимъ двумъ годамъ, заставляетъ насъ пользоваться данными, добытыми въ теченіе 1893 и 1894 г.г. г. Книповичемъ непосредственно на мѣстѣ, т. е. у исправниковъ Кольскаго и Кемскаго уѣздовъ, вѣрнѣе, почерпнутыми изъ вѣдомостей и отчетовъ низшихъ агентовъ администраціи. Единственный источникъ статистическихъ свѣдѣній, характеризующихъ положеніе мурманскихъ промысловъ,—это отчеты исправниковъ Кольскаго и отчасти Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ. Къ сожалѣнію, въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются высшей администраціи края, они не даютъ возможности пользоваться ими, по крайней мѣрѣ, для нашей цѣли. Сводя всѣ подробныя данныя, представляемыя низшими агентами администраціи, въ одну «вѣдо

---

*) „Русская мысль“ 1893 г. № I II и IV.

**) Вообще всѣ промышленники Кольскаго у. составляютъ не болѣе 1/9 части всего числа промышленниковъ на Мурманѣ, тогда какъ жители Кемскаго уѣзда 2/3 и Онежскаго до 2/9.

мость», исправники совершенно не обращаютъ вниманія на различныя группы промышленниковъ и показываютъ только абсолютную ихъ цифру, нисколько не заботясь о томъ, что этимъ въ одну кучу смѣшиваются представители діаметрально противуположныхъ направленій въ области экономическихъ отношеній. Эти и другія особенности оффиціальныхъ данныхъ (о свѣдѣніяхъ статистическаго комитета не стоитъ говорить, такъ какъ въ нихъ уже рѣшительно нѣтъ никакой возможности разобраться по интересующему насъ въ настоящую минуту вопросу) заставляютъ насъ пользоваться почти исключительно нѣсколько устарѣлыми свѣдѣніями, сообщаемыми Книповичемъ.

Изъ этихъ свѣдѣній, частію уже приведенныхъ нами выше, видно, что въ наиболѣе крупныхъ промысловыхъ пунктахъ Мурмана число промышленниковъ, организующихъ артели чистаго типа, въ теченіе только двухъ лѣтъ, 1893 и 1894 г.г., колебалось въ довольно значительныхъ предѣлахъ. Такъ какъ данныя о самостоятельныхъ ловцахъ за 1894 г. относятся только къ пяти самымъ главнымъ становищамъ Мурмана, то всякое сравненіе ихъ съ данными предыдущихъ лѣтъ становится невозможнымъ. По отношенію же только къ этимъ пяти становищамъ эти данныя говорятъ, что ростъ артелей чистаго типа шелъ очень энергично. Такъ, въ Вайда-губѣ число судовъ, принадлежавшихъ самостоятельнымъ ловцамъ, доходившее въ 1893 г. только до 6°/₀ всего числа судовъ этого пункта, въ 1894 г. было уже болѣе 13°/₀; въ Мало-Оленьемъ становищѣ число это достигаетъ 54°/₀; въ Териберкѣ—въ 1893 г. 38°/₀, а въ 94 г. почти 45°/₀; въ Гавриловѣ—въ 1893 г. 20°/₀, въ 94 г. 22°/₀; въ Рындѣ—26½°/₀ въ 93 году. Въ абсолютныхъ цифрахъ въ упомянутыхъ пяти пунктахъ число судовъ самостоятельныхъ ловцовъ было:

	въ 93 г.	въ 94 г.
въ Вайда-губѣ	7	25
» Териберкѣ	49	55
» Гавриловѣ	38	60
» Рындѣ	17	неизвѣстно
» Мало-Оленьемъ	22	неизвѣстно (въ 92 г. было 10 судовъ).

Итого, въ трехъ только становищахъ число судовъ самостоятельныхъ ловцовъ въ 94 г. простиралось до 140, тогда какъ въ 93 г. въ тѣхъ-же становищахъ это число равнялось 94, т. е. увеличи-

лось въ теченіе года на 46 судовъ или почти на 50%. Мы уже говорили ранѣе, что число судовъ, принадлежащихъ самостоятельнымъ артелямъ во всѣхъ промысловыхъ пунктахъ берега, по даннымъ 93 и 94 г.г., въ среднемъ выводѣ, достигаетъ 20%, или 1/5 части всего числа промысловыхъ судовъ.

Точно опредѣлить время возникновенія этой формы организаціи промысла, конечно, нельзя, хотя издавна уже на ряду съ покрутскими артелями существовали артели и самостоятельныхъ ловцовъ, но число ихъ было, по крайней мѣрѣ во времена Данилевскаго, т. е. въ періодъ 60-хъ годовъ, совершенно ничтожно. Слѣдовательно, время ихъ болѣе или менѣе широкаго развитія нужно отнести къ 70-мъ годамъ, причемъ къ началу 80-хъ годовъ число ихъ было уже настолько значительно, что обратило на себя вниманіе администраціи, выдвинувшей на очередь вопросъ объ организаціи помощи этимъ артелямъ. Въ виду этого, сравнительно небольшая на первый взглядъ цифра судовъ, принадлежащихъ самостоятельнымъ ловцамъ, пріобрѣтаетъ болѣе важное значеніе, такъ какъ указываетъ на жизненность самаго явленія, такъ, повидимому, глубоко и быстро пустившаго корни въ экономической жизни Мурманскаго побережья.

Предполагая даже, что число самостоятельныхъ артелей въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ не возрастало въ той прогрессіи, въ какой этотъ ростъ совершался въ предшествующіе годы, т. е. считая число судовъ, принадлежащихъ самостоятельнымъ ловцамъ, равнымъ по-прежнему 1/5 всего числа промысловыхъ судовъ на Мурманѣ, можно считать его въ настоящее время равнымъ 193, тогда какъ въ 1893 г. это число достигало всего 168, т. е. увеличеніе должно было быть не болѣе 15%. Въ дѣйствительности, насколько это позволяютъ думать имѣющіяся на лицѣ данныя послѣднихъ двухъ лѣтъ, мельчаніе крупнаго покрута и параллельный ростъ мелкихъ артелей самостоятельныхъ ловцовъ происходили гораздо энергичнѣе.

Во всякомъ случаѣ, большая абсолютная цифра мелкихъ артелей чистаго типа доказываетъ несомнѣнную устойчивость явленія, ростъ котораго въ будущемъ, при надлежащей постановкѣ дѣла, даже трудно опредѣлить. Ясно, что покрутъ отжилъ свой вѣкъ, а крупная капиталистическая форма предпріятія съ наемными рабочими, несмотря на многочисленныя попытки создать ее

на Мурманѣ, не привилась, и нѣтъ никакихъ рѣшительно основаній, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, думать, что она когда-нибудь привьется...

Возвращаемся къ самостоятельнымъ ловцамъ.

Отличительная особенность всѣхъ промышленниковъ этой категоріи заключается въ томъ, что они всѣ «лѣтники», т. е. производятъ только лѣтній промыселъ, слѣдоват., прибываютъ на Мурманъ только съ открытіемъ навигаціи на Бѣломъ морѣ, съ первыми пароходами изъ Архангельска. Такъ какъ весенній ловъ производится преимущественно на западномъ Мурманѣ, то самостоятельные ловцы концентрируются почти исключительно на восточномъ берегу.

Другая особенность разсматриваемой категоріи промышленниковъ, по крайней мѣрѣ значительнаго ихъ большинства, состоитъ въ томъ, что промысловымъ судномъ у нихъ служитъ не шняка, а карбасъ (болѣе $^3/_5$ всѣхъ судовъ). Встрѣчаются у нихъ и ёлы, небольшого, конечно, размѣра, но очень рѣдко.

Говоря выше о типахъ промысловыхъ судовъ, мы уже указывали на сравнительную дешевизну карбаса—эта дешевизна и служитъ главной побудительной причиной, почему самостоятельные ловцы предпочитаютъ это совершенно никуда негодное судно. Конечно, можно было-бы снарядить хорошее промысловое судно въ кредитъ, но кредитъ въ поморьѣ дорогъ и, кромѣ того, какъ свидѣтельствуютъ знатоки мурманской жизни, этотъ кредитъ почти недоступенъ для самостоятельнаго ловца—не покрученника. Разсчетъ лицъ, ссужающихъ мурманскихъ промышленниковъ кредитомъ, понятенъ; для нихъ нѣтъ никакого интереса получить хотя-бы даже и огромный процентъ на ссуду въ то время, когда есть полная возможность пріобрѣсти себѣ въ лицѣ должника еще и «временно-обязаннаго», а въ сущности безусловно и надолго, если не навсегда, до полнаго истощенія силъ, къ нимъ привязаннаго должника и продавца результатовъ улова по «хозяйской» цѣнѣ.

Обыкновенно артель, задумавъ вести промыселъ самостоятельно, покупаетъ за безцѣнокъ старый карбасъ или шняку, или наконецъ, нанимаетъ на лѣто судно. Затѣмъ сообща пріобрѣтаются снасти и тоже нерѣдко подержанныя, а если и новыя, то самаго низшаго качества. Самый ярусъ дѣлается въ видахъ дешевизны какъ можно короче—обыкновенно въ половину обычной длины его.

Невода мойвеннаго или песчаночнаго вовсе не заводится, и ихъ арендують гдѣ-нибудь на сторонѣ; провизіи берется возможно меньше, причемъ ограничиваются крупой и мукой. Словомъ, все подгоняется къ тому, чтобы уменьшить до minimum'а первоначальные расходы. Любопытно, между прочимъ, что судно въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ одному промышленнику, а все остальное пріобрѣтается на равныхъ расходахъ. Какъ, однако, ни малы расходы самостоятельныхъ ловцовъ, все-таки дѣло не обходится безъ кредита, вслѣдствіе чего первые уловы рыбы идутъ на уплату долговъ, а на излишки покупается провизія и производятся разные мелкіе расходы съ разсчетомъ какъ-нибудь протянуть время до слѣдующей продажи улова и т. д. Такая система ведетъ къ тому, что самостоятельные ловцы, хотя и избѣгаютъ до нѣкоторой степени благодѣяній «дешеваго» кредита, однако много переплачиваютъ на покупкѣ предметовъ первой необходимости, ибо цѣны на Мурманѣ во время промысловаго сезона стоятъ очень высокія.

Г. Книповичъ, спеціально наблюдавшій чистаго типа артель, приводитъ очень любопытный подробный разсчетъ стоимости снаряженія на промыселъ различныхъ категорій самостоятельныхъ ловцовъ—шнячниковъ и карбасниковъ. Мы возьмемъ изъ этого разсчета только итоговыя цифры. Первоначальные расходы карбасниковъ, такимъ образомъ, по Книповичу, слагаются изъ слѣдующихъ элементовъ.

1) Первоначальное обзаведеніе (карбасъ съ такелажемъ, ярусъ, различныя мелочи, запасъ провизіи на первое время, стоимость пути и т. д.) обойдется въ 140—165 руб., т. е. на человѣка (кстати сказать, на карбасахъ промышляютъ обыкновенно не болѣе 3 человѣкъ) по 47—55 руб., а если карбасъ нанимается, то по 33—38 руб. на человѣка.

2) Расходы въ теченіе лѣта будутъ равняться (на 3 человѣка и за вычетомъ того, что уже упомянуто въ предыдущемъ пунктѣ) 50 рублямъ (плата за столъ, дрова, плата за неводъ, ремонтъ яруса и т. д.).

Слѣдовательно, обзаведеніе всѣмъ, что необходимо для промысла, и самое производство промысла обезпечиваются расходомъ отъ 200 до 225 рублей, т. е. по 70—75 руб. на человѣка. Если же карбасъ нанимается, то суммой въ 160—175 руб., или по 53—58 руб. на человѣка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда карбасъ при-

надлежитъ одному лицу, то изъ общаго улова ему по соглашенію выдѣляется опредѣленная часть въ погашеніе его издержекъ. Точнаго опредѣленія % этого погашенія у русскихъ самостоятельныхъ ловцовъ нѣтъ. *)

На второй годъ промысла расходы карбасниковъ будутъ уже меньше, а именно, по разсчету г. Книповича, рублей по 40 на человѣка. Слѣдовательно, опредѣляя заработокъ карбаса въ половину средняго заработка шнякп, т. е. въ 425 руб. (шняка въ среднемъ случаѣ, какъ мы видѣли, заработываетъ около 850 р.), можно считать, что въ первый годъ карбасники получатъ около 85—90 рублей на человѣка (за погашеніемъ долговъ), а на второй годъ по 135 руб. на человѣка.

Если даже мы возьмемъ самый минимальный разсчетъ, т. е. приравняемъ заработокъ карбаса 1/3 заработка шняки, то и въ этомъ случаѣ пайщики получатъ по 37 руб. на человѣка, причемъ всѣ расходы по снаряженію судна и всего предпріятія будутъ оплачены. На второй годъ каждый изъ нихъ получитъ по 53 рубля.

Можно, конечно, находить эти цифры низкими абсолютно, но по сравненію съ цифрами заработка покрученниковъ, онѣ гораздо выше, особенно при среднихъ уловахъ. Какъ извѣстно, средній пай покрученника равняется 60—70 руб., между тѣмъ, средній заработокъ самостоятельнаго ловца-карбасника доходитъ до 135 руб. на человѣка уже на второй годъ промысла, т. е. *вдвое больше*.

Слѣдуетъ принять во вниманіе одно еще и очень важное обстоятельство. Карбасъ настолько несовершенное судно, и въ такой мѣрѣ лишенъ хорошихъ морскихъ качествъ, что промыселъ на немъ уже въ силу одного этого бываетъ значительно хуже, чѣмъ онъ могъ-бы быть. При малѣйшемъ волненіи самый небольшой «взводень», какъ говорятъ поморы, заставляетъ карбасъ бросать ловлю и возвращаться обратно въ станъ. Слѣдовательно, промысловыхъ дней у карбасниковъ еще меньше, чѣмъ у шнячниковъ. Однако, по всѣмъ отзывамъ, самостоятельный карбасный промыселъ все-таки несравненно выгоднѣе шнячнаго на началахъ покрута. «Вообще-же, если разъ удалось снарядиться на самостоятельный промыселъ и выдержать первый годъ, то дальше вести дѣло сравнительно легко....» Такъ свидѣтельствуетъ не только

*) Въ Норвегіи при удебномъ ловѣ хозяинъ судна получаетъ 1/7 часть улова, при яруспомъ 1/5.

Книповичъ, у котораго мы, главнымъ образомъ, черпаемъ данныя о самостоятельномъ промыслѣ, но и всѣ наблюдавшіе мурманскіе промыслы въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Нечего и говорить, что шнячный промыселъ самостоятельныхъ ловцовъ еще выгоднѣе карбаснаго, а промыселъ на норвежскаго типа ёлахъ превосходитъ всѣ остальные, но дороговизна первоначальнаго обзаведеніи, особенно при промыслѣ на ёлѣ, дѣлаетъ эти виды промысла болѣе рѣдкими.

До сихъ поръ мы указывали на относительно свѣтлыя стороны самостоятельнаго промысла. Но у него есть и свои темныя стороны, впрочемъ, общія всѣмъ формамъ промысловой организаціи на Мурманскомъ берегу. Главная изъ этихъ сторонъ заключается, по словамъ Таратина, въ томъ, что число промышленниковъ, «ведущихъ дѣло самостоятельно, очень не велико; обыкновенно-же они и карбасъ, и снасть взяли въ долгъ у тѣхъ-же богачей-судовладѣльцевъ; у нихъ-же зимой и лѣтомъ забираются, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вырученнаго отъ мурманскихъ промысловъ не хватаетъ на зимнее время, а стало быть и свой мурманскій уловъ они, такъ сказать, обязаны сдавать своему кредитору, что, конечно, выговаривается при заборѣ..... Такимъ образомъ,—заканчиваетъ Таратинъ,—всѣ промышленники рабочіе находятся въ постоянной зависимости отъ хозяевъ.»

Таратинъ, однако, слишкомъ сгущаетъ краски, рисуя зависимое положеніе самостоятельныхъ ловцовъ. Дѣло въ томъ, что эта категорія промышленниковъ никогда не забираетъ нужныхъ продуктовъ сразу на большую сумму, а беретъ малыми дозами, уплачивая постоянно изъ улововъ. Кромѣ того, на зиму они вовсе не такъ часто и ни въ коемъ случаѣ не поголовно забираются у богатыхъ поморовъ, потому что большинство ихъ изъ Онежскаго уѣзда, и идетъ, слѣдов., на мурманскій промыселъ съ нѣкоторыми средствами, и во всякомъ случаѣ обезпеченное на зиму заработкомъ отъ зимняго лова на Бѣломъ морѣ наваги,—промысла, все шире и шире развивающагося за послѣдніе годы. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторая зависимость мелкихъ артелей чистаго типа отъ разнаго вида «благодѣтелей» Мурмана есть, и это составляетъ самое крупное препятствіе къ болѣе широкому росту этой формы организаціи труда.

Не говоря о преимуществахъ чисто экономическаго характера, присущихъ артели чистаго типа вообще, въ частности, мурманскія самостоятельныя артели имѣютъ особыя преимущества, могущія играть въ судьбахъ мурманскаго промысла большую роль. Самостоятельное веденіе такого промысла, какъ мурманскій развиваетъ въ участникахъ его прежде всего энергію и предпріимчивость, что въ настоящее время на Мурманѣ при полной деморализаціи, внесенной въ среду промышленниковъ системой покрута, составляетъ исключительное и, во всякомъ случаѣ, рѣдкое явленіе. Затѣмъ, самостоятельный промыселъ, какъ это можно заключить a priori, при надлежащей его постановкѣ, т. е. при низведеніи зависимости самостоятельныхъ ловцовъ отъ богачей-поморовъ до minimum'a, несомнѣнно представляетъ больше гарантій въ смыслѣ улучшеній чисто техническаго свойства и въ смыслѣ уменьшенія духа рутинности и приверженности вѣковымъ традиціямъ, въ настоящее время совершенно отжившимъ свой вѣкъ на Мурманѣ и сдѣлавшимся уже своего рода анахронизмомъ. Примѣръ сосѣдней Норвегіи съ ея ловлей трески удами, короткими ярусами и сѣтями, съ ея ёлами, листерботами, съ ея ледниками для замораживанія мойвы и т. д., и т. д., дѣлаетъ совершенно лишнимъ доказательство нелѣпости неуклюжихъ русскихъ шнякъ, девяти-десятиверстныхъ ярусовъ и прочихъ «наглядныхъ несообразностей» современнаго положенія вещей на Мурманѣ. Ясно, что артель самостоятельныхъ ловцовъ въ этомъ смыслѣ является болѣе прогрессивнымъ явленіемъ, чѣмъ покрутская. Все дѣло, въ концѣ концовъ, именно въ *надлежащей постановкѣ дѣла* организаціи мелкихъ артелей чистаго типа.

Нельзя сказать, какъ мы уже отмѣчали, что ничего для этой «лучшей постановки дѣла организаціи мелкихъ артелей самостоятельнаго типа» не дѣлалось, что промышленники въ этомъ дѣлѣ были предоставлены своимъ единоличнымъ усиліямъ.

Десять лѣтъ тому назадъ (18 Марта 1886 г.) по Высочайшему повелѣнію была ассигнована особая сумма въ 30,000 рублей исключительно для выдачи поморамъ ссудъ *на организацію самостоятельныхъ промысловыхъ артелей.*

Въ настоящее время ссуды уже не выдаются никому, *ибо за ними никто не обращается....* Это обстоятельство, представляющее финалъ всей затѣи, настолько неожиданно, и не гармонируетъ

съ намѣреніями администраціи, что заслуживаетъ самаго полнаго вниманія. Къ счастію, у насъ въ рукахъ имѣются очень точныя данныя, касающіяся исторіи этого благого начинанія, данныя, съ помощью которыхъ не трудно возстановить истину и показать, что неудача дѣла зависѣла никакъ не отъ мертворожденности самой артельной организаціи на Мурманѣ (что блистательно, кстати сказать, доказывается и приведенными выше данными относительно артелей мелкихъ самостоятельныхъ ловцовъ), а отъ чисто постороннихъ причинъ.

«Правительство,—пишетъ Максимовъ,—обратило вниманіе на вѣчныя жалобы на каторжныя условія труда въ Поморьѣ. При кратковременномъ управленіи губерніей Н. Баранова, единственнымъ раціональнымъ исходомъ изъ всякихъ затрудненій представился опросъ самаго населенія. Созывъ особой комиссіи изъ свѣдущихъ людей удостоился утвержденія. Въ результатѣ работы комиссіи получилось *43* проэкта. Проэкты направлены были преимущественно «на созданіе матеріальнаго достатка,—какъ выражается новѣйшій историкъ сѣвернаго края,—на обезпеченіе строгой законности въ краѣ (гласное судоустройство) и самоуправленіе (земство) и, наконецъ, на просвѣщеніе (элементарное, реальное и техническое)».

Но по отношенію къ вопросамъ, касающимся собственно поморья,—говоритъ Максимовъ,—комиссія признала себя не компетентной и высказалась за созывъ спеціальныхъ представителей отъ поморовъ. Такъ какъ интересы сосредоточивались въ трехъ рѣзко обособленныхъ группахъ: хозяевъ, колонистовъ и рабочихъ, то и положено было, чтобы каждая группа прислала на съѣздъ по десяти депутатовъ. Всего больше заинтересовались съѣздомъ покрученники. Группа хозяевъ не обнаружила особой энергіи; колонисты-же приняли по отношенію къ съѣзду враждебную позицію.... «Начальникъ губерніи сказалъ на съѣздѣ рѣчь, въ заключеніе которой выразилъ: «для полнаго развитія нашихъ промысловъ, т. е. для того, чтобы море стало давать вамъ капиталъ, а не ничтожный процентъ съ своего богатства, вамъ нужно отрезвить вашу жизнь на Мурманѣ. Затѣмъ, вамъ нужно улучшить самые способы лова, суда ваши и промысловые снаряды должны дойти до одинаковаго состоянія съ промысловыми судами и снарядами иностранныхъ промышленниковъ. Конечно, все это возможно для васъ

только лишь при пособіи отъ правительства, и я твердо вѣрю, что въ такомъ пособіи вамъ отказано не будетъ и т. д....»

Покрученники, дѣйствительно, нашли, что имъ невозможно обойтись безъ помощи правительства, но совершенно отвергли всякую мысль о регулированіи ихъ отношеній къ хозяевамъ путемъ какихъ-бы то ни было правилъ и предпочли матеріальную помощь въ подходящей формѣ. Въ концѣ концовъ desiderata покрученниковъ приняли совершенно опредѣленную форму ходатайства объ организаціи помощи артелямъ самостоятельныхъ ловцовъ въ видѣ долгосрочныхъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе промысловымъ инвентаремъ. Для этой цѣли поморы находили необходимымъ открытіе спеціальнаго банка въ г. Колѣ, а размѣръ ссуды опредѣляли minimum въ 800 рублей.

Упованія покрученниковъ вообще были самаго радужнаго свойства—они думали, что покруту, съ осуществленіемъ ихъ проэкта, придетъ конецъ, что никакія предпріятія чисто капиталистическаго характера съ наемными рабочими не будутъ возможны уже по одному тому, что нельзя будетъ найти для нихъ рабочихъ и т. д.

Увы, дѣйствительность разрушила розовыя мечтанія промышленниковъ! «Правила о выдачѣ ссудъ поморамъ на Мурманскомъ берегу» быстро разрушили всякія иллюзіи поморовъ. Первоначальныя предположенія поморовъ о созданіи особаго управленія мурманскими промыслами, объ отпускѣ казной лѣсныхъ матеріаловъ для постройки судовъ и т. п., объ отпускѣ 200.000 рублей вообще на развитіе промысловъ и торговли на сѣверѣ, 100.000 р. на развитіе кораблестроенія и 100.000 р. на страхованіе судовъ и грузовъ—оказались «преждевременными», и только безденежный отпускъ лѣса былъ разрѣшенъ въ теченіе 15 лѣтъ. «Правила» же довольно скромно должны были регулировать распредѣленіе 30.000 рублей въ видахъ поддержки самостоятельныхъ промысловъ.

И такъ, вмѣсто сотенъ тысячъ, поморье получило скромные десятки; вмѣсто долгосрочнаго кредита, кредитъ на 3 года съ разсрочкою на 6 лѣтъ въ случаѣ несчастья; вмѣсто minimum 800 р. на артель и т. д., «правила» дали покрученникамъ далеко не то....

Эти правила настолько любопытный документъ, что мы приведемъ ихъ цѣликомъ. Они гласятъ слѣдующее: «§ 1. Для облегченія

рыбопромышленникамъ полученія средствъ для самостоятельнаго веденія рыбнаго промысла на Мурманскомъ берегу, Архангельской конторѣ Государственнаго Банка предоставляется выдавать означеннымъ рыбопромышленникамъ, за счетъ государственнаго казначейства, ссуды, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ. § 2. Ссуды выдаются исключительно лишь артелямъ, состоящимъ или изъ 2—3 человѣкъ, промышляющимъ на карбасѣ, или изъ 4 человѣкъ, промышляющихъ на шнякѣ, если притомъ всѣ участники упомянутыхъ артелей уроженцы Архангельской губерніи, русскіе подданные и не состоятъ хозяевами морскихъ рыбныхъ промысловыхъ заведеній на Мурманѣ, содержащими тамъ рабочихъ. § 3. Артели, составившейся изъ 4 человѣкъ для промысла на шнякѣ, ссуда можетъ быть выдана въ размѣрѣ не свыше 430 р.; высшій же размѣръ ссуды для артели, ведущей промыселъ на карбасѣ, опредѣляется въ 215 рублей. § 4. Лица, образовавшія артель и желающія получить ссуду, обязаны подать о семъ, за подписью всѣхъ участниковъ, заявленіе въ мѣстное волостное правленіе. Въ заявленіи семъ слѣдуетъ указать: *1*) размѣръ испрашиваемой ссуды, *2*) для какого промысла (весенняго, лѣтняго или осенняго) испрашивается ссуда. Независимо отъ сего, если артель образована для веденія промысла на шнякѣ, то въ заявленіи должно быть означено, кто избранъ кормщикомъ, равно заступающимъ его мѣсто. § 5. Волостное правленіе, получивъ упомянутое въ § 4 заявленіе, обязано истребовать отъ подлежащихъ сельскихъ обществъ приговоры относительно каждаго изъ участниковъ артели. Въ приговорахъ этихъ должно быть указано: *1*) семейное и имущественное положеніе заемщика; *2*) участвовалъ-ли онъ раньше въ рыбныхъ промыслахъ; *3*) насколько образъ жизни заемщика и его поведеніе могутъ обезпечивать правильное употребленіе и своевременный возвратъ ссуды, и *4*) не имѣетъ-ли заемщикъ самостоятельнаго промысловаго заведенія на Мурманѣ, для котораго онъ нанимаетъ рабочихъ. § 6. Упомянутыя въ §§ 4 и 5 заявленія и приговоры препровождаются волостнымъ начальствомъ къ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ, который представляетъ ихъ, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ о кредитоспособности заемщика, къ Архангельскому Губернатору. § 7. Выдача ссудъ разрѣшается по постановленіямъ особаго Комитета, состоящаго, подъ предсѣдательствомъ Архангельскаго Губернатора, изъ Управляющаго мѣст-

ною конторою Государственнаго Банка, непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и другихъ лицъ, по приглашенію Губернатора. § 8. Комитету предоставляется уменьшать, по своему усмотрѣнію, размѣръ испрашиваемыхъ ссудъ, равно потребовать относительно кредитоспособности заемщиковъ дополнительныя свѣдѣнія и справки. § 9. Комитетъ разсматриваетъ каждогодно лишь тѣ ходатайства о ссудахъ, которыя, указаннымъ въ §§ 4 и 5 порядкомъ, будутъ представлены на его обсужденіе не позже Августа мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы о всѣхъ разрѣшенныхъ на ближайшій промысловый срокъ ссудахъ могло быть объявлено во всеобщее свѣдѣніе къ 1 Сентября. § 10. Оповѣщеніе о разрѣшенныхъ ссудахъ производится въ Поморьѣ повсемѣстно путемъ вывѣшиванія списковъ заемщиковъ въ волостныхъ, городскихъ и полицейскихъ управленіяхъ, въ таможняхъ и мурманскихъ становищахъ. § 11. Разрѣшенныя комитетомъ ссуды выдаются заемщикамъ Архангельскою конторою Государственнаго Банка, чрезъ посредство мѣстныхъ волостныхъ правленій, начиная съ 1 Ноября. При полученіи ссуды всѣ участники артели подписываютъ обязательство по прилагаемой формѣ, и каждому изъ нихъ выдается печатный экземпляръ настоящихъ правилъ, для ознакомленія ихъ съ условіями возврата ссудъ. § 12. Ближайшій порядокъ пересылки денегъ, какъ при выдачѣ ссудъ, такъ и при возвратѣ оныхъ заемщиками, установляется Комитетомъ. § 13. Артели, не взявшія разрѣшенныхъ имъ ссудъ до 1 Февраля, считаются отказавшимися отъ оныхъ; въ такомъ случаѣ высланныя для выдачи артелямъ деньги подлежатъ возврату въ Архангельскую контору Государственнаго Банка. § 14. Размѣръ роста по ссудамъ опредѣляется въ $^1/_2$% въ мѣсяцъ. Проценты удерживаются при выдачѣ ссуды и исчисляются съ 1 Ноября, хотя бы ссуда и была взята заемщиками позже. § 15. Ссуды выдаются на срокъ одиннадцати мѣсяцевъ, считая съ 1 Ноября по 1 Октября слѣдующаго года; но артели предоставляется возвратить ссуду, полностію или по частямъ, и ранѣе указаннаго срока, причемъ допускается зачетъ взысканныхъ впередъ процентовъ, но лишь за полные остающіеся до срока ссуды мѣсяцы. § 16. Выданныя ссуды обезпечиваются: а) имуществомъ артели, которое впредь до полнаго погашенія ссуды не подлежитъ продажѣ на пополненіе частныхъ долговъ участниковъ артели, и б) личнымъ имуществомъ участниковъ,

отвѣтствующихъ круговымъ ручательствомъ за исправный возвратъ ссуды. § 17. Артель, получившая ссуду, но не вышедшая на промыселъ въ срокъ, указанный въ заявленіи, упомянутомъ въ § 4, считается распавшеюся, и въ такомъ случаѣ ссуда безотлагательно взыскивается съ артели, порядкомъ, установленнымъ въ § 18. Съ артелей, которыя къ 1 Октября не возвратятъ выданныхъ имъ ссудъ, производится, на основаніи постановленій Комитета, взысканіе въ порядкѣ, установленномъ для взысканія казенныхъ податей и сборовъ. При этомъ, взысканіе обращается, прежде всего, на артельное имущество, а затѣмъ, въ случаѣ недостаточности сего послѣдняго, на личное имущество кормщика и, наконецъ, на личное имущество прочихъ участниковъ артели. § 19. Отсрочка въ уплатѣ ссудъ разрѣшается заемщикамъ въ уважительныхъ случаяхъ, по ближайшему усмотрѣнію Комитета. § 20. Архангельская контора Государственнаго Банка составляетъ ежегодно отчетъ о движеніи ссудъ поморамъ. Отчетъ этотъ представляется, чрезъ Губернатора, Министрамъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ».

То есть, другими словами, «правила» дали совершенно обратное тому, что отъ нихъ ожидали.

Однако, какъ бы тамъ ни было, началась выдача ссудъ, и результаты не замедлили обнаружиться. Чрезъ восемь лѣтъ изъ 74 артелей, организовавшихся при помощи ссудъ, осталось всего 10, остальныя 64 артели распались, задолжавъ по ссудамъ около 8500 р. Всего же было взято въ ссуду 16.410 р.; по манифесту изъ 8 съ половиною тысячъ рублей долга было сложено 4022 рубля (14-го Ноября 1894 г.) и, наконецъ, остальные 4022 р. по послѣднему манифесту также сложены, а въ теченіе 94-го и 95-го годовъ новыхъ случаевъ выдачи ссудъ не было, такъ что дѣло можно считать окончательно прекратившимся. Оффиціальные отчеты признаютъ, что эта «мѣра оказалась не совсѣмъ успѣшной....,» и объясняютъ неуспѣшность ея «отчасти малой удачностью промысловъ послѣднихъ лѣтъ, а главнымъ образомъ причинами, лежащими въ самой организаціи ссудъ, и именно *въ слишкомъ малой ихъ нормѣ и краткосрочности....*» «Ссуда въ 215 руб. на карбасъ и въ 430 руб. на шняку далеко не достаточна для артели, которой необходимо на эти деньги пріобрѣсти промысловое судно со всѣми рыболовными снастями и обезпечить на все время промысла при-

пасами какъ себя, такъ и свою семью. Затѣмъ,—говорятъ оффиціальные отчеты,—исправному возвращенію ссудъ немало препятствовало также и обязательство промышленника вернуть ее къ 1-му Октября слѣдующаго послѣ выдачи года, такъ какъ къ этому времени поморъ далеко не всегда успѣваетъ сбыть продукты своего промысла....»

Такъ говорятъ оффиціальные отчеты. Нѣсколько, однако, иначе смотрятъ на дѣло лица, имѣвшія возможность на мѣстѣ видѣть дѣйствіе «правилъ.» Эти лица прибавляютъ къ оффиціальнымъ и другія объясненія.

Такъ, Книповичъ собралъ даже такіе факты, которые говорятъ за то, что ссуды артелямъ самостоятельныхъ ловцовъ *«въ значительной степени* послужили на организацію промысла на началахъ покрута, т. е. содѣйствовали развитію того явленія, противъ котораго предназначались...» Вотъ эти факты. Въ одномъ изъ главнѣйшихъ становищъ Мурмана, Териберкѣ, изъ 10 промышленниковъ, взявшихъ ссуду, трое оказались хозяевами покрутскихъ артелей, причемъ у одного изъ нихъ было даже 28 покрученниковъ; затѣмъ еще 3 *были* рабочими-покрученниками, каковыми и остались послѣ полученія ссуды, и только остальные 4 вели дѣло самостоятельно. Другой фактъ не менѣе типичный.... Въ Гавриловѣ (тоже очень крупномъ становищѣ) было 30 человѣкъ, взявшихъ ссуду; у нихъ было 18 судовъ (11 шнякъ и 7 карбасовъ). Между тѣмъ, по словамъ Книповича, *у всѣхъ* самостоятелныхъ артелей, промышлявшихъ въ это время въ Гавриловѣ, шнякъ было всего 3,—слѣдоват., по крайней мѣрѣ 8 шнякъ изъ 11 принадлежало хозяевамъ покрута.....

Но это еще не все. Въ настоящее время можно считать вполнѣ констатированнымъ фактъ, что выдача ссудъ производилась въ высшей степени неумѣло и неосмотрительно. Приведенные выше два факта въ достаточной мѣрѣ иллюстрируютъ неумѣлость и неосмотрительность и дѣлаютъ не нужными другіе аналогичные примѣры. Дѣйствительно, «правила» предусматриваютъ и семейное, и имущественное положеніе заемщика, и образъ его жизни въ смыслѣ гарантіи правильнаго употребленія и возврата ссуды и, наконецъ, наличность у заемщика наемныхъ рабочихъ и т. д. Однако, фактически это все принималось на вѣру лицомъ (чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ), выдававшимъ ссуды, и, слѣдова-

тельно, все сводилось почти къ нулю. Въ самомъ дѣлѣ, не могъ же этотъ чиновникъ, не имѣя никакого представленія о личностяхъ заемщиковъ, не довѣрять приговорамъ и ѣздить каждый разъ на мѣстѣ провѣрять условія, требуемые «правилами»! Въ свою очередь приговоры составлялись обычнымъ на Руси порядкомъ, въ которомъ видную и даже главную роль играла водка и разныя «хозяйственныя» соображенія сельскаго общества.

Несомнѣнно, что если-бы осуществилась хотя часть желаній поморовъ относительно созданія особаго управленія мурманскими промыслами, которому было-бы поручено тщательно изслѣдовать каждый случай ссуды, то, по крайней мѣрѣ, не было-бы такихъ безобразныхъ явленій, какъ въ Териберкѣ и Гавриловѣ.

Интересную картину рисуетъ Максимовъ, говоря о впечатлѣніи, которое произвели «правила» на поморовъ. «Чтобы сказать объ этомъ правду,—говоритъ онъ,—необходимо раздѣлить людей серьезныхъ, въ морскомъ отношеніи опытныхъ, честныхъ, отъ людей—охотниковъ до легкаго способа пріобрѣтенія денегъ, безъ серьезной мысли о томъ, принесетъ-ли ссуда существенную пользу, найдетъ-ли заемщикъ возможность честно выполнить обязательства передъ правительствомъ и достанетъ-ли онъ дѣйствительно средства для самостоятельнаго веденія рыбнаго промысла на Мурманскомъ берегу.

При изученіи дѣла, я имѣлъ случай видѣть лицъ обѣихъ категорій и приведу такой примѣръ. Заѣхалъ я въ становище Земляная, что на западномъ берегу Мурмана. Четверо финляндцевъ обратились ко мнѣ съ просьбою написать имъ прошеніе о выдачѣ ссудъ для самостоятельнаго веденія рыбнаго промысла. —Мы хотимъ купить ёлу въ Вардэ,—говорили они.—Теперь мы покупаемъ ёлы обыкновенно у купца Бродкорна, но намъ приходится много переплачивать, пользуясь кредитомъ у него. Надо полагать, что выгоднѣе для насъ будетъ, если мы возьмемъ въ долгъ денегъ у правительства. Мы слышали, что русскимъ рыбакамъ выдаютъ ссуды, а мы, финны, проживающіе на Мурманскомъ берегу, также русскіе подданные, и царь у насъ одинъ.—А вы знаете правила о выдачѣ ссудъ поморамъ?—Нѣтъ, не знаемъ. —Я прочиталъ имъ эти правила. Нашелся переводчикъ, который перевелъ. Финны потолкались на мѣстѣ, почесали затылки, посовѣтовались и сказали:—нѣтъ, мы не хотимъ подавать прошеніе.

Мы не хотимъ просить ссуды у правительства.—Почему-же вы не хотите?—Мы не знали, что такія правила существуютъ, а при такихъ правилахъ невозможно брать ссуды.—Почему?—Потому, что мы ничего не можемъ сдѣлать вчетверомъ на 430 р. Хорошая ёла, полезная для промысла, стоитъ по меньшей мѣрѣ 600 руб. Кромѣ того, развѣ мы можемъ взять ссуду на срокъ одиннадцати мѣсяцевъ? Если мы возьмемъ теперь 430 р., значитъ, каждому изъ насъ необходимо будетъ въ одинъ годъ, т. е. весною и лѣтомъ, выручить по сто слишкомъ рублей, чтобы вчетверомъ заплатить 430 руб. Намъ необходимо, однако, кромѣ того, выручить еще такую сумму денегъ, чтобы мы могли уплатить казенныя подати и прокормить наши семьи въ продолженіе цѣлаго года. Вы же знаете, какая цѣна на хлѣбъ существуетъ постоянно на Мурманѣ. А что, если промыселъ будетъ неудачный? Нѣтъ, нѣтъ,—говорили они,—мы не хотимъ подавать прошеніе.... Мы не знали... Мы думали, что правительство даетъ вспомоществованіе.... И они ушли.

Не такъ взглянули на дѣло выдачи ссудъ наши поморы.

—Онъ, каналья,—разсказывали мнѣ хозяева-промышленники про своихъ бывшихъ покрученниковъ, получившихъ ссуды,—задолжалъ мнѣ такъ, что я не зналъ, какъ получить съ него долги. Я ему выстроилъ домъ, задалъ ему хлѣба, денегъ, чаю, сахару, а онъ, мерзавецъ, пошелъ къ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ, взялъ ссуду и бросилъ меня, не заплативъ мнѣ ни копѣйки. Ну, и хорошо же! Очень прекрасно! Должно, казнѣ выгодно деньгами сорить. Пусть же она его и кормитъ. Только я вамъ доложу, что изъ этихъ правиловъ никакого прока не будетъ.—И, дѣйствительно, онъ былъ правъ. Познакомившись съ людьми, взявшими ссуды, я пришелъ къ заключенію, что всѣ артели, составившіяся вначалѣ, при займѣ, изъ 4 человѣкъ, давнымъ-давно распались. Прежніе члены отошли, а карбасъ (преимущественно карбасъ) остался въ собственности одного кормщика,или шлюпка перешла въ другія руки. Всѣ собственники этихъ карбасовъ въ долгу у правительства. Никто изъ никъ не уплачиваетъ долга согласно правиламъ. Приставамъ и урядникамъ стоитъ большого труда, чтобы получить съ должника въ продолженіе лѣта хотя бы самое ограниченное количество рублей въ уплату казеннаго долга....»

Эти прямо изъ жизни выхваченныя сцены гораздо лучше и живѣе объясняютъ неуспѣхъ «правилъ», чѣмъ всевозможные оф-

фиціальные отчеты. Конечно, до нѣкоторой степени правы и эти отчеты, утверждая, что причинами неудачи, между прочимъ, были неудачные промыслы въ первые годы выдачи ссудъ и дороговизна хлѣба, но все-таки главными причинами остаются только названныя выше, т. е. *краткосрочность ссудъ, чрезвычайно малый ихъ размѣръ* и выдача ихъ безъ достаточной осмотрительности, или, вѣрнѣе плохая организація чисто технической стороны дѣла—помощи самостоятельнымъ артелямъ.

Если читатель припомнитъ вышеприведенные разсчеты стоимости снаряженія карбаса и шняки въ первый и второй годы промысла и другіе элементы, изъ которыхъ слагаются издержки на производство промысла, то легко себѣ представить, что 215 р. въ первомъ случаѣ и 430 р. во второмъ далеко было не достаточно, такъ какъ вся ссуда въ обоихъ случаяхъ должна уйти на снаряженіе, и, строго говоря, ея даже не хватитъ на первоначальное обзаведеніе. Слѣдовательно, промышленнику volens-nolens придется прибѣгать къ кулацкому кредиту для содержанія семьи во время самаго промысла. Очевидно, что только въ случаѣ очень удачнаго промысла самостоятельныя артели могли сразу возвратить ссуду,—при малѣйшей неудачѣ онѣ разорялись и неминуемо распадались. По имѣющимся даннымъ, дѣйствительно, видно, что артели почти всѣ распались, а члены ихъ обратились въ большинствѣ случаевъ въ покрученниковъ, и лишь очень незначительная часть ихъ сдѣлалась въ свою очередь хозяевами покрута. Такимъ образомъ даже въ случаяхъ благопріятныхъ ссуда только содѣйствовала образованію мелкаго промышленника-капиталиста, или, вѣрнѣе, кулака.

Гора родила мышь..., и въ настоящее время, какъ это мы видѣли, даже оффиціальныя лица признаютъ это.

Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ о самостоятельныхъ промышленникахъ Кольскаго уѣзда, и мы перейдемъ къ общей характеристикѣ экономической стороны мурманскихъ промысловъ.

Эта категорія самостоятельныхъ промышленниковъ владѣетъ судами болѣе совершеннаго типа, если не всегда, то болѣе часто. Это, въ большинствѣ случаевъ, ёлы норвежскаго типа, что, кстати сказать, объясняется присутствіемъ среди самостоятельныхъ промышленниковъ Кольскаго уѣзда большого числа норвежскихъ и

финскихъ колонистовъ. Въ соотвѣтствіе съ болѣе совершеннымъ типомъ промысловаго судна, кольскіе самостоятельные ловцы употребляютъ и болѣе совершенные способы лова, т. е. смѣшиваютъ удебный ловъ съ яруснымъ (употребляя *короткій* ярусъ) на одномъ и томъ-же суднѣ, употребляя оба эти способа, смотря по обстоятельствамъ.

Однако, нужно сказать, что этотъ смѣшанный типъ лова практикуется почти исключительно финнами и норвежцами и иногда корелами—русскіе-же промышленники держатся традиціоннаго яруса и притомъ очень длиннаго.

Распредѣленіе добытой рыбы на русскихъ судахъ (шнякахъ) обычное при артельномъ производствѣ, т. е. уловъ дѣлится между всѣми участниками поровну. Совсѣмъ иначе дѣло стоитъ у норвежскихъ и финскихъ колонистовъ. У нихъ обыкновенно одинъ изъ пайщиковъ есть и собственникъ въ то-же время судна (ёла гораздо дороже шняки, особенно большая); въ силу этого уловъ распредѣляется не поровну, а такъ, чтобы хозяину судна шла $^1/_7$ часть улова, а остальное дѣлится между пайщиками поровну.

Такъ какъ группа самостоятельныхъ ловцовъ Кольскаго уѣзда представляетъ собою группу осѣдлаго населенія—колонистовъ, то пока мы не станемъ останавливаться на болѣе подробной характеристикѣ ихъ экономическаго положенія, ибо о колонистахъ Мурмана вообще, а въ томъ числѣ и Кольскаго уѣзда, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Чтобы дать представленіе о размѣрахъ мурманскихъ промысловъ, мы приведемъ относящіяся сюда данныя за послѣдніе только года. Изъ этихъ данныхъ видно, что число судовъ, занятыхъ промысломъ на Мурманскомъ берегу, колеблется въ довольно значительныхъ предѣлахъ по годамъ. Такъ, общая цифра промысловыхъ судовъ въ 1892 г. равнялась 899, между тѣмъ, въ слѣдующемъ, 1893 г.—ихъ было только 769, въ слѣдующемъ (94 г.) число это снова увеличивается на громадную цифру, достигая 997 и въ 95 году немного падаетъ до цифры 963. Число промышленниковъ, конечно, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ числомъ судовъ. Присоединяя сюда данныя ежегодныхъ улововъ, получимъ такую таблицу:

Годъ.	Число судовъ.	Число промышл.		Число пуд. добытой рыбы и жира.		На сумму.
		Хозяевъ	Покруч.	Рыбы.	Жира.	
Въ 1892 г.	899	709	2390	710.376	67.144	324.952
» 1893 г.	769	676	2408	584.627	50.220	295.755
» 1894 г.	997	815	3173	713.896	65.990	350.959
» 1895 г.	963	768	3006	799.325	39.840	516.415

Разсматривая внимательно приведенную таблицу, можно замѣтить, что особенными колебаніями отличается цифра, выражающая результаты промысловъ, особенно въ графѣ стоимости продуктовъ промысла. Это и понятно, такъ какъ уловъ на Мурманѣ не есть болѣе или менѣе опредѣленная величина, ибо, благодаря чисто естественнымъ причинамъ, уловъ можетъ быть больше и меньше, въ зависимости отъ удаленія Гольфстрема отъ береговъ, отъ погоды, отъ массоваго нашествія «кожи» и др. причинъ. Но даже внѣ этихъ причинъ, мурманскіе уловы, благодаря несовершенной организаціи промысла, дѣлающей изъ промысла до нѣкоторой степени лоттерею, очень непостоянны. Достаточно указать, наприм., на случайность извѣстій о ходѣ рыбы—промышленники узнаютъ объ этомъ въ большинствѣ случаевъ, именно, случайно: зашелъ въ становище пароходъ и сказалъ, что рыба туда-то идетъ, и промышленники устремляются въ указанномъ направленіи, но пароходъ можетъ и не зайти въ данное мѣсто, какъ можетъ не зайти и никакое другое судно.... Въ настоящее время вдоль берега проводится телеграфъ, какъ въ Норвегіи, и, конечно, движенія стай рыбы не будутъ теперь узнаваться случайно, что въ свою очередь отниметъ у промысла въ значительной степени его лоттерейный характеръ.

Въ концѣ книги мы прилагаемъ таблицу общихъ цифръ, характеризующихъ въ самыхъ, конечно, грубыхъ чертахъ общее положеніе мурманскихъ промысловъ въ теченіе послѣднихъ 16 лѣтъ (приложенія № 6-й А и В). Таблицы эти какъ нельзя болѣе убѣдительно показываютъ, что въ сущности мурманскіе промыслы, *на хорошій конецъ*, стоятъ на мертвой точкѣ въ смыслѣ развитія,

т, е. скорѣе регрессирують, чѣмъ прогрессирують, такъ какъ въ области производства всякое стояніе на мертвой точкѣ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени, есть уже регрессъ.

Представленіе о мурманскихъ промыслахъ было-бы неполное, если-бы мы не показали, въ какихъ пропорціяхъ находятся уловы различныхъ видовъ промысловыхъ рыбъ къ общему итогу улова. Треска, какъ мы говорили, занимаетъ доминирующее мѣсто въ ряду промысловыхъ рыбъ Мурмана, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ побережья иногда и другіе виды рыбъ занимаютъ ея мѣсто. Къ сожалѣнію, въ оффиціальныхъ данныхъ нѣтъ никакихъ рѣшительно указаній относительно улововъ различныхъ видовъ промысловыхъ рыбъ за цѣлый рядъ лѣтъ и отдѣльно по каждому становищу. Поэтому по необходимости приходится довольствоваться данными, относящимися только къ 1889 и 1893 г.г., которыя мы находимъ у Книповича.

Вотъ эти данныя:

Уловы въ становищахъ Западнаго Мурмана *):

Становища:	Палтуса.		Трески.		Пикшуя.		Сайды.		Воюксы.		На сушеніе трески.	
	1889г	1893г	1889г	1893г	1889г	1893г	1889г	1893г	1889г	1893г	1889г	1893г
Ворьема . .	—	5	1235	4680	1875	1400	16900	1200	5166	685	600	—
Финманское	—	—	1850	1770	2000	220	15000	500	5166	244	840	1500
Столбовое	—	—	2215	1170	5025	470	27100	950	5166	256	630	485
Малонѣмецкое.	110	—	3316	2470	7620	1275	—	—	872	365	—	—
Землянная . .	—	—	2500	—	4200	—	—	—	544	—	—	—
Червяная . .	—	—	360	—	500	—	—	—	56	—	—	—
Вайда-Губа. .	442	734	17258	70640	4354	5550	28000	240	3960	6597	—	4400
Зубовск. остр.	20	—	400	—	185	—	—	—	47	—	—	—
Цыпъ-Навол. .	35	—	535	—	100	—	—	—	60	—	—	—
Китовск. остр.	—	—	4000	2830	4500	755	—	—	700	358	500	—
Ура	—	—	2000	—	2100	—	—	—	390	—	—	—
Типаново . .	10	—	1000	—	335	—	—	—	120	—	—	—
Маловолоковая	—	—	700	—	1100	—	—	—	160	—	—	—
Больш. Мотка.	—	—	1050	—	2500	—	—	—	275	—	—	—
Мотовскій зал.	—	8	—	900	—	330	—	—	—	123	—	—

Кромѣ того, въ 89 году отмѣченъ ловъ семги въ Моткѣ (865 пуд.) и въ Печенгской Губѣ (600 пудовъ).

*) Кромѣ улововъ *семги* и *зубатки*, ловившихся въ теченіе 1889 и 1893 г.г. въ очень незначительныхъ размѣрахъ.

Уловы въ становищахъ Восточнаго Мурмана были: **)

Становища.	Палтуса.		Трески.		Пикшуя.		Сайды.		Воюксы.		На сушеніе трески.	
	1889г	1893г	1889г	1893г	1889г	1883г	1889г	1893г	1889г	1893г	1889г	1893г
Малое-Оленье.	174	—	9204	21716	14307	2916	—	—	1633	1500	166	—
Климовка . .	—	—	—	1295	—	255	—	—	—	101	—	—
Зарубиха . .	—	—	—	1165	—	150	—	—	—	105	—	—
Териберка . .	1538	950	25512	60586	36419	20415	4160	—	6580	6025	528	12
Гаврилово . .	2075	222	62295	113940	42650	30592	—	—	7562	13924	—	865
Трящино . .	99	—	11300	26281	3250	8260	—	—	1140	3527	—	12
Порчниха . .	50	—	1030	—	440	—	—	—	295	—	—	—
Щербиниха . .	—	—	—	870	—	320	—	—	—	119	—	—
Захребетная .	—	—	—	5550	—	1874	—	—	—	752	—	—
Шельпино . .	200	—	7720	17737	5590	8150	—	—	948	2552	—	140
Зеленцы . .	—	—	—	1085	—	348	—	—	—	71	—	—
Ринда . . .	—	156	30680	38760	9050	12420	—	—	3118	4396	—	898
Золотая . . .	—	76	11400	16620	4500	8410	—	—	1220	1598	—	693
Харловка , .	—	118	11790	17984	4560	10124	—	—	1227	1677	—	—
Семь-Остров. .	—	—	1280	1150	830	250	—	—	163	126	—	—
Шубино . .	—	—	—	380	—	290	—	—	—	30	—	—
Восточн. Лица.	—	—	21000	18100	16660	10633	—	—	2533	1839	—	—

Второе мѣсто, вообще говоря, въ ряду промысловыхъ рыбъ занимаетъ пикшуй, рыба менѣе цѣнная, чѣмъ треска. Вообще, приведенныя данныя даютъ довольно ясное представленіе о томъ, въ чемъ находится центръ тяжести всего мурманскаго промысла, и объясняютъ, почему мы до сихъ поръ, дѣлая характеристику этого промысла, почти исключительно говорили о трескѣ. Мурманскій берегъ въ отношеніи ловли трески представляетъ неисчерпаемый источникъ богатства. Правда, весенній ловъ трески на Мурманѣ хуже, чѣмъ на Финмаркенскомъ берегу, зато лѣтніе ловы въ свою очередь превосходятъ норвежскіе. «Поэтому и всѣ норвежскіе рыбопромышленники,—пишетъ Максимовъ,—мечтаютъ о правѣ ловли на Мурманѣ, какъ о величайшемъ счастьѣ, которое имъ не дается....»

Между тѣмъ, русскіе капиталисты и поморы на Мурманѣ разоряются, въ то время, какъ норвежцы въ періодъ какихъ-нибудь 80 лѣтъ создаютъ на берегахъ Финмаркена благоустроенные горо-

---

**) Кромѣ семги и зубатки.

да, построенные исключительно на средства, даваемыя ловомъ трески. Однако, у норвежцевъ, ведущихъ дѣло на капиталистическій ладъ, все-таки нѣтъ такихъ хозяевъ-рыбопромышленниковъ, какіе существуютъ у насъ на Мурманѣ, гдѣ преобладающей формой экономическихъ отношеній является не чисто капиталистическій покрутъ, а въ одной пятой случаевъ даже чисто артельная форма организаціи труда. Въ Норвегіи есть двѣ категоріи—промышленники и купцы (скупающіе рыбу), но «хозяевъ» въ русскомъ смыслѣ слова нѣтъ. Кромѣ того, норвежцы имѣютъ рынки для сбыта рыбы въ Испаніи, Италіи, Остъ-Индіи, Бразиліи и даже Германіи и прежде всего потому, что умѣютъ приготовлять продукты рыболовства. Нельзя сказать, что норвежцы снабжаютъ Европу рыбой потому, что не имѣютъ другихъ конкуррентовъ, кромѣ русскихъ рыбопромышленниковъ, промыселъ которыхъ и торговля находятся въ состояніи полной дезорганизаціи. Нѣтъ, норвежцамъ приходится имѣть дѣло съ очень опасными конкуррентами въ лицѣ французскихъ рыбопромышленниковъ, и однако норвежская рыба находитъ широкій сбытъ на европейскихъ и др. рынкахъ.

Между тѣмъ, говоря строго, треска и др. продукты мурманскаго рыболовства распространяются только въ Петербургѣ и Архангельской губерніи. Вездѣ, куда только проникаетъ астраханская и донская рыба, треска уступаетъ имъ мѣсто по очень понятной причинѣ: она дороже ихъ. О заграничныхъ рынкахъ не можетъ быть и рѣчи.

Лучшія характеристики нашей торговли и промышленной дѣятельности на Мурманскомъ побережьѣ мы находимъ въ трудѣ Островскаго, нашего консула въ Норвегіи, и въ извѣстномъ трудѣ проф. Данилевскаго по изслѣдованію рыбной промышленности на сѣверѣ. Впрочемъ, почти всѣ бытописатели Мурмана сходятся въ томъ, что положеніе какъ вообще промышленной дѣятельности на Мурманѣ, такъ, въ особенности, нашихъ торговыхъ сношеній съ Норвегіей, отличается крайними аномаліями.

Для характеристики организаціи промысловъ было уже достаточно сказано—остается поэтому дополнить картину экономическаго состоянія Мурмана данными, относящимися къ нашей торговлѣ продуктами рыболовства.

Торговля съ Норвегіей тѣсно связана съ мурманской промышленностью, и безъ знакомства съ первой нельзя ясно пред-

ставить себѣ состояніе второй. Торговля эта началась съ половины прошлаго столѣтія и существуетъ до нашихъ дней, постоянно развиваясь. Въ сущности вся почти торговля носитъ мѣновой характеръ—русскія суда, нагруженныя преимущественно мукой и вообще продуктами земледѣлія, по издавна заведенному порядку приходятъ въ гавани Вадзе, Вардэ, Гамерфеста и Тромзе, гдѣ подвергаются таможенному осмотру и затѣмъ приступаютъ къ обмѣну своего товара на рыбу у финмаркенскихъ рыбопромышленниковъ. Русскіе поморы—судовладѣльцы, на судахъ которыхъ привозятся въ Норвегію вышеуказанные товары, иногда оставляютъ свои суда зимовать въ Вардэ или на западномъ берегу Мурмана, чтобы быть поближе къ Финмаркену. Эта категорія судовладѣльцевъ въ то-же время и крупные хозяева покрута, имѣющіе по нѣскольку шнякъ; они задаютъ съ осени промышленникамъ задатки и собираютъ покрученниковъ ранней весной на берегъ Финмаркена, гдѣ путемъ фиктивныхъ сдѣлокъ съ норвежскими промышленниками русскіе покрученники занимаются ловомъ трески въ самое благопріятное время, т. е. ранней весной. Но такихъ промышленниковъ всегда было очень немного, такъ какъ для подобныхъ операцій нужно было обладать нѣкоторымъ капиталомъ, а въ послѣднее время, повидимому, совсѣмъ уже нѣтъ такихъ предпринимателей на Мурманѣ, ибо норвежцы, понявъ невыгодность для нихъ этихъ торгово-промышленныхъ операцій, перестали заключать съ русскими поморами фиктивныя сдѣлки.

Большая-же часть судовъ русскихъ, нагрузившись въ Россіи мукой, крупой и лѣсомъ и выдержавъ таможенный осмотръ въ Норвегіи, разсыпаются по заливамъ и становищамъ Финмаркена и дѣятельно занимаются обмѣномъ на рыбу. Издавна это право русскихъ производить непосредственно мѣновую торговлю съ норвежскими рыболовами возбуждало неудовольствіе норвежскаго торговаго класса. Впрочемъ, это право непосредственной торговли, безъ содѣйствія норвежскихъ купцовъ принадлежитъ русскимъ только съ 15-го Іюня, а такъ какъ по климатическимъ условіямъ Финмаркена самый дорогой сортъ рыбы, заготовляемый для европейскихъ рынковъ (Rundfisk, Klippfisk), можетъ быть приготовленъ только до 15-го Іюня, то, очевидно, для русскихъ, предоставленный имъ свободный срокъ для мѣновыхъ сношеній, не представляетъ особеныхъ выгодъ, давая возможность только засаливать

рыбу *). До 15-го Іюни русскіе могутъ вести торговлю только при посредствѣ норвежскихъ купцовъ. Благодаря этому, норвежцы имѣютъ громадныя преимущества передъ русскими и держатъ ихъ въ своихъ рукахъ. Положеніе русскихъ купцовъ и промышленниковъ (промышляющихъ на берегахъ Финмаркена) было-бы совсѣмъ невозможно, если-бы въ свою очередь норвежцы не нуждались въ русскомъ сырьѣ: хлѣбѣ, крупѣ, дровахъ, лѣсѣ и т. п. Норвежскіе законы воспрещаютъ русскимъ промышлять рыбу на своихъ судахъ во многихъ еще становищахъ Финмаркена **), кромѣ Вардэ,—въ Вардэ же въ особенности, и потому именно, что тамъ весенній промыселъ лучше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Постоянная потребность въ русскомъ сырьѣ заставляла, однако, норвежцевъ быть уступчивыми, вслѣдствіе чего въ теченіе послѣднихъ лѣтъ у русскихъ поморовъ вошло въ обычай заключать съ норвежскими купцами фиктивные договоры, благодаря которымъ русскія суда записывались какъ норвежскія и пріобрѣтали въ силу этого право ловить рыбу въ Вардэ. Пока эти фиктивныя сдѣлки практиковались, русскіе предприниматели получали хорошіе барыши, и число русскихъ судовъ, промышлявшихъ у береговъ Финмаркена, достигало довольно крупной цифры. Однако, финмаркенскіе купцы, понявъ невыгодность для себя такихъ сдѣлокъ, въ послѣднее время не только ихъ прекратили, но и предприняли цѣлый походъ противъ русскихъ поморовъ съ цѣлію понизить цѣны на продукты норвежской рыбопромышленности. Походъ норвежскихъ купцовъ удался—въ настоящее время въ Норвегію ходятъ только на лѣтній промыселъ и притомъ такая категорія поморовъ—судовладѣльцевъ, которая оперируетъ товарами, взятыми въ кредитъ, и собственнаго капитала не имѣетъ. Норвежскіе купцы добились своей цѣли очень простымъ способомъ. Надо было возстановить законъ, не позволяющій русскимъ промышлять у береговъ Финмаркена въ извѣстное время или позволяющій промышлять, но съ соблюденіемъ установленныхъ закономъ условій, т. е. производить промыселъ не болѣе 30 верстъ отъ берега и непремѣнно съ норвеж-

*) Съ 15-го Іюня на Финмаркенѣ наступаетъ сырая погода и туманы, мѣшающіе сушить треску (Rundfisk), благодаря тому, что отъ сырости въ рыбѣ *заводятся* черви—make, почему и время свободной мѣновой торговли русскихъ называется у норвежцевъ Maketied.

**) Кибергъ, Гавнигбергъ, Водефіордъ, Берлевогъ, Гамвигъ и Стенсвигъ,

скимъ кормчимъ. Норвежскіе купцы подбили промышленниковъ Вардэ подать правительству жалобу на стѣсненія, которыя они испытываютъ отъ незаконной ловли русскими судами (записанными на имя норвежскихъ подданныхъ) въ Финмаркенскихъ водахъ. Результатомъ этой жалобы было запрещеніе подъ страхомъ конфискаціи записывать русскія суда на норвежцевъ и подтвержденіе необходимости строго соблюдать законъ о ловлѣ на извѣстномъ разстояніи отъ берега и съ норвежскимъ кормчимъ. «Большаго стѣсненія,—говоритъ Максимовъ—нельзя было придумать. Лучшіе люди были заняты на норвежскихъ ёлахъ. Русскимъ доставались кормщиками пьяницы и негодяи, которые забирали деньги впередъ и уходили. Наши промышленники теряли время на пріисканіе другого кормщика, который продѣлывалъ съ ними ту-же штуку....» Дѣйствительно, до возстановленія закона русскихъ судовъ въ одномъ становищѣ Кибергъ было 74 и людей—296. Но уже въ 92 г., послѣ циркулярнаго оповѣщенія всѣхъ русскихъ промышленниковъ и судовладѣльцевъ о необходимости строго соблюдать упомянутый законъ, число судовъ на Финмаркенскомъ берегу сразу упало до 17 и людей—67. «Замѣчательно, комментируетъ Максимовъ, что циркуляръ былъ изданъ административнымъ образомъ, а содержаніе закона, приведеннаго въ циркулярѣ, не было обсуждено въ парламентѣ народными депутатами, что не согласуется съ основными законами страны, равно какъ содержаніе циркуляра не было опротестовано и нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Христіаніи....»

Роль помора во время его лѣтнихъ операцій въ Норвегіи тоже не особенно завидна. Когда русскіе поморы стоятъ въ Вардэ большой эскадрой, то, естественно, каждому изъ нихъ хочется какъ можно скорѣе нагрузиться рыбой и идти въ Архангельскъ. Благодаря этому, русскіе поморы другъ передъ другомъ сбиваютъ цѣны на свой товаръ, иногда доходя до невѣроятныхъ предѣловъ. Вообще же говоря, можно считать обыкновеннымъ явленіемъ, что *русская мука* и т. п. товары стоятъ въ Норвегіи дешевле, чѣмъ въ Архангельскѣ, гдѣ поморы забираютъ ихъ въ кредитъ. Иначе поступать поморы не могутъ, такъ какъ, забирая, навязываемый имъ архангельскими купцами, товаръ въ большемъ, чѣмъ нужно, количествѣ, не сообразуясь ни съ спросомъ, ни съ предложеніемъ, поморъ поставленъ въ необходимость или прекращать свои опера-

ціи, или сбывать свой товаръ по минимальнымъ цѣнамъ въ разсчетѣ выручить потерю на норвежской рыбѣ, которая въ Норвегіи *гораздо дешевле, чѣмъ въ Архангельскѣ.* Прекрасно иллюстрирующій такое нелѣпо-парадоксальное состояніе нашей торговли съ Норвегіей разговоръ записываетъ Максимовъ.

— Зачѣмъ вы ходили лѣтомъ въ Норвегію?—спрашиваю я помора.

— Торговать,—отвѣчаетъ тотъ.

— Разскажите, какъ вы торговали.

— Я взялъ въ кредитъ въ Архангельскѣ 300 штукъ бревенъ, обтесанныхъ съ двухъ сторонъ, длиною 9 аршинъ, толщиною 4—6 вершковъ. 20 Мая вышелъ въ Тромзе. Продавалъ эти бревна по 2 кроны за штуку (1 руб).

Замѣтьте, что каждое бревно (6-ти вершковое) вытесано изъ 7-ми вершковаго дерева, а за 7-ми вершковое дерево заводчикъ платитъ въ казну по таксѣ 2 руб. 95 коп. Кромѣ того, онъ долженъ-же взять съ помора барышъ. Слѣдовательно, поморъ продаетъ бревна въ убытокъ. На что-же онъ надѣется?

— Нѣкоторыя бревна я обмѣнивалъ на соль. Бочка соли въ 7 пудовъ оцѣнивалась при обмѣнѣ въ 3 кроны 25 ёръ (приблизительно 1 руб. 65 коп.).

Во всякомъ случаѣ, убытокъ. Но поморъ считаетъ, что онъ продалъ, при обмѣнѣ, съ барышомъ, потому что, если бы ему пришлось покупать соль на Мурманѣ, то онъ принужденъ былъ-бы платить 26, 29, 35 и 40 коп. за пудъ.

— Потомъ я отправился шхерами,—продолжалъ разсказывать поморъ,—на югъ, въ становище Хольменъ. Здѣсь я обмѣнивалъ муку на рыбу. За одинъ пудъ муки (1 р. 50 коп., если куль стоитъ $13^1/_2$ руб.) мнѣ давали 6 пуд. сайды, которую я продавалъ на ярмаркѣ по 65 коп. за пудъ.

Положите фрахтъ, стоимость соли (5 пуд. соли на 20 пуд. рыбы), за трудъ посолки и получится, все-таки, барышъ. Фрахтъ остается въ его пользу.

— За одинъ пудъ муки мнѣ давали одну палтусину, больше пуда. Палтусина продаетсд средняя за 3 руб. пудъ, а крупная—4 руб. пудъ. Палтусины было малость, и я ее оставилъ для себя. За одинъ пудъ муки мнѣ давали 2 пуда свѣжей трески, которую, посоливъ, я продавалъ за 1 р. 50 коп. пудъ.

Слѣдовательно, и при этомъ онъ имѣлъ нѣкоторый барышъ, да фрахтъ остался въ его пользу. Когда онъ возмѣстилъ убытки, понесенные при продажѣ бревенъ, то много-ли барыша осталось въ его пользу? Онъ работаетъ изъ-за фрахта. И такъ, поморъ надѣется всегда выкрутиться изъ бѣды при продажѣ рыбы, какія-бы невыгодныя сдѣлки онъ ни совершалъ, пользуясь чужимъ товаромъ. Если случается плохой промыселъ или слишкомъ обильный на Мурманѣ, или урожай грибовъ и овощей въ губерніи, то надежды помора, торгующаго въ Норвегіи, лопаются, какъ мыльный пузырь, и онъ банкротится. Интересы двухъ партій поморовъ—мурманскихъ и лѣтне-норвежскихъ—до нѣкоторой степени противоположны. Все это не служитъ признаками нормальности торговли....»

Ясно, что подобныя, по-истинѣ дутыя, операціи нашихъ поморовъ не могутъ долго продолжаться. И въ настоящее время наиболѣе солидные изъ поморовъ, обладающіе нѣкоторымъ капиталомъ и болѣе осторожные, совсѣмъ прекратили торгъ въ Норвегіи и ходятъ только на Мурманъ.

Для мурманскаго промышленника, оперирующаго продуктами рыболовства, самыми условіями, въ какихъ протекаетъ его дѣятельность, создается своего рода circulus viciosus—для операцій на Мурманѣ нужны деньги, на которыя онъ покупаетъ соль и рыбу, а у него есть только судно. Достать денегъ можно только у архангельскаго купца, или, вѣрнѣе, можно достать въ кредитъ товаръ. Получивъ товаръ, поморъ во что бы то ни стало долженъ его сбыть въ обмѣнъ на рыбу, такъ какъ по норвежскимъ законамъ онъ не имѣетъ права сбывать его за деньги. Слѣдовательно, все зависитъ отъ того, оправдается-ли разсчетъ на большую цѣну осенью въ Архангельскѣ и низкую цѣну въ Норвегіи лѣтомъ? Какъ нетрудно видѣть, въ хаотическомъ безпорядкѣ, который царитъ въ области нашихъ торговыхъ сношеній съ Норвегіей, подобные разсчеты болѣе или менѣе фантастичны и приводятъ неизбѣжно въ концѣ концовъ къ крахамъ и банкротствамъ.

Несмотря, однако, на въ высшей степени ненормальныя условія торговли съ Норвегіей, она замѣтно растетъ даже въ настоящее время, а въ прошломъ, до стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ въ отношеніи ея норвежцами, ростъ этотъ совершался въ очень крупныхъ размѣрахъ. Такъ, проф. Данилевскій приводитъ данныя

за 9 лѣтній періодъ времени съ 1782 г. по 1790 г. о привозѣ продуктовъ мурманскаго рыболовства ко всѣмъ бѣломорскимъ портамъ, причемъ изъ этихъ данныхъ видно, что въ среднемъ выводѣ привозъ этотъ составлялъ 189.309 пудовъ (трески, палтуса, сайды, сала и т. д.). Нужно замѣтить, что въ этомъ числѣ считается и рыба, вымѣненная въ Норвегіи, такъ какъ до 1859 г. въ свѣдѣніяхъ Архангельской таможни не различалась рыба, выловленная на Мурманѣ, отъ рыбы, пріобрѣтенной въ Норвегіи. Въ десятилѣтіе съ 1826 г. по 1835 г. съ Мурмана среднимъ числомъ приводилось 177.249 пуд., а изъ Норвегіи 43.376 пуд.; въ слѣдующее 10-лѣтіе (съ 36 по 45 г. г.) съ Мурмана привозилось только 127.778 пудъ., между тѣмъ, изъ Норвегіи привозъ увеличился до 111.518 пуд. Спустя 70 лѣтъ *), т. е. въ 1859 г., общій привозъ рыбы къ одному только Архангельскому порту возросъ до 326.981 пуд., а ко всѣмъ портамъ до 450.000 пуд., между тѣмъ какъ уловъ трески собственно на Мурманѣ оставался все время почти безъ перемѣны. **) Въ среднемъ выводѣ за десятилѣтіе съ 1855 по 1865 г. привозъ рыбы изъ Норвегіи возросъ до 377.235 пуд. Слѣдовательно, увеличеніе, и такое энергичное, привоза рыбы происходило, главнымъ образомъ, на счетъ норвежской рыбы. Въ теченіе послѣднихъ 35 лѣтъ развитіе мѣновой торговли съ Норвегіей и, слѣдовательно, ввозъ норвежской рыбы происходятъ менѣе интенсивно, какъ это можно видѣть изъ цѣлаго ряда данныхъ, относящихся къ этимъ годамъ и характеризующихъ состояніе мѣновой торговли нашей съ Норвегіей (см. приложеніе № 7-й.) Впрочемъ, какъ это видно изъ данныхъ, которыя мы находимъ у Гулевича, въ теченіе указаннаго времени былъ промежутокъ, когда привозъ изъ Норвегіи собственно трески возрасталъ очень энергично. Такъ,

Годъ.	Привозная треска съ русскаго берега.	Привозная тресса изъ Норвегіи.
1875	99.407. пуд.	532.290. пуд.
1876	127.442. »	604.883. »
1877	220.830. »	596.960. »

*) Мы пропускаемъ промежуточные годы, такъ какъ свѣдѣнія за эти годы слишкомъ недостовѣрны.

**) Точной цифры его опредѣлить нельзя.

1878	104.250. »	500.560. »
1879	150.540. »	695.680. »
1880	154.682. »	766.908. »
1881	268.725. »	813.795. »

Какъ ни незначительны приведенные факты, однако, и изъ нихъ нельзя не видѣть, что увеличеніе количества рыбы, привозимой съ Мурмана и изъ Норвегіи, можетъ быть доведено до гораздо большихъ предѣловъ. Очевидно, спросъ на продукты мурманской промышленности есть и, если удовлетворяется этотъ спросъ только на счетъ норвежской рыбы, то несомнѣнно онъ могъ-бы удовлетворяться и на счетъ продуктовъ мурманскаго происхожденія, во первыхъ и во-вторыхъ, только полная дезорганизація какъ самихъ промысловъ, такъ и торговли продуктами этихъ промысловъ, мѣшаетъ мурманской рыбѣ находить себѣ сбытъ далеко за предѣлами Архангельской губ., а не только въ одномъ Петербургѣ.

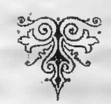
Конечно, съ точки зрѣнія развитія мурманскихъ промысловъ слѣдуетъ желать возможно болѣе широкаго распространенія продуктовъ именно мурманскаго происхожденія, но съ точки зрѣнія того ограниченнаго круга *потребителей* какъ мурманской, такъ и норвежской рыбы, который существуетъ въ настоящее время, желать такого распространенія особенно не приходится. Причины этому весьма понятны, ибо дешевая и лучшаго качества норвежская рыба, въ настоящее время доминирующая надъ русской, съ точки зрѣнія потребителя предпочтительнѣе дорогой и скверной русской. Такимъ образомъ, потребитель мурманской рыбы—въ большинствѣ случаевъ бѣдный крестьянинъ,—для котораго треска составляетъ главный пищевой продуктъ, можетъ только огорчаться относнтельнымъ замедленіемъ въ ростѣ нашей мѣновой торговли съ Норвегіей.

Въ концѣ концовъ, какъ это ни обидно для нашего національнаго самолюбія, значительнѣйшая часть (иногда до $^3/_4$), ввозимой въ Архангельскій портъ и въ Петербургъ, рыбы вовсе не мурманскаго происхожденія, а норвежскаго. Подобное положеніе вещей, при наличности *неисчерпаемыхъ рыбныхъ богатствъ Мурманскаго моря*, является своего рода наглядной несообразностью, одной изъ тѣхъ несообразностей, которыми такъ богата вообще русская дѣйствительность и въ особенности народно-хозяйственная жизнь.

Выше мы не разъ указывали и на другія несообразности, и, по-скольку намъ позволялъ фактическій матеріалъ, мы старались показать логическую между ними связь. Но для полнаго уразумѣнія хаоса и дезорганизаціи въ экономической жизни нашего сѣвера недостаетъ очень многихъ деталей, и въ настоящемъ трудѣ почти невозможно ихъ всѣ даже намѣтить—для этого потребуется цѣлый рядъ изслѣдованій, которыя бы охватили по возможности всѣ крупнѣйшіе моменты народно-хозяйственной жизни всего сѣвера. Въ виду этого, въ настоящемъ трудѣ намъ приходится довольствоваться только тѣми явленіями, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ Мурману.

Къ сожалѣнію, оффиціальная статистика такъ плохо поставлена, что даже о такихъ крупныхъ явленіяхъ, какъ ввозъ къ намъ норвежской рыбы, приходится говорить не на основаніи точныхъ данныхъ, а на основаніи показаній свѣдущихъ людей и по приблизительнымъ вычисленіямъ. Оффиціальныя данныя, наприм., говорятъ, что въ 1894 г. въ Петербургъ и порты Балтійскаго моря было отправлено 321.196 пуд. трески, пикшуя, палтусины и зубатки, тогда какъ знатоки дѣла утверждаютъ, что въ Петербургъ одинъ вывозится гораздо больше рыбы; опять таки, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ бѣломорскіе порты ввозится въ настоящее время 500—600 тысячъ пудовъ *норвежской рыбы*, между тѣмъ, такіе знатоки Мурмана, какъ Таратинъ, утверждаютъ, что въ настоящее время въ одинъ только Архангельскъ «ежегодно бываетъ подвозъ рыбы изъ Норвегіи на поморскихъ судахъ около 1.000,000 пудовъ....»

Во всякомъ случаѣ, несообразность положенія вещей очевидна—нашъ сѣверъ въ значительной мѣрѣ питается норвежской рыбой, имѣя богатѣйшія промыслы на Мурманскомъ побережьи, эксплуатируемые при томъ не со вчерашняго дня, а съ XIII столѣтія....

VI.

Колонизація Мурмана и бытовыя условія жизни промышленниковъ и колонистовъ.

Еще большей жизненной несообразностью на Мурманѣ является *колонизація* этого побережья. Но прежде, чѣмъ говорить о современномъ положеніи мурманской колонизаціи, бросимъ взглядъ на ея прошлое.

Древнѣйшимъ поселеніемъ на Мурманскомъ берегу можно считать Колу, о которой въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1264 годомъ. Когда и кѣмъ основана Кола—не извѣстно въ точности, и существуетъ только предположеніе, что она скоро стала центромъ, куда стягивался промысловый людъ для ловли трески главнымъ образомъ. Первоначально Кола стягивала къ себѣ и мезенцевъ, и холмогорцевъ, пинежанъ, онежанъ и кемлянъ, но съ теченіемъ времени Колу начинаетъ посѣщать все меньшее и меньшее количество промышленниковъ, благодаря общему упадку самостоятельнаго промысла на Мурманѣ и усиленію мѣновой торговли съ Норвегіей, главнымъ предметомъ которой была рыба. Кола пережила въ теченіе 600 лѣтъ цѣлую, богатую фактами исторію, но въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ касаться этой исторіи—Кола интересуетъ насъ, только какъ первое русское поселеніе на Мурманѣ. Въ этомъ смыслѣ значеніе Колы, первоначально возраставшее, съ XV вѣка начинаетъ падать, или, по крайней мѣрѣ, остается въ теченіе 300 лѣтъ, вплоть до нынѣшняго времени на одной и той-же точкѣ.

Въ XVI столѣтіи, на берегу Варангерскаго залива возникло другое русское поселеніе. Это была Печенгская колонія, созданная преподобнымъ Трифономъ, просвѣтителемъ лопарей. Кстати сказать, тотъ-же Трифонъ при устьѣ Печенги построилъ нѣсколько позднѣе монастырь. Много разъ Печенгская колонія подвергалась нападеніямъ шведовъ, смотрѣвшихъ съ завистью на фактъ захвата русскими Мурманскаго берега. Издавна печенгская колонія грамотами русскихъ царей была надѣлена вотчинными и торговыми правами. Какъ видно изъ этихъ грамотъ, во владѣніи

колоніи были рыбныя ловли и соляныя варницы и даже сѣнные покосы. Это послѣднее указаніе имѣетъ большое значеніе, ибо показываетъ, что издавна уже Мурманъ считался не только временной стоянкой рыбопромышленниковъ, но и служилъ мѣстомъ осѣдлаго поселенія, жители котораго могли заниматься скотоводствомъ. Въ 1764 г. Печенгскій монастырь былъ упразднёнъ, и въ настоящее время владѣнія монастыря отошли въ казну. Ежегодно, однако, и до сихъ поръ бываетъ значительное стеченіе народа, приходящаго издалека для поклоненія памяти просвѣтителя лопарей. Норвежцы, пользуясь стеченіемъ народа, привозятъ на берегъ Варангерскаго залива свои товары, преимущественно ромъ и англійскіе ликеры, и ведутъ не безвыгодную для себя торговлю. Кстати сказать, преобладаніе рома и ликеровъ въ числѣ предметовъ торговли съ русскими богомольцами указываетъ до нѣкоторой степени на искренность и высоту молитвеннаго настроенія, съ которымъ русскіе идутъ въ мѣста, гдѣ обиталъ нѣкогда столь чтимый ими святой.

Лучшій историкъ Лапландіи Дергачевъ, однако, говоритъ, что теперешній торгъ норвежцевъ и русскихъ на берегу Варангерскаго залива «лишь одна тѣнь старинной ярмарки, какая тутъ процвѣтала во время существованія Печенгской обители, особенно въ XVI вѣкѣ». «Тутъ былъ,—говоритъ историкъ,—свой портофранко, въ которомъ продавались не одни наличные товары съ монастырскихъ амбаровъ и съ борта кораблей, но и въ сроки, а главнѣйшіе товары имѣли постоянную цѣну мурманскую и заграничную. Въ подтвержденіе этого можетъ служить слѣдующій фактъ, заимствованный изъ торговой книги 1375 г., а именно, «наказъ» одного русскаго купца, повидимому, посылавшаго своего довѣреннаго на Мурманскій берегъ: «1) 1575 г. на Мурманскомъ берегу смолы бочка продана по 4 ефимка. въ свою цѣну станетъ 1 р. 10 алтынъ и 4 деньги, въ голландской землѣ купять по 3 ефимка, и ты имайся на 500. 2) На Мурманскомъ берегу вару бочка вѣсомъ въ 7 пудовъ купить за полъ третья рубля, въ Брабанѣхъ бочка по 9 ефимковъ, и ты сговаривайся на 100 бочекъ. 3) На Мурманскомъ берегу сѣры еловыя, чистыя, показавъ образецъ, цѣною говори въ бочку по 19 ефимковъ, и ты имайся на 70 бочекъ и т. д...»

По словамъ Дергачева, въ устьяхъ Печенги и Пазрѣки въ то время спускались на воду большія нормандскія лодки и мелкія промысловыя суда. Кромѣ иноковъ, монастырь имѣлъ бобылей, слугъ и «дѣтенышей», содержалъ также солеваровъ, и изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича, данной въ 1675 г. Печенгскому монастырю, видно: «что Печенгскій монастырь за удовлетвореніемъ своихъ потребностей и мѣстной распродажи отпускалъ во внутренніе города Россіи до 40 т. пудъ соли безъ всякой пошлины по особой привиллегіи. Монастырь имѣлъ мельниковъ, разныхъ мастеровыхъ, морскихъ и горныхъ звѣролововъ, а на перевозныхъ ладьяхъ кормщиковъ, носовщиковъ и т. д. и всему этому населенію давалъ средства въ своихъ промыслахъ, торговлѣ и другихъ занятіяхъ. Въ XVI столѣтіи монастырскія суда выходили изъ своихъ Варангерскихъ гаваней, нагруженныя не одними произведеніями домашней принадлежности, но и нѣмецкими товарами, полученными на Печенгскомъ торжкѣ и въ Датскихъ заливахъ, а можетъ и далѣе. Кромѣ того, товары эти перегружались съ монастырскихъ судовъ, въ Архангельскѣ и Холмогорахъ, на рѣчныя суда, а сбытъ ихъ происходилъ во всѣхъ попутныхъ городахъ и торжкахъ, начиная съ Архангельска до Вологды и Ярославля. Нѣкоторые грузы зимнимъ путемъ доставлялись прямо въ Москву. При такой обширной операціи Печенгскій монастырь имѣлъ въ главныхъ пунктахъ свои подворья для склада товаровъ привозныхъ и закупа мѣстныхъ. Покупались и обратно привозились: рожь, ячмень, овесъ, солодъ, крупа, толокно, сѣмя конопляное, масло, мясо, пшеница, горохъ, медъ, воскъ, холсты, точила и всякія сукна, кожи дубленыя, бѣлая юфть и красная юфть, конопля, прядево всякое на невода, сѣти, подольники, судовая снасть, лодейные шеймы (тросы и канаты) и на заводы смола и всякіе заморскіе запасы безпошлинно....».

Къ сожалѣнію, исторія заселенія Лапландіи не сохранила фактовъ, которые бы говорили о болѣе мелкихъ поселеніяхъ, чѣмъ Кола и Печенгскій монастырь, на Мурманѣ. Изъ писцовыхъ книгъ 1608, 1609 и 1610 г.г. Алая Михалкова и дьяка Василья Мартемьянова можно только видѣть, что на западномъ Мурманѣ въ то время было 21 становище съ 121 промысловой избой, а на восточномъ—29 становищъ съ 75 избами. Но эти факты означаютъ только, что Мурманскій берегъ *посѣщался* русскими промышлен-

никами, но, были-ли хотя нѣкоторыя изъ этихъ становищъ постоянными, осѣдлыми поселеніями, указаній никакихъ не имѣется.

Точныя извѣстія объ образованіи колоній на Мурманскомъ берегу начинаютъ встрѣчаться только со второй половины нынѣшняго вѣка, и именно: въ 1861 г. на западномъ Мурманѣ образуется изъ финляндцевъ въ Ура-губѣ колонія; въ этомъ же году на западномъ опять Мурманѣ образуются новыя три колоніи, но изъ норвежцевъ—въ Вайда, Земляной и Печенгской губахъ. Всѣ эти поселенцы безъ всякихъ субсидій со стороны правительства обзавелись не только рогатымъ скотомъ, но и ввели въ своемъ хозяйствѣ огородничество, чѣмъ, конечно, прекрасно доказали, что берегъ Мурмана вполнѣ доступенъ для колонизаціи. Впрочемъ, главное вниманіе колонистовъ, кромѣ рыболовства, было обращено на вырубку лѣса, который они самыми хищническими способами уничтожали для продажи. Своевременно администрація обратила на это вниманіе и воспретила безпощадную рубку. Приблизительно въ это же время правительство вызвало къ жизни особую комиссію (или даже цѣлую серію комиссій), возложивъ на нее обязанность обсудить и выяснить цѣлый рядъ мѣръ для поднятія экономическаго благосостоянія сѣвера. Въ числѣ этихъ мѣръ комиссія намѣтила и колонизацію Мурмана. И, дѣйствительно, вскорѣ, по ходатайству Архангельскаго губернатора князя Гагарина, были выработаны и опубликованы во всеобщее свѣдѣніе особыя льготы, которыя представлялись всѣмъ безъ изъятія переселенцамъ на Мурманскій берегъ.

Благодаря этимъ льготамъ, 1) переселенцы на Мурманскій берегъ изъ русскихъ подданныхъ, а также изъ иностранцевъ, принявшихъ русское подданство, пользуются: а) въ отношеніи торговли съ Норвегіею правами, предоставленными жителямъ поморскаго края Архангельской губерніи, и б) льготами, предоставленными бывшимъ государственнымъ крестьянамъ при переселеніи изъ одной губерніи въ другую, за исключеніемъ льготы отъ рекрутской повинности. 2) Переселенцы на Мурманскій берегъ, не выключая иностранцевъ, принявшихъ подданство въ Россіи, подлежатъ отбыванію воинской повинности на общихъ для всѣхъ россійскихъ подданныхъ основаніяхъ; но впредь, до иного распоряженія, переселенцы эти освобождаются отъ назначенія на дѣйствительную службу и зачисляются прямо въ запасъ флота: при этомъ пересе-

ленцы не призываются ни къ личному вынутію жеребья, ни къ освидѣтельствованію ихъ здоровья и тѣлосложенія; жеребья-же вынимаются за нихъ, какъ за отсутствующихъ, предсѣдателемъ подлежащаго присутствія по воинской повинности, а требуемое на службу число новобранцевъ назначается безъ освидѣтельствованія. 3) Всѣ безъ изъятія приписавшіеся къ осѣдлому поселенію на Мурманскомъ берегу переселенцы, или колонисты, освобождаются отъ платежа государственныхъ податей и отбыванія денежныхъ и натуральныхъ повинностей срокомъ на десять лѣтъ, считая со дня утвержденія этого положенія. Пользованіе этою льготою сливается во времени съ восьми-лѣтнею личною льготою отъ податей и повинностей, предоставленною переселенцамъ по силѣ ст. I положенія; но послѣдняя льгота, впредь до особаго распоряженія, не подлежитъ сокращенію въ случаѣ истеченія десяти-лѣтняго срока общей льготы. 4) Въ теченіе шести лѣтъ со дня утвержденія настоящаго положенія, Мурманскіе колонисты могутъ: а) заниматься всякаго рода торговлею и промыслами на Мурманскомъ берегу безъ взятія установленныхъ на право торговли свидѣтельствъ и билетовъ; б) получать безпошлинно для собственнаго употребленія и для продажи въ колоніяхъ и на всемъ Мурманскомъ берегу привозимые на русскихъ и иностранныхъ судахъ иностранные мануфактурные, колоніальные и другіе товары, каковые товары въ предѣлахъ колоніи не будутъ признаваемы контрабандными, и в) освобождаются отъ платежа гербовыхъ сборовъ, за исключеніемъ совершенія купчихъ при покупкѣ земель. 5) Губернскому начальству предоставляется, по его усмотрѣнію, на каждое семейство, вновь поселяющееся или уже поселившееся на Мурманскомъ берегу, назначать ссуду отъ 50 до 160 руб. на первоначальное обзаведеніе, съ разсрочкою платежа этихъ денегъ на 6 лѣтъ, подъ круговое ручательство мѣстнаго общества или подъ обезпеченіе имуществомъ. 6) Каждое семейство, имѣющее поселиться на Мурманскомъ берегу, или уже тамъ поселившееся, но не успѣвшее воспользоваться безвозмезднымъ отпускомъ лѣса изъ казенныхъ дачъ, можетъ получить пособіе въ размѣрѣ, по усмотрѣнію губернскаго начальства, отъ 100 до 200 руб. на покупку лѣса, необходимаго для постройки жилья или судна, съ тѣмъ, чтобы означенное пособіе, если оно не будетъ употреблено на предметъ его назначенія, было зачисляемо въ ссуду и подлежало возврату въ тече-

ніе шести лѣтъ, наравнѣ съ ссудами на первоначальное обзаведеніе, упоминаемыми въ ст. 5. 7) Переселенцамъ на Мурманскій берегъ производится отпускъ хлѣба изъ торговыхъ магазиновъ за деньги и въ ссуду на основаніи существующихъ правилъ. 8) Переселенцамъ предоставляется право заниматься промыслами пушныхъ звѣрей и птицъ, а также ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, находящихся близъ колоніи. 9) Переселенцамъ разрѣшается всѣ прошенія и объявленія подавать мѣстному и губернскому начальству на болѣе свойственномъ имъ языкѣ: русскомъ, финскомъ или норвежскомъ. 10) Всѣ эти льготы, включая и выдачу денежныхъ пособій, распространяются и на кочующихъ лопарей, которые изъявили-бы желаніе принять осѣдлость на Мурманскомъ берегу. 11) Устройство волостей мурманскихъ колонистовъ предоставляется губернскому начальству, на основаніи положенія 19 Февраля 1851 года, и притомъ отдѣльно отъ волостей лопарей. 12) Иностранцы, желающіе приписаться къ осѣдлому населенію Мурманскаго берега, обязаны вступить въ подданство Россіи и принять присягу на вѣрность предъ мѣстнымъ становымъ или мировымъ посредникомъ и притомъ въ избранномъ для осѣдлости мѣстѣ. Предварительно допущенія къ присягѣ, каждый иностранецъ долженъ представить удостовѣреніе мѣстныхъ властей своего правительства о томъ, что не подвергался и не подлежитъ отвѣтственности за уголовное преслѣдованіе и за несостоятельность. 13) Колонисты изъ иностранцевъ, вступившихъ въ русское подданство, могутъ быть избираемы въ волостные старшины, волостные судьи и на другія общественныя должности, но не иначе, какъ по прожитіи ими трехъ лѣтъ въ качествѣ русскихъ подданныхъ въ предѣлахъ Россіи и притомъ, если обладаютъ достаточнымъ значеніемъ русскаго языка. 14) Министерство Финансовъ, по соглашенію съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, предоставляетъ разрѣшать лицамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ 1-й и 2-й гильдіи, учрежденіе на Мурманскомъ берегу торговопромышленныхъ факторій, съ распространеніемъ на нихъ льготъ, разрѣшенныхъ п. а) ст. 1 и ст. 4 и 9, и съ припискою содержателей факторій, а равно и лицъ, при факторіи состоящихъ, къ ближайшей колоніи. 15) Торговля крѣпкими напитками на Мурманскомъ берегу остается, впредь до иного распоряженія, свободною отъ акциза и таможенной на привозимые напитки пошлины,

но губернскому начальству предоставляется, по соглашенію съ волостными управленіями, остановить правила относительно числа мѣстъ оптовой и розничной продажи крѣпкихъ напитковъ и времени ихъ открытія и закрытія, внутренняго порядка, въ нихъ соблюдаемаго, и самаго надзора за нарушеніемъ означенныхъ правилъ; причемъ надзоръ долженъ быть возложенъ на отвѣтственность самыхъ обществъ колонистовъ.»

Въ дѣйствительности эти льготы оказались очень небольшими, по крайней мѣрѣ для русскихъ колонистовъ. Знатокъ Мурмана, Гулевичъ, думаетъ, что препятствія, представляемыя обнародованными правилами, слишкомъ были велики для того, чтобы побережье Мурмана скоро могло колонизоваться. Дѣйствительно, только для полученія права на переселеніе крестьянинъ долженъ продѣлать цѣлый рядъ въ высшей степени хлопотливыхъ и подчасъ дорого стоющихъ операцій; онъ долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ ему ст. 130 Положенія о крестьянахъ, т. е. долженъ быть свободенъ отъ отбыванія воинской повинности, свободенъ отъ казенныхъ и мірскихъ недоимокъ, свободенъ отъ частныхъ взысканій и обязательствъ, долженъ получить пріемный приговоръ отъ того общества, къ которому онъ долженъ приписаться, и увольнительный приговоръ отъ того общества, къ которому онъ принадлежалъ. Добыть только эти приговора стоитъ не малыхъ издержекъ, благодаря обычнымъ на Руси угощеніямъ старшинъ и волостныхъ писарей и т. д. А въ заключеніе переленецъ долженъ еще испрашивать особое разрѣшеніе на переселеніе у мѣстнаго начальства. Гулевичъ дѣлаетъ приблизительный разсчетъ того, во что обойдется переселенцу поселеніе на новомъ мѣстѣ, и нельзя сказать, чтобы разсчетъ этотъ не имѣлъ основанія. «Допустимъ, говоритъ Гулевичъ, что крестьянину разрѣшено переѣхать въ колонисты: онъ долженъ продать свой домъ за безцѣнокъ, а въ колоніи нужно ему строить новый домъ. Правда, благодаря льготамъ, Высочайше дарованнымъ, онъ можетъ получить безпошлинный лѣсъ или 200 рублей на постройку дома. Пріѣзжая въ колонію, онъ нанимаетъ для себя помѣщеніе, или живетъ въ землянкѣ, или подъ открытымъ небомъ. Промыслами онъ не можетъ заняться, такъ какъ занятъ постройкою дома, которая тянется годъ, а иногда и больше по причинѣ его бѣдности. Сколько въ это время онъ переноситъ лишеній, и сколько у него пропадаетъ времени.

Малые его запасы уменьшаются съ каждымъ днемъ; наконецъ ему удается выстроить избу—и у него одинъ домъ и долги. Горемыка оказывется бѣднѣе, чѣмъ былъ на родной сторонѣ, и нужда заставляетъ его пойти въ работники къ фактористу или въ покрученники, такъ какъ у него нѣтъ средствъ для заведенія собственной шняки, рыболовныхъ снастей и другихъ необходимыхъ для промысла принадлежностей. Сколько теперь лѣтъ долженъ онъ тяжко трудиться, чтобы оправиться, прокармливая при томъ свое голодное семейство.»

Благодаря-ли указаннымъ трудностямъ, связаннымъ съ переселеніемъ и первоначальнымъ обзаведеніемъ на мѣстѣ, или благодаря боязни мрачной, темной зимы съ долгой полярной ночью, отрѣзанности Мурмана отъ остальнаго міра въ теченіе большей части года, или, наконецъ,—благодаря приверженности къ старинѣ, отсутствію энергіи и предпріимчивости при низкомъ культурномъ уровнѣ—только лучшая часть поморскаго населенія совсѣмъ не обнаружила желанія переселяться на Мурманъ, и онъ сталъ заселяться либо норвежцами и финляндцами, либо отбросами русскаго населенія.

Во всякомъ случаѣ, колонизація Мурмана, несмотря на льготы, данныя правилами 1868 г., развивалась очень туго. Въ 1881 году на восточномъ Мурманѣ было только 4 колоніи,—на западномъ 15, причемъ большинство западныхъ колонистовъ было не русскаго происхожденія.

Четыре восточныхъ колоніи заключали въ себѣ только 90 человѣкъ обоего пола (въ томъ числѣ и дѣтей), между тѣмъ какъ колоніи западнаго Мурмана состояли изъ 791 челов. обоего пола.

Всѣ эти колонисты занимались первоначально рыбной ловлей, но съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ нихъ стали переходить и къ торговлѣ то съ лопарями, то съ пріѣзжими промышленниками и даже съ Норвегіей и Архангельскомъ. Та часть колонистовъ, которая занималась исключительно промыслами, всѣ продукты промысла сбывала мѣстнымъ-же фактористамъ, такъ какъ обыкновенно забиралась у нихъ въ кредитъ предметами первой необходимости и рыболовными снастями.

Чтобы хотя отчасти судить о благосостояніи колонистовъ въ описываемый періодъ времени (въ 80 годахъ), мы приводимъ въ концѣ книги таблицы (приложеніе № 8-й), изъ которыхъ видно,

что степень эта была довольно высокая, по крайней мѣрѣ, въ колоніяхъ западнаго берега Мурмана. Восточныя-же колоніи (4) въ сущности предствляли собою полунищенскіе поселки, такъ какъ на 29 домохозяйствъ приходилось всего 8 штукъ рогатаго скота и въ такой-же пропорціи мелкаго скота, тогда какъ на 100 домохозяйствъ западныхъ колонистовъ приходилось 297 шт. рогатаго скота, 706 штукъ овецъ и 494 оленя.... Конечно, колонисты хотя бы только западнаго берега Мурмана обладали далеко не одинаковой степенью благосостоянія—все зависило отъ того, съ какимъ капиталомъ они переселились на Мурманъ или съ какими рабочими силами взялись за дѣло. Уже въ 80 годахъ, какъ констатируетъ Гулевичъ, нѣкоторые изъ колонистовъ «находились въ постоянномъ долгу у фактористовъ и сдѣлались ихъ агентами для распродажи норвежскаго рома».

Въ настоящее време, т. е. спустя 15 лѣтъ, число колонистовъ на Мурманѣ, конечно, возросло, но на очень незначительную величину; въ настоящее время число колонистовъ достигаетъ всего около 1500 душъ обоего пола, причемъ около 350 изъ нихъ лопарей, а остальные состоятъ почти наполовину изъ норвежцевъ и финляндцевъ. Кромѣ того, въ настоящее время на Мурманѣ проживаетъ, судя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, около 300 норвежцевъ и финляндцевъ, самостоятельно поселившихся или живущихъ по паспортамъ, т. е. каждую минуту могущихъ сняться съ насиженнаго мѣста. Другими словами, колонизацію Мурмана *русскими* элементами можно въ настоящее время считать положительно неудавшейся.

Вообще постоянныхъ жителей на Мурманѣ въ настоящее время около 2000 челов., изъ нихъ финляндцевъ 700 челов., русскихъ приблизительно столько-же, лопарей около 500 челов., и норвежцевъ около 200 человѣкъ. Всѣхъ колоній теперь 57, изъ которыхъ только 18 приходится на Восточный Мурманъ—остальныя всѣ на западномъ берегу и носятъ исключительно не русскій характеръ (на восточномъ берегу Мурмана живетъ всего два норвежца, принявшихъ русское подданство.) Изъ подробной вѣдомости, прилагаемой въ концѣ книги, можно видѣть (приложеніе № 9-й), что въ общемъ благосостояніе колонистовъ понизилось по сравненію съ 1881 годомъ, но пониженіе это цѣликомъ относится къ

увеличенію числа русскихъ поселенцевъ, въ большинствѣ случаевъ находящихся въ состояніи крайней нищеты.

Вообще разница между норвежцемъ и финляндцемъ—колонистомъ съ одной стороны и русскимъ—колонистомъ—съ другой настолько рѣзко бросается въ глаза, что даже поверхностный наблюдатель можетъ замѣтить ее. Въ этомъ отношеніи всѣ наблюдатели Мурмана сходятся. Кушелевъ въ своей брошюрѣ «Мурманъ и его промыслы», изданной въ 1885 г., говоритъ: «изъ русскихъ поселенцевъ Мурмана, получившихъ пособіе на колонизацію, большинство (конечно, не безъ исключеній, хотя и рѣдкихъ) пропойцы, спившіеся съ кругу и положительно отбившіеся отъ всякаго труда. Они влачатъ жалкое существованіе, Богъ знаетъ какъ и чѣмъ перебиваясь въ теченіе длинной полярной зимы....» Еще ранѣе наблюдавшій мурманскихъ колонистовъ—русскихъ, Гулевичъ говоритъ о нихъ почти то-же. Изъ новѣйшихъ бытописателей Мурмана, Книповичъ приводитъ о русскихъ колонистахъ еще болѣе ярко рисующія ихъ жалкое положеніе данныя. «Я бесѣдовалъ, пишетъ Книповичъ,—о мурманскихъ колонистахъ со многими лицами самыхъ различныхъ профессій и общественнаго положенія: промышленниками—покрученниками и самостоятельными, поморами—хозяевами, капитанами пароходовъ, чиновниками, чинами полиціи, священниками и т. д., и отзывы всѣхъ говорили очень не въ пользу колонистовъ—русскихъ съ величайшимъ пренебреженіемъ. Пойти въ колонисты это почти синонимъ выраженія пуститься во всѣ тяжкія». И такое отношеніе къ колонистамъ вполнѣ понятно. Трудно представить себѣ населеніе болѣе вялое, апатичное, лѣнивое и низко стоящее въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ большинство русскихъ колонистовъ на Мурманѣ. Недаромъ существуетъ поговорка, что «колонистъ только тогда поѣдетъ ловить рыбу (весною), когда поморъ его свѣжей рыбой накормитъ». Въ колонисты идутъ преимущественно подонки населенія Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ. Вся суть для нихъ въ томъ, чтобы получить правительственную помощь, а что будетъ дальше—ихъ мало интересуетъ. Многіе изъ нихъ высказываютъ взглядъ, что правительство, поселившее ихъ на Мурманскомъ берегу, должно и заботиться о томъ, чтобы они не терпѣли нужды. Сами-же обнаруживаютъ поразительную лѣнь и безпечность, а потому и матеріальное положеніе ихъ, въ общемъ, плохо. Можетъ показаться невѣроятнымъ тотъ фактъ, что

русскіе колонисты терпятъ зимою крайнюю нужду въ рыбѣ и покупаютъ ее по дорогой цѣнѣ, а между тѣмъ фактъ этотъ подтверждаютъ всѣ мѣстные жители. Для многихъ изъ колонистовъ вторая половины зимы—время голодовки и ея спутниковъ—болѣзней....»

«Совершенно иное, продолжаетъ Книповичъ,—представляютъ колонисты финляндцы и норвежцы. Во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ они выше русскихъ колонистовъ. Болѣе энергичные, трудолюбивые и бережливые, болѣе воздержные и несравненно болѣе развитые и культурные, они быстро завоевываютъ личнымъ трудомъ сравнительно хорошее экономическое положеніе....

Въ продолженіи моей экскурсіи я неоднократно имѣлъ случай разговаривать съ представителями самыхъ различныхъ воззрѣній на задачи и нужды мурманской колонизаціи. И сторонники, и противники нерусской колонизаціи сходились въ одномъ—что именно финляндцы и норвежцы представляютъ всѣ данныя для успѣшной колонизаціи края. Личныя наблюденія мои еще болѣе подтвердили такое мнѣніе. Громадная энергія, предпріимчивость, любовь и привычка къ труду, относительная образованность норвежцевъ и финляндцевъ, ихъ честность, добросовѣстность и полное достоинства поведеніе въ денежныхъ дѣлахъ производятъ самое отрадное впечатлѣніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ колонисты эти просто удивляли меня своей чрезвычайной добросовѣстностью и полнымъ отсутствіемъ желанія содрать лишнее, что несомнѣнно сдѣлалъ-бы почти каждый русскій колонистъ или поморъ».

Нѣкоторые авторы, писавшіе о Мурманѣ, думаютъ, что вообще колонизація Мурмана идетъ такъ неуспѣшно вслѣдствіе, конечно, разныхъ причинъ, но въ томъ числѣ и потому, что колонистамъ нужны пастбища для скота, а ихъ нѣтъ, такъ какъ права на пастбища принадлежатъ мѣстнымъ лопарямъ. Но этотъ аргументъ едва-ли имѣетъ за собою основанія, такъ какъ параллельно наблюдается широкое развитіе финской и норвежской колонизаціи и совершенно при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и русской. Упрекнуть норвежцевъ и финляндцевъ въ томъ, что они, будучи болѣе развитыми, культурными, болѣе предпріимчивыми и т. д. эксплуатируютъ русскихъ промышленниковъ и, благодаря этому пользуются большимъ благостояніемъ, нельзя, такъ какъ всѣ новѣйшіе бытописатели Мурмана единогласно свидѣтельствуютъ о причинахъ ихъ зажиточности, какъ лежащихъ въ «упорномъ личномъ

трудѣ». Характернымъ примѣромъ такого упорнаго труда можетъ служить приводимый Книповичемъ разсказъ объ одномъ колонистѣ-норвежцѣ, который 15 лѣтъ тому назадъ поселился въ землянкѣ на необитаемомъ островѣ, а теперь имѣетъ 2 дома, 7—8 коровъ, ведетъ очень выгодный промыселъ, да вдобавокъ продаетъ промышленникамъ молочные продукты своего хозяйства.

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, однако, колонизація Мурманскаго побережья норвежцами и финнами стѣсняется, особенно въ настоящее время. Единственнымъ оправданіемъ этому отчасти служитъ соображеніе о невыгодности для русскихъ интересовъ заселять берегъ такими колонистами, которые, наживаясь въ Россіи и принявъ для видимости русское подданство, въ концѣ концовъ уходятъ съ Мурмана, возвращаясь въ отечество. Объ этомъ очень много кричали доморощенные патріоты, начиная съ Сидорова, говорятъ и теперь, даже сами администраторы, въ завѣдываніи которыхъ находится дѣло колонизаціи Мурмана, но все это не такъ страшно, а кромѣ того еще нуждается въ провѣркѣ, такъ какъ до сихъ поръ не выяснено, въ какихъ размѣрахъ происходитъ указываемое всѣми этими лицами явленіе. Рѣшительно непонятно, почему «несмотря на всѣ льготы, предоставленныя колонистамъ, за послѣдніе 20 лѣтъ, съ 1873 по 1893 годъ, число колонистовъ на Мурманѣ увеличилось только въ 2 раза»,—какъ пишетъ Архангельскій губернаторъ въ своемъ письмѣ г. товарищу министра путей сообщенія (11-го Янв. 1894 г.), и въ то-же время констатируетъ другой фактъ діаметрально противуположнаго характера и въ томъ-же самомъ «письмѣ» относительно того, что «несмотря на всѣ затрудненія, которыми нынѣ обставлено переселеніе финляндцевъ на Мурманѣ, финляндская колонизація дѣлаетъ все-таки большіе успѣхи»?

Что особенно странно, такъ это то, что даже мѣстное населеніе, т. е. жители Кольскаго уѣзда, занимаются промыслами гораздо меньше, чѣмъ можно было-бы ожидать. Напр., въ 1893 г. изъ 769 промысловыхъ судовъ на Мурманѣ, кольскія суда составляли только 12%, а добытая ими рыба не превышала $^{1}/_{18}$ всего улова на Мурманскомъ берегу. Въ предшествовавшемъ году кольскія суда составляли даже только 8,0% всего числа промысловыхъ судовъ, а выловленная ими рыба тоже 8,0% всего мурманскаго улова. Очевидно, что есть какія-то причины и притомъ гдѣ-то

глубоко лежащія, которыя тормозятъ заселеніе Мурманскаго побережья.

Разбираясь въ условіяхъ, въ какихъ пришлось-бы колонисту жить на Мурманѣ, невольно приходишь къ заключенію, что условія эти складываются для него необыкновенно благопріятно. Начать съ того, что колонистъ не тратитъ ничего на дорогу, какъ это дѣлаютъ кемляне и онежане, не страдаетъ отъ неудобствъ этого по-истинѣ ужаснаго пути, можетъ начинать промыселъ ранней весною, а не въ концѣ Мая или началѣ Іюня, какъ приходится по-неволѣ дѣлать многимъ пришлымъ промышленникамъ. Нечего и говорить, что для колониста совершенно не нужно производить расходовъ по устройству стана и др. приспособленій, необходимыхъ для промысла—расходовъ, очень значительныхъ въ бюджетѣ бѣднаго промышленника. Помимо всего этого, колонистъ можетъ производить промыселъ не только весною и лѣтомъ, а, если захочетъ, то и осенью, и зимою. Осеній и зимній ловы вполнѣ на Мурманѣ возможны, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе авторы. Не дѣлая ссылокъ на такихъ изъ нихъ, которые писали о Мурманѣ давно, возьмемъ самыя новыя данныя. Такъ нѣкто А. Е. Т. въ своей статьѣ «Портъ на Мурманскомъ берегу» (Русс. Судох. 1894 г.) говоритъ; «почти ежегодно треска приваливаетъ къ Мурманскому берегу въ несмѣтномъ количествѣ въ Январѣ и Февралѣ мѣсяцѣ не на долгое время—но ловить ее некому. Некому ловить и сельдь, крупную и жирную, которая вотъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ въ зимнее времѣ приваливаетъ въ заливы Мурманскаго берега, также въ несмѣтномъ количествѣ...»

Г. Таратинъ въ статьѣ «О Мурманскихъ промыслахъ» (Вѣстн. Рыбопр. 1894 г.) подтверждаетъ это, говоря: «промысловое время здѣсь (на Мурманѣ) продолжается обыкновенно $5^1/_2$ мѣсяцевъ, съ Апрѣля до половины Сентября. Апрѣль и Май, иногда часть Іюня промышляютъ на западной половинѣ берега (къ западу отъ Кольской губы), на лѣто же и осень постепенно, смотря по ходу рыбы, переселяются въ становища восточной стороны, гдѣ и промышляютъ до половины Августа. Съ этого времени наибольшая часть промышленниковъ отправляется по домамъ; остаются очень немногіе до послѣдняго рейса почтоваго парохода, что бываетъ около половины Сентября. Но нерѣдко случается, что въ Апрѣлѣ и Маѣ совсѣмъ не бываетъ прихода рыбы, въ Августѣ-же и Сен-

тябрѣ, когда промышленники разъѣдутся по домамъ, море еще кипитъ рыбой даже до Декабря мѣсяца. Иногда бываетъ приходъ трески въ Январѣ и Февралѣ необыкновенно густыми стаями, но въ это время ее совсѣмъ мало ловятъ, да и ловить некому, а главное—покупателя нѣтъ. (Въ продолженіи всего Января 1893 г. былъ необыкновенный приходъ въ Кольскую губу сельдей, трески, акулъ и китовъ; вся губа была буквально набита рыбой и китами. Дѣло дошло до того, что акулье сало, добытое въ количествѣ 2000 пудовъ, кольскіе купцы, единственные покупатели въ это время, стали помѣщать прямо въ шняки, стоявшія на берегу; сельдей совсѣмъ перестали ловить, когда онѣ были еще въ несмѣтномъ количествѣ—ни соли, ни посуды не оказалось; треску отказывались брать даже по 20 коп. пудъ—некуда было дѣвать; китовъ не трогали—нечѣмъ.»)

То-же утверждаетъ и Максимовъ (Русск. Мысль. 93 г.). Словомъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что постоянные жители Мурмана поставлены въ особливо благопріятныя условія промысла въ сравненіи съ пришлецами изъ Кемскаго, Онежскаго и Архангельскаго уѣздовъ. Этого, однако, мало.

«Кромѣ перечисленныхъ промысловъ,—пишетъ Книповичъ,—колонисты могутъ еще ловить семгу, зимою акулъ, наконецъ очень хорошій доходъ можетъ давать и ловъ камбалы, которымъ между тѣмъ почти не занимаются. Я имѣлъ случай лично убѣдиться, какъ легокъ и успѣшенъ этотъ ловъ. По словамъ семейства норвежцевъ-колонистовъ на островѣ Кильдинѣ, у которыхъ я прожилъ нѣсколько дней, ловъ камбалы доставляетъ имъ ежегодно отъ 400 до 600 рублей.»

Всѣми этими благопріятными условіями, конечно, объясняется до нѣкоторой степени и тотъ видъ преуспѣвающихъ колоній, который имѣютъ поселенія норвежскихъ и финляндскихъ колонистовъ. Лично наблюдавшій жизнь колонистовъ, Максимовъ, объѣхавшій въ 92 г. всѣ почти колоніи Мурмана, въ своей послѣдней работѣ даетъ цѣлый рядъ описаній жизни колонистовъ. Приводить ихъ здѣсь всѣ мы не станемъ, такъ какъ всѣ они въ сущности повторяютъ другъ друга. Вотъ какими красками рисуетъ Максимовъ русскія и норвежскія колоніи.

«Изъ становища «Столбовое» пароходъ слѣдуетъ *въ Печенъгу.* Вы входимъ съ океана въ длинную, узкую бухту и идемъ на SW.

По берегамъ мелкій *кустарникъ-березнякъ*. Его хватитъ колонистамъ надолго для отопленія. Узкая длинная бухта въ формѣ пролива состоитъ изъ четырехъ колѣнъ. Въ предѣлахъ четвертаго колѣна —*отличная якорная стоянка*. На одной сторонѣ возвышеннаго холмообразнаго берега *восемь домиковъ*, бѣдныхъ, грязныхъ, жалкихъ лачужекъ. Это—русское поселеніе. Здѣсь живутъ корелы, переселившіеся изъ Кемскаго уѣзда. Есть и русскіе переселенцы изъ деревни Кандалакша. Они держатъ нѣсколько головъ *скота*. Живутъ крайне бѣдно, зимою ничего не дѣлаютъ, а весною выѣзжаютъ на рыбный промыселъ въ Вардэ. Нѣкоторые появляютя во время лѣтняго промысла въ становищахъ Мурманскаго берега....»

Это—*русская* колонія. А вотъ финляндская.

«Слѣдующее къ востоку отъ Печеньги становище «Земляная» представляетъ колонію, населенную финнами, выходцами изъ Улеаборгской губ., изъ Казамскаго прихода. Названіе «Земляная» соотвѣтствуетъ внѣшнему виду колоніи. Колонисты (большинство) *живутъ въ землянкахъ*. Нѣсколько построили деревянные дома и сараи для *скота*. Колонизація этого мѣстечка началась лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Постоянные неурожаи и голодъ вынуждаютъ жителей сѣверной Финляндіи уходить съ родныхъ пепелищъ въ Америку или искать новыя мѣста на окраинахъ Россіи. Финны, отправившіеся на Кавказъ и поселившіеся въ окрестностяхъ Сухума, на берегу Чернаго моря, потерпѣли отъ лихорадки и вообще отъ климатическихъ условій, которыхъ они перенести не могли. Многіе перемерли, другіе разсѣялись по югу, по городамъ. Лучшая участь постигла переселенцевъ на Мурманскій берегъ. Они, привычные къ сѣверному климату, нашли удобныя мѣста. Плодородной почвы, годной для землепашества, они найти не могли, но не могли, въ то-же время, отказаться отъ прирожденной имъ страсти къ землѣ, отъ привычки сельскохозяйственной. Они нашли такія долины между холмообразными горами, по которымъ пробѣгаютъ рѣчки и ручейки, гдѣ можетъ произрастать *прекрасная трава*. Ни первые, ни переселенцы нашихъ дней *не нашли* на новомъ мѣстѣ *лѣса*, годнаго для построекъ. Они набрели на мелкій кустарникъ, который можно было употребить на топку, притомъ, въ такомъ количествѣ, что онъ отнюдь не обезпечивалъ ихъ будущность. Изнуренные голодомъ, они схватились за новое мѣсто, какъ за манну небесную. Почва обезпечивала хорошую траву, океанъ обѣ-

щалъ прекрасный уловъ рыбы—трудолюбивые финны не ошиблись въ разсчетахъ. Они построили въ долинѣ землянки оригинальной архитектуры. Стѣны сложены изъ дерна. Потолокъ образуютъ жерди, на которыхъ наложенъ толстый дерновой слой. Въ стѣны вставлены рамы со стеклами, по образцу обыкновенныхъ оконъ. Полъ выставланъ гладкими каменьями. На полу лежатъ шерстяные половики, сотканные руками чистоплотной женщины. Въ уголъ поставлена русская печь, впереди другая печь съ чугунною плитой. Въ нѣкорыхъ землянкахъ стѣны околочены съ внутренней стороны досками. Въ избѣ тепло, чисто, свѣтло. На столахъ, на деревянныхъ кроватяхъ, на полу—всюду признаки необыкновенной чистоплотности. Дверь изъ избы выходитъ въ каморку, отдѣляющую жилое помѣщеніе отъ скотной избы, въ которой содержатся коровы въ стойлѣ. *Скотная изба отапливается* отдѣльной печкой съ большимъ чугуннымъ чаномъ, въ которомъ приготовляется кипятокъ для стирки бѣлья и для мытья избы и скотника. Рядомъ находится еще каморка для домашней утвари. Скотная изба содержится чрезвычайно опрятно. Наземъ выбрасывается въ окно и разносится потомъ по полю для удобренія земли, на которой выростаетъ прекрасная трава. Скотъ пасется лѣтомъ на волѣ за предѣлами селенія, въ перелѣскѣ, а по вечерамъ загоняется въ стойла. Зимою скотина спасается отъ вьюгъ и мятелей *въ отопленной каморкѣ.*

Деревянные дома строятся по архитектурѣ домовъ, принятыхъ въ Финляндіи. Чистоплотность—вотъ главная отличительная черта въ домѣ. Каждая комната (ихъ бываетъ по пяти въ нижнемъ и въ верхнемъ этажахъ) отапливается чугунною или русскою печкой. На столѣ бездѣлушки, альбомъ; въ шкафу—бутылки съ виноградным виномъ,—признаки довольства. Такіе хозяева строятъ скотные дворы отдѣльно отъ жилого дома и содержатъ скотъ въ отдѣльныхъ стойлахъ.

Колонисты разбросали землянки и дома на пространствѣ огромнаго поля. Они владѣютъ имъ на началѣ подворнаго владѣнія. Къ каждому дому прирѣзанъ кусокъ сѣнокосной земли, отдѣляющійся отъ земли сосѣда изгородью изъ камня или изъ жердей. Въ урожайный годъ колонисты везутъ сѣно въ г. Вардэ, гдѣ скалистые и безлюдные берега ничего не рожаютъ. Цѣна иа сѣно въ Вардэ доходитъ иногда до рубля за пудъ. Колонисты пробуютъ дѣлать гряды и сажать овощи: капусту, картофель, травы; но ни-

чего не родится въ холодномъ климатѣ; картофель часто вымерзаетъ; гряды и огороды у нихъ маленькіе.

Каждый домохозяинъ имѣетъ нѣсколько коровъ. Хозяева приготовляютъ масло, излишекъ котораго продается въ городахъ: Варде и Вадзэ. Вообще колонисты поддерживаютъ торговыя сношенія съ этими городами, какъ съ ближайшими отъ колоніи, гдѣ они находятъ выгодный рынокъ сбыта.

Колонисты заводятся и *лошадьми.* Недостатокъ средствъ заставляетъ двухъ домохозяевъ соединяться и покупать одну лошадь. Она бываетъ нужна *для возки дровъ зимою,* такъ какъ они не могутъ держать оленей за неимѣніемъ ягеля (питательнаго моха) въ сосѣднихъ тундрахъ.

Самую доходную статью составляютъ рыбные промыслы. Колонисты соединяются по четыре человѣка вмѣстѣ и покупаютъ въ Вардэ большую ёлу, на которой являются къ берегамъ Финмаркена на время весенняго лова. Тамъ принимаютъ ихъ какъ русскихъ подданныхъ, т. е. обязываютъ ихъ уплачивать по десяти кронъ съ человѣка въ городскую кассу, даютъ на ёлы норвежскаго кормчаго и предоставляютъ права лова лишь въ одной географической милѣ отъ берега или вблизи береговъ въ становищахъ: Кибергъ, Гавнингбергъ, Бодсфіордъ, Берлевогъ, Гамвигъ и Стенсвигъ. Колонисты промышляютъ только однимъ способомъ удебной ловли, принятымъ весною въ Норвегіи. Они не знаютъ другого способа ловли трески ярусами, принятаго норвежцами лѣтомъ и усвоеннаго исключительно нашими поморами на всемъ Мурманскомъ берегу. Когда наступаетъ лѣто, колонисты возвращаются на Мурманскій берегъ. Они продолжаютъ ловить треску и пикшуя и лѣтомъ удебнымъ способомъ вокругъ острова Кильдинъ до момента начала сѣнокоса, который наступаетъ поздно, не ранѣе середины Августа. Тогда они вытаскиваютъ ёлы на берегъ для зимовки.

Въ колоніи *не было до сихъ поръ хлѣбнаго магазина.* Никто не заботился о зимнемъ продовольствіи колонистовъ. Они обмѣнивали лѣтомъ рыбу на муку, привозимую поморамя изъ Архангельска въ Вардэ, какъ это дѣлаютъ и норвежскіе промышленники. Приходилось послѣ каждаго солиднаго улова путешествовать подъ парусами въ Вардэ. Хорошо, если вѣтеръ былъ попутный, но при противныхъ вѣтрахъ много времени уходило на лавировку, во время которой портилась и рыба. Продавать рыбу Кнюцену

или другому *колонисту, Пильфельду, проживающему въ становищѣ «Вайда-губа»*, не было разсчета, такъ какъ эти господа, при отсутствіи конкурренціи, скупаютъ рыбу по самой низкой цѣнѣ. При дорогой цѣнѣ на хлѣбъ, который они получали въ обмѣнъ отъ поморовъ, колонисты встрѣчали другое затрудненіе: необходимо было давать, напримѣръ, шестнадцать пудовъ пикшуя за пудъ муки. Вѣдь сколько времени и труда надо употребить, чтобы выловить удебнымъ способомъ шестнадцать пудовъ рыбы! Кромѣ того, за полную ёлу, нагруженную рыбою, пригнанную въ Вардэ съ большими усиліями, они, послѣ долгаго путешествія, получали самое незначительное количество хлѣба. Остальные недостатки имъ приходилось добирать за наличныя деньги. *Это была главная причина медленнаго экономическаго развитія колоніи «Земляная»*. Въ другихъ отношеніяхъ, добрая нравственность колонистовъ, безупречная ихъ трезвость, честность, присущая финнамъ, трудолюбіе,—все это гарантируетъ блистательную будущность колоніи. Достаточно было видѣть, что создали колонисты изъ ничего, придя голодными и безъ гроша въ карманѣ, чтобы убѣдиться вполнѣ, что эти люди съумѣютъ создать богатства и на Мурманскомъ берегу. Всѣ русскіе переселенцы получали при колонизаціи пособіе отъ правительства, а нѣкоторые даже и по два раза. Финны не получили ни гроша. Напротивъ, они встрѣтили на первыхъ же порахъ переселенія огромныя затрудненія. Областная администрація признала ихъ нелегально поселившимися и долго не выдавала паспортовъ. Но эта выдача была предписана изъ Петербурга по ходатайству финляндскаго генералъ-губернатора. Съ тѣхъ поръ колонизація финновъ на Мурманскомъ берегу узаконена. Мѣстная администрація продолжаетъ косо смотрѣть на переселенія финновъ, «неудобныя съ политической точки зрѣнія......»

Таковы наши Мурманскія колоніи, если можно судить по двумъ нами приведеннымъ образчикамъ. Дальнѣйшихъ описаній, впрочемъ, и не нужно приводить, такъ какъ они ничего новаго не прибавятъ.

Слѣдуетъ, однако, оговориться, что среди норвежскихъ поселенцевъ попадаются господа, которые наживаются далеко не отъ промысла, а именно путемъ эксплуатаціи чужого труда и торговлей. Но и тутъ нужно отдать справедливость норвежцамъ; эксплуатируя трудъ своихъ собратьевъ, а чаще русскихъ рабочихъ,

они вносятъ въ эту эксплуатацію совершенно новые пріемы, иначе организуютъ промысловый трудъ, иначе, вообще, ведутъ все дѣло. Характерными въ этомъ смыслѣ примѣрами могутъ служить два норвежскихъ колониста—Кнюценъ въ становищѣ Столбовомъ и Пильфельдъ въ Вайда-губѣ. Первый имѣетъ парусное судно, купилъ недавно пароходъ и принялъ русское подданство. Къ нему являются весною рабочіе изъ поморья, которымъ задаются зимою задатки. Рыбу Кнюценъ солитъ на суднѣ и продаетъ ее въ Петербургѣ или Архангельскѣ.

«Кнюценъ воспользовался заливчикомъ въ бухточкѣ, огородилъ его сѣтью до дна и держитъ въ затонѣ рыбку «мойву.» Мойва подходитъ раннею весной (съ 1 Марта), прежде всего, къ берегамъ Финмаркена. Она держится огромною плотною массой до начала лѣта (1 Мая). За мойвой идутъ киты и треска, которые питаются ею. Въ Норвегіи запрещенъ китобойный промыселъ весною, чтобы китобои не разгоняли китовъ. Киты пригоняютъ мойву изъ арктическихъ странъ и заставляютъ ее держаться у береговъ Финмаркена, а вмѣстѣ съ мойвою приходитъ и треска. Тогда начинается промыселъ. Лѣтъ десять тому назадъ китобойные заводы, построенные на берегахъ Финмаркена, давали отъ 30 до 60%; теперь они даютъ 2—1%. Нѣкоторые закрылись, другіе еще существуютъ. Но промыселъ продолжается на малыхъ пароходахъ. Англичане ловятъ китовъ во льдахъ гораздо сѣвернѣе Нордъ-Капа. Они выходятъ изъ шотландскихъ портовъ на парусныхъ судахъ, снабженныхъ слабосильными машинами.

И такъ, мойва, распространяясь у береговъ Финмаркена, доходитъ и до Мурманскаго берега. Она держится на излюбленныхъ песчаныхъ мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ заливчикахъ, исключительно на западной сторонѣ. Далѣе Териберки, средняго становища на Мурманскомъ берегу, она не идетъ. Уловъ ея прекращается на Мурманѣ около Петрова дня. Послѣ того для наживки ярусовъ (снастей съ крюками, посредствомъ которыхъ производится уловъ трески) употребляется другая маленькая рыбка, «песчанка», похожая на снѣтки. На песчанку рыба идетъ хуже. Принимая это во вниманіе и за неимѣніемъ у нашихъ поморовъ ледниковъ для консервированія мойвы, норвежецъ Кнюценъ принялся ловить мойву сѣтями весною. Онъ опускаетъ ее въ затонъ. Пароходикъ купленъ, чтобы развозить ее по становищамъ Мурманскаго берега. Часто

случается, что рыбаки сидятъ въ становищахъ безъ мойвы и безъ песчанки. Тогда появленіе парохода Кнюцена возбуждаетъ сенсацію. Его буквально берутъ на абордажъ и платятъ за наживку какую угодно цѣну. Однажды, простоявъ нѣсколько часовъ въ становищѣ Гавриловѣ пароходъ выручилъ 700 руб.

Никто изъ русскихъ поморовъ не конкуррируетъ съ Кнюценомъ. Никто не является ни весною, ни лѣтомъ въ становище «Столбовое» для закупки рыбы. Никто не воздвигаетъ тамъ новыхъ факторій. И Кнюценъ, при разсчетахъ съ рабочими, опредѣляетъ поэтому за рыбу цѣну, какую хочетъ.»

Другой норвежецъ, Пильфельдъ, «король» западнаго Мурмана, какъ его называютъ поморы, «обладаетъ двумя парусными судами, изъ которыхъ одно грузится и отправляется ежегодно въ Петербургъ, а другое, меньшихъ размѣровъ, ходитъ съ трескою въ Архангельскъ. Услужливые прикащики изъ поморовъ вербуютъ посредствомъ выдачи задатковъ въ поморьѣ рабочую силу, доставляя ее раннею весной черезъ Кандалакшу на оленяхъ въ становище Вайда-губа. Тамъ зимуютъ промысловыя суда, шняки, на которыхъ рыбаки выѣзжаютъ въ море, когда наши поморы еще только собираются тронуться изъ портовъ Бѣлаго моря на Мурманъ. Чтобы дать понятіе объ операціяхъ, производимыхъ Пильфельдомъ, о выгодахъ его и преимуществахъ становища, достаточно сказать, что когда мы прибыли весною на пароходѣ «Чижовъ» въ Вайдагубу, идя первымъ рейсомъ изъ Вардэ въ Архангельскъ, открывая навигацію (пароходъ зимовалъ въ Екатерининской гавани, вблизи Колы, и началъ первый рейсъ вдоль Мурманскаго берега изъ Вардэ), то мы застали большое судно Пильфельда почти нагруженнымъ трескою. Рыбакамъ оставалось раза три съѣздить на море, чтобы нагрузить судно окончательно для отправки въ Петербургъ, куда оно приходитъ ежегодно первымъ. Это даетъ Пильфельду возможность продавать рыбу въ Петербургѣ по цѣнѣ гораздо большей, нежели та, за которую уступаютъ поморы, являясь на петербургскій рынокъ значительно позднѣе, осенью, И такъ, Пильфельдъ кончалъ весенній промыселъ, когда наши поморы еще не трогались изъ дому. Первый пароходъ съ промышленниками выходитъ обыкновенно изъ Архангельска на Мурманъ по прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ прихода «Чижова». При этомъ, если иному помору и придетъ желанію зайти въ Вайда-губу для покуп-

ки трески весною, послѣ зимовки его судна въ г. Вардэ, то этотъ поморъ, въ качествѣ покупателя-конкуррента Пильфельда, не находитъ продавцовъ-промышленниковъ. Промышленники Пильфельда лишаются права продажи рыбы другимъ скупщикамъ и, получивъ задатки, обязываются служить исключительно Пильфельду. Но самъ Пильфельдъ не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ промышленникамъ, кромѣ обязательства кормить ихъ; взаимныя матеріальныя отношенія основываются на «покрутѣ», отвергнутомъ въ Норвегіи, но принятомъ у нашихъ поморовъ. Хозяинъ выдаетъ покрученнику ссуду деньгами на уплату податей и товаромъ на его пропитаніе и для домашней надобности. Кромѣ того, онъ обязывается давать ему продовольствіе и все необходимое для рыбнаго промысла во время лова. Покрученники-же обязываются весь ловъ отдавать хозяину, изъ чего онъ $^2/_3$ беретъ себѣ, а $^1/_3$ дѣлится поровну между покрученниками. Дѣлежъ этотъ производится осенью и называется «дуваномъ». Свою часть покрученники имѣютъ право продать только хозяину. Изъ вырученной суммы покрываются, прежде всего, выданныя покрученнику ссуды и другіе заборы. Рыба ниже въ цѣнѣ, заборъ—цѣною выше. При хорошемъ уловѣ и эти отношенія, несмотря на ихъ тяжесть, были-бы еще сносны для промышленника, если бы все не зависѣло отъ цѣны на рыбу. Между тѣмъ цѣну на рыбу назначаютъ скупщики. Если въ становищѣ скупщикъ одинъ, притомъ, онъ же и хозяинъ, цѣна на рыбу назначается имъ произвольно и разумѣется, самая низкая. Возвышеніе цѣны зависитъ отъ конкурренціи нѣсколькихъ скупщиковъ. Каждому хочется скупить побольше и поскорѣе. Каждый набиваетъ цѣну другъ передъ другомъ. Въ прошломъ году цѣна на рыбу доходила, вслѣдствіе конкурренціи, въ самомъ людномъ становищѣ «Гаврилово», до 1 руб. за пудъ, чего не запомнятъ норвежцы. Рѣдко цѣна падаетъ ниже 50 коп. за пудъ какъ въ Норвегіи, такъ и на Мурманскомъ берегу. Но Пильфельдъ скупаетъ рыбу, пользуясь случаемъ совершеннаго отсутствія конкурренціи, по 25 коп. за пудъ. Его рабочіе не выходятъ, разумѣется, изъ долговъ...»

Вообще про норвежцевъ и финновъ, которые пока хотя и селятся вдоль западнаго Мурмана, можно сказать, что у нихъ замѣчается стремленіе къ востоку. Максимовъ даже приводитъ таблицу количества жителей на заселенныхъ мѣстахъ, располагая

данныя въ извѣстномъ порядкѣ съ цѣлію показать своего рода Drang nach Osten, обнаруживаемый ими. Но это соображеніе едва-ли вѣроятно, и замѣчаемое явленіе обусловливается весьма понятнымъ стремленіемъ избирать наиболѣе удобныя для поселенія мѣста, которыхъ на восточномъ Мурманѣ больше, чѣмъ на западномъ.

Говоря объ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ находятся постоянные обитатели Мурманскаго побережья, въ сравненіи съ пришлыми элементами, мы не упоминали совсѣмъ о климатическихъ условіяхъ побережья. Едва-ли, впрочемъ, послѣ всего того, что было сказано въ предыдущихъ главахъ о климатѣ, слѣдуетъ прибавлять еще что-нибудь. Фактъ наличности у норвежскихъ и финскихъ колонистовъ довольно богатыхъ луговъ и скотоводства въ небольшихъ размѣрахъ въ достаточной степени характеризуетъ климатъ Мурмана, на западномъ берегу даже гораздо болѣе мягкій, чѣмъ въ значительной части Онежскаго. Кемскаго и Архангельскаго уѣздовъ, заселенныхъ издавна, хотя и рѣдкимъ населеніемъ.

Единственнымъ крупнымъ дефектомъ положенія вещей на Мурманѣ въ смыслѣ возможности его колонизаціи является недостатокъ хорошаго порта, который далъ-бы возможность болѣе дешеваго и быстраго сообщенія со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, въ особенности въ настоящее время, когда оканчивается постройкой Архангельско-Вологодская желѣзная дорога. Объ открытіи на Мурманскомъ берегу порта говорилось и писалось очень много, такъ что необходимость его можно считать совершенно выясненной. Впрочемъ, въ настоящее время вопросъ объ открытіи порта въ Екатерининской гавани можно считать рѣшеннымъ, и остается только ожидать его осуществленія и тѣхъ благихъ результатовъ для развитія вообще всей мурманской промышленности и въ частности для болѣе успѣшнаго хода колонизаціи побережья, которыхъ ожидаютъ отъ осуществленія этого проэкта.

Для довершенія картины жизни осѣдлаго населенія на Мурманѣ слѣдуетъ еще сказать о такъ называемыхъ фактористахъ и роли, которую они играютъ въ жизни побережья.

Фактористы, т. е. владѣтели торгово-промышленныхъ факторій, появились на Мурманѣ вслѣдъ за обнародованіемъ указанныхъ уже нами правилъ о льготахъ для переселенцевъ на Мурманѣ.

Четырнадцатый пунктъ этихъ правилъ предоставлялъ лицамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ 1-й и 2-й гильдіи, учрежденіе на Мурманскомъ берегу факторій. Эти лица не замедлили воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, и къ 1881 году на Мурманѣ появилось уже 8 факторій и 14 лавокъ (на восточномъ берегу 6 факторій и 4 лавки, на западномъ 2 факторіи и 10 лавокъ). Собственники факторій, конечно, всѣ люди обладающіе большими средствами и, разумѣется не могли остаться только купцами, продающими промышленникамъ все нужное имъ, имѣя подъ руками такую удобную обстановку для эксплуатаціи этихъ промышленниковъ. Очень скоро фактористы сдѣлались скупщиками рыбы, а съ теченіемъ времени стали даже устанавливать на нее цѣны. Беря данныя 1880 г., мы видимъ, что на восточномъ Мурманѣ фактористовъ было въ три раза болѣе, чѣмъ на западномъ. Это уже указываетъ, что эти господа находили себѣ болѣе широкое поле дѣятельности среди невѣжественной и бѣдной массы русскихъ колонистовъ и промышленниковъ, по преимуществу занимающихъ восточный берегъ—на западномъ имъ было нечего дѣлать. Операціи фактористовъ въ сущности сводились къ очень простымъ пріемамъ. Все, что можно было найти въ факторіяхъ, т. е. соль, чай, сахаръ, табакъ, крѣпкіе напитки, предметы необходимые для промысла, и т. д., все это, благодаря стачкѣ ихъ, продавалось по очень высокимъ цѣнамъ, а продукты промысла покупались по очень низкой цѣнѣ. Создавая категорію фактористовъ, администрація, конечно, предполагала создать на Мурманѣ правильныя условія для снабженія промышленниковъ всѣмъ необходимымъ. Но сила вещей оказалась болѣе могущественной, чѣмъ благія пожеланія правительства. Фактористы явились только прекрасно организованной экономической группой, поставившей себѣ цѣлію возможно широкую эксплуатацію мѣстнаго и пришлаго населенія Мурмана, особенно восточной его части, такъ какъ на западной—въ лицѣ норвежцевъ—колонистовъ создалась имъ конкурренція, заставившая ихъ сосредоточить всѣ свои операціи на восточномъ берегу. Интересно, что норвежцы, конкуррирующіе съ фактористами, пользуются полнымъ сочувствіемъ русскихъ промышленниковъ, между тѣмъ какъ фактористы ихъ ненавидятъ отъ всей души (дали имъ презрительную кличку «шмерцовъ»).

Въ настоящее время, какъ это можно видѣть изъ приложенія въ концѣ книги (№ 9), число факторій немного возрасло (12), число лавокъ осталось то-же, что и въ 1881 г., т. е. 14. Другими словами, въ смыслѣ развитія конкурренціи положеніе вещей осталось неизмѣннымъ и даже ухудшилось, такъ какъ возрасло количество осѣдлаго населенія на Мурманѣ, и нѣкорорые изъ колонистовъ-норвежцевъ западнаго Мурмана, ранѣе дѣятельно противодѣйствовавшіе монополіи фактористовъ, въ свою очередь сдѣлались монополистами на манеръ Кнюцена и Пильфельда. Впрочемъ, деморализующее вліяніе этихъ монополистовъ умѣряется до нѣкоторой степени тѣмъ, что они все-таки вносятъ въ Мурманскую жизнь, погрязшую въ самой заскорузлой рутинѣ, кое-что новое и по существу прогрессивное.

Нѣкоторые наблюдатели Мурмана, не особенно считающіеся съ цифрами и фактами, однако видятъ за послѣднее время нѣкоторый поворотъ къ лучшему въ смыслѣ ослабленія монополіи фактористовъ, какъ, напр., г. Подгаецкій. Но оптимизмъ его обусловливался, какъ онъ самъ говоритъ, тѣмъ, что «начали проявляться проблески свободы торговли и возрастать конкурренція не только отъ борьбы между колонистами и фактористами, но и отъ того, что на мѣстѣ бывшей факторіи Зебека въ Корабельной бухтѣ, *возникло солидное рыбопромышленное общество «Рыбакъ», основанное петербургскими капиталистами, обладающее большими средствами.....»* Въ настоящее время общество «Рыбакъ» ликвидировало свои дѣла, такъ что предвидѣнія Подгаецкаго не могли осуществиться, а кромѣ того самое простое разсужденіе можетъ показать, что никакое «солидное» капиталистическое предпріятіе не улучшитъ положенія покрученника, страдающаго, главнымъ образомъ, отъ эксплуатаціи его именно на капиталистическій ладъ. Дѣло другое, если мы будемъ имѣть въ виду общее развитіе промысловъ въ смыслѣ созданія блестящей въ экономическомъ смыслѣ отрасли производства—въ этомъ смыслѣ «солидныя» капиталистическія предпріятія на Мурманѣ могли-бы очень многое сдѣлать, но и тутъ нужно замѣтить, что они сдѣлали-бы не больше, чѣмъ капиталистическія-же предпріятія фактористовъ. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время на горизонтѣ мурманской неурядицы, кромѣ возникновенія и развитія мелкой артельной формы организаціи про-

мысловаго труда, не видно ни одного свѣтлаго облачка, которое бы позволило питать какія-либо оптимистическія надежды.

Между прочимъ, колонизація Мурмана вызвала къ жизни, конечно, при содѣйствіи правительства, акціонерное пароходное общество срочнаго Бѣломорско-Мурманскаго пароходства, но дѣло не пошло у этой компаніи, и уже въ 1874 г. общество прекратило свое существованіе. Правда, въ слѣдующемъ году возникло новое общество «Архангельско-Мурманскаго» срочнаго пароходства (получающее субсидію въ 80000 руб.), и даже въ самое послѣднее время рейсы этого пароходства, по ходатайству архангельскихъ властей, учащены, но и до сихъ поръ Мурманъ сообщается съ съ Архангельскомъ съ одной стороны и съ Норвегіей—съ другой, очень недостаточно *). Нельзя отрицать, что организація правильныхъ сношеній съ Мурманомъ оказала нѣкоторыя услуги развитію колонизаціи на этомъ берегу, но во всякомъ случаѣ вліяніе это было односторонне, такъ такъ давало возможность только болѣе или менѣе зажиточнымъ колонистамъ въ лицѣ фактористовъ вести свои предпріятія съ меньшимъ рискомъ и большими шансами на успѣхъ.

На основаніи новаго устава пароходства (1897 г.), оно обязано имѣть не менѣе 8 пароходовъ и должно производить рейсы на Мурманъ между Вардэ и становищами побережья разъ въ недѣлю, весною; лѣтомъ товарищество обязано совершать одинъ рейсъ въ недѣлю между Архангельскомъ и Вардэ (вдоль Мурмана) и еще по линіи Варангерскаго залива между Кій—островомъ и Вадзе одинъ разъ въ недѣлю. Для наблюденія за порядкомъ во время производства промысла, а также для сообщенія промышленникамъ свѣдѣній о ходѣ рыбы вдоль Мурманскаго берега, въ послѣдніе годы вдоль Мурмана крейсируетъ административный пароходъ «Мурманъ», значеніе котораго, однако, для колонизаціи берега невелико, и вообще для развитія промысловъ этотъ крейсеръ приноситъ немного пользы, хотя бы уже по одному тому, что въ самое горячее промысловое время онъ красится въ докахъ Соловецкаго монастыря, тратя на эту операцію не менѣе иногда 1½ мѣсяцевъ.

Для успѣха колонизаціи въ числѣ многихъ условій нужно, конечно, и строгое отношеніе ко всѣмъ узаконеніямъ, гаранти-

*) Рейсы еженедѣльные.

рующимъ осѣдлому населенію имущественную и гражданскую неприкосновенность и вообще соблюденіе всѣхъ юридическихъ нормъ, регулирующихъ и гарантирующихъ правильное развитіе общественности. Въ этомъ смыслѣ Мурманскій берегъ представляетъ картину самаго хаотическаго безпорядка, и хотя полицейская часть на немъ организована такъ-же, какъ и въ остальныхъ частяхъ Архангельской губ., однако функціи мѣстныхъ судебныхъ органовъ отправляются чрезвычайно вяло, прежде всего по недостатку судебнаго персонала и отсутствію правильнаго и частаго сообщенія между всѣми становищами побережья. Отчасти для обезпеченія большей возможности отправлять правосудіе администрація содержитъ пароходъ «Мурманъ», на которомъ ѣздятъ лица судебнаго и административнаго вѣдомства, но эта функція выполняется имъ плохо, такъ какъ рейсы въ сущности очень рѣдки. Благодаря этому, случаются такія вещи, что мировой судья, живущій, кстати сказать, въ Колѣ, не является, какъ пишетъ Максимовъ, на Мурманъ съ ранней весны и до начала Августа. «Накопилось,—продолжаетъ Максимовъ,—огромное количество дѣлъ, которыя пересылались урядниками въ г. Колу. Мнѣ говорили, что мировой судья намѣренъ былъ вызвать обвиняемыхъ, гражданскихъ истцовъ и отвѣтчиковъ въ г. Колу на томъ основаніи, что онъ не находитъ въ становищахъ удобнаго помѣщенія для разбора дѣла. Судите сами, какой это, въ самомъ дѣлѣ, уважительный аргументъ, насколько удобно обвиняемымъ и отвѣтчикамъ путешествовать въ г. Колу, бросая промыселъ. Впрочемъ, я не знаю, состоялось-ли это путешествіе въ Августѣ мѣсяцѣ, или мировой судья наградилъ Мурманскій берегъ своимъ присутствіемъ. Я убѣдился въ полномъ безначаліи, бывшемъ въ становищѣ Гаврилово во все время моего пребыванія тамъ. Что могъ предпринимать несчастный урядникъ, безправное лицо, обязанное составить только протоколъ, не болѣе? Я слышалъ, какъ онъ запугивалъ людей, ссылаясь на законы, видѣлъ, какъ онъ составлялъ протоколы, но рѣшеній быть не могло; между тѣмъ, жаловались другъ на друга поминутно, причемъ жалобы были разнохарактерны».

Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ успѣшную колонизацію Мурмана весьма сомнительной.

Одной изъ очень важныхъ причинъ, вредящихъ успѣху колонизаціи, является между прочимъ одинъ изъ параграфовъ правилъ

о колонизаціи, а именно тотъ, которымъ колонистамъ разрѣшалась безпошлинная торговля для всѣхъ, переселившихся на Мурманъ. Въ надеждѣ занять торговое положеніе на Мурманѣ, туда хлынула первоначально толпа авантюристовъ безъ всякихъ средствъ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, неся туда только неудержимую жажду скорой наживы. Въ особенности этому содѣйствовала первоначально существовавшая свобода безпатентной торговли спиртными напитками, употребленіе которыхъ на Мурманѣ доходитъ до грандіозныхъ размѣровъ. Этимъ колонистамъ нечего было терять на родинѣ. Правительство, желая поощрить колонизацію, выдавало пособіе по 200 руб. на семейство. Колонисты имѣли право на полученіе еще ссуды изъ казны «по правиламъ о выдачѣ ссудъ поморамъ на Мурманскомъ берегу для самостоятельнаго веденія рыбнаго промысла», для покупки шнякъ и карбасовъ. Артели, составлявшіяся изъ 4 челов. для промысла на шнякѣ, получали ссуду въ размѣрѣ не выше 430 руб., а для промысла на карбасѣ— не свыше 215 руб. Колонистамъ, кромѣ того, предоставляется право безпошлинной торговли заграничными товарами, необходимыми для промышленниковъ, какъ-то: чаемъ, сахаромъ, веревками, дождевиками, теплыми фуфайками и т. д. Колонизація началась, когда еще не было запрещенія привоза на Мурманъ спиртныхъ напитковъ. Было время, когда на Мурманѣ привозомъ спиртныхъ напитковъ наживались огромныя состоянія. Фактористъ Дарлингъ, наприм., выручалъ за какіе-нибудь три мѣсяца около 7.000 руб., причемъ получалъ эти деньги треской по 40 коп. за пудъ, тогда какъ настоящая цѣна ей доходила до 75 коп. Вотъ что было принято, главнымъ образомъ, русскими колонистами во вниманіе при стремленіи ихъ на Мурманъ. Жажда быстраго обогащенія на счетъ норвежскаго рома и русской водки брала верхъ надъ всѣми чисто-сельскохозяйственными или домашне-обиходными соображеніями. И вотъ, когда поселились первые колонисты въ Гавриловѣ и Териберкѣ, то каждый домъ колониста обратился въ кабакъ. Пьянство происходило день и ночь въ лѣтнюю пору; поморы брали безпатентные кабаки штурмомъ. Тогда колоиисты наживали деньги, которыя они такъ-же легко проматывали, какъ и пріобрѣтали. Не долго, однако, продолжалась ихъ вольготная жизнь. Вышло запрещеніе торговли спиртными напитками. Колонисты бросились на торговлю чаемъ, сахаромъ, снастями и другими товарами, необхо-

димыми для промышленниковъ. Но на этомъ поприщѣ торговли они встрѣтили сильныхъ конкуррентовъ въ лицѣ поморовъ—фактористовъ, которымъ были предоставлены наравнѣ съ колонистами льготы безпошлинной торговли заграничными товарами, добываемыми изъ Вардэ. Колонисты потеряли сначала деньги, нажитыя на винѣ, а потомъ подпали подъ давленіе поморовъ—капиталистовъ, т. е. попросту задолжали имъ по нѣсколько сотъ рублей. И вотъ теперь стоятъ жалкія колоніи, въ грязи и нуждѣ, съ народонаселеніемъ, задолжавшимъ по горло казнѣ и частнымъ лицамъ. Они не могутъ выйти изъ безпросвѣтной бѣдности. Это—нахлѣбники казны и несостоятельные ея должники. Казна озабочена ихъ пропитаніемъ, но питомцы ея ничего не производятъ и выплачиваютъ ей гроши. Единственный заработокъ имѣютъ они лѣтомъ рыбнымъ промысломъ. Бабы, дѣвки и ребятишки заработываютъ гроши, помогая поморамъ наживлять яруса, а мужики выѣзжаютъ въ море на ловлю рыбы. И такъ влачатъ они жалкое существованіе, страдая зимою отъ цынги, нуждаясь въ пищѣ и овощахъ, оторванные отъ міра и не имѣя у себя даже запаснаго магазина для хлѣба. Если судить по этимъ образцамъ, колонизація не имѣетъ будущности на Мурманѣ. Русскіе колонисты на Мурманѣ—самые презрѣнные люди, по понятіямъ поморовъ. Лѣтомъ они работаютъ съ грѣхомъ пополамъ: ловятъ рыбу въ океанѣ или семгу въ рѣкѣ Териберкѣ, враждуя изъ-за нея съ лопарями. которые перекочевываютъ на лѣто къ морскимъ берегамъ, а зимою колонисты погружаются въ летаргическій сонъ, и тогда наступаетъ время торжества цынги....»

«Пьянство на Мурманѣ,—пишетъ другой бытописатель Мурманскаго побережья,—развито къ несчастью такъ-же сильно, какъ между крестьянами и рабочимъ классомъ всей Россіи. Главный напитокъ промышленниковъ—норвежскій ромъ самаго низшаго достоинства, несмотря на то, что онъ носитъ названіе Ямайскаго. Бутылка этого рому стоитъ 40 копѣекъ. Многіе доказываютъ, что въ промысловые мѣсяцы на Мурманѣ выпиваютъ не менѣе 5000 анкерковъ рому, что составляетъ 250.000 бутылокъ., т. е. на 100.000 рублей. Кромѣ того, тамъ въ употребленіи разныя заграничныя вина, водки, ликеры и норвежское пиво....»

Это писалось о Мурманѣ еще въ то время, когда тамъ была разрѣшена свободная продажа спиртныхъ напитковъ. Теперь этой

свободы нѣтъ, но пьянство, повидимому, нисколько не уменьшилось и по-прежнему составляетъ язву мурманской жизни, въ значительной степени тормозящую правильное развитіе не только колонизаціи, но и вообще промышленной дѣятельности.

Въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ по всему побережью Мурмана въ различныхъ его пунктахъ администраціей устроены хлѣбные и соляные магазины, польза которыхъ, при безурядицѣ экономическихъ отношеній на Мурманѣ, при экономической зависимости большинства промышленниковъ отъ массы спеціально мурманскихъ «благодѣтелей», очевидна, а въ данномъ случаѣ, т. е. по отношенію къ колонизаціи, эта мѣра значительно содѣйствовала по крайней мѣрѣ тому, что осѣдлое населеніе не такъ стало нуждаться въ двухъ самыхъ главныхъ на Мурманѣ вещахъ—хлѣбѣ и соли. Мы говоримъ: «самыхъ главныхъ на Мурманѣ», и дѣлаемъ это нарочно, чтобы подчеркнуть особенно важное значеніе этой мѣры, именно на Мурманѣ, который въ теченіе почти 9 мѣсяцевъ лишенъ возможности получать за *доступную* цѣну эти два продукта, безъ которыхъ нельзя жизнь вообще, а въ особенности на Мурманѣ, гдѣ недостатокъ соли дѣлаетъ ненужнымъ совершенно и самый промыселъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ въ данное время.

Для довершенія картины жизни на Мурманскомъ берегу берегу слѣдуетъ обратить еще вниманіе на гигіеничсскія условія. Нѣтъ надобности долго останавливаться на этомъ предметѣ—всѣ русскія поселенія и всѣ становища находятся въ тожественныхъ гигіеническихъ условіяхъ, и потому достаточно описать одно поселеніе, чтобы дать понятіе о всѣхъ.

Незавидную картину представлетъ собою Мурманское становище! Это просто кучка невѣроятно грязныхъ и ветхихъ избенокъ, а иногда и землянокъ. *) Это по-истинѣ скопище грязи и всяческихъ отбросовъ. «Очевидно,—говоритъ одинъ наблюдатель,—люди собираются сюда сорить и грязнить, а убирать некому—всѣ заняты промысломъ.....» Но таковы, впрочемъ, русскія поселенія, —финскія и норвежскія, какъ мы уже видѣли, представляютъ иную картину.

---

*) На долю самостоятельныхъ промышлениковъ, наиболѣе бѣдныхъ, приходится нерѣдко вмѣсто жилья перевернутая лодка, брошенная на произволъ судьбы кѣмъ-нибудь.

Что касается вообще бытовыхъ условій на Мурманскомъ побережьѣ, то они просто ужасны и гибельностью своей превосходятъ всякое описаніе....,» говоритъ одинъ изъ невольныхъ наблюдателей этихъ бытовыхъ условій. Впрочемъ, онъ все-таки пытается дать болѣе или менѣе точное ихъ описаніе, и вотъ какую картину онъ рисуетъ....

Обыкновенно хозяинъ принимаетъ на себя обязанность кормить и давать пріютъ своимъ рабочимъ. На каждые 30 человѣкъ выстраивается обыковенно одна темная (чтобы не расходоваться на стекла) изба, занимающая пространство въ 3—4 кв. сажени и содержащая не болѣе 10 куб. саж. воздуха. Стремленіе къ экономіи приводитъ къ тому, что изба, разъ выстроенная, не ремонтируется никогда, и въ настоящее время всѣ промысловыя избы стали до такой степени ветхими, что вовсе не защищаютъ отъ сырости и холода и надѣляютъ каждаго изъ обитателей ея цынгой и ревматизмами. Конуры эти не топятся зимой, вслѣдствіе чего, съ водвореніемъ въ нихъ рабочихъ, онѣ дѣлаются сырыми и угарными. Благодаря скученности населенія избушки, при полнѣйшемъ отсутстіи вентиляціи и какихъ бы то ни было гигіеническихъ приспособленій, заражается воздухъ, за рѣшительною невозможностью выносить который часть рабочихъ ищетъ себѣ пріюта подъ крышей, гдѣ земляная насыпь потолка служитъ поломъ, а тесовая со щелями крыша—потолкомъ; другіе помѣщаются въ сѣняхъ, тоже не имѣющихъ половой настилки, или въ амбарахъ, гдѣ хранится рыба; рѣзкій переходъ отъ жаркой избы къ холодному воздуху при недостаткѣ теплой одежды вызываетъ заболѣванія. Экспедиція профессора Богданова въ своемъ отчетѣ свидѣтельствуетъ, что промысловыя «лачуги представляютъ всѣ условія для развитія всевозможныхъ болѣзней.» Но и внѣ избы не лучше. Гніющая масса отбросовъ, получающихся при потрошеніи выловленной рыбы, распространяетъ такое зловоніе, что приводитъ въ обморокъ непривычнаго къ этой убійственной атмосферѣ человѣка. Всѣ эти міазмы въ значительной степени поддерживаютъ развитіе скорбута и другихъ болѣзней. Неимѣніе запаснаго бѣлья и одежды также гибельно отражается на здоровьѣ рабочихъ: промокшее, иногда обледенѣлое платье и бѣлье должны сохнуть на нихъ самихъ. Кромѣ этихъ неблагопріятныхъ условій, слѣдуетъ еще упомянуть и о крайне неудовлетворительномъ и не-

достаточномъ питанiи, состоящемъ исключительно изъ хлѣба и трески. Ни о мясѣ, ни о какихъ-либо приправахъ здѣсь нѣтъ и рѣчи.»—

Это было писано сравнительно давно, но и теперь, по свидѣтельству людей только, такъ сказать, на дняхъ бывшихъ на Мурманѣ и наблюдавшихъ всю неприглядность бытовыхъ условiй тамошней жизни, картина остается той-же. Максимовъ, въ бытность его на Мурманѣ (въ 92 г.), рисуетъ, если только возможно, еще болѣе ужасную картину того, какимъ образомъ удовлетворяются нужды мурманскихъ обитателей во врачебной помощи—нужды чрезвычайно острыя, такъ какъ при тамошнемъ климатѣ, при необходимости почти постоянно быть мокрымъ и т. д., самыя ничтожныя травматическiя поврежденiя дѣлаются очень быстро серьезными, угрожающими жизни ранами, гдѣ, наконецъ, оспа, сыпной тифъ и цынга, въ особенности послѣдняя, не составляютъ рѣдкаго явленiя.

Въ то время, по словамъ Максимова, часто не знали, куда положить больного. Зданiе больницы въ другихъ отношенiяхъ казалось сноснымъ. Но недостатокъ врачебнаго персонала долженъ гибельно отражаться въ дѣлѣ медицинской помощи. На весь Мурманскiй берегъ, на всѣ больницы, на разстоянiи 1000 верстъ полагается одинъ врачъ. Лекарь, откомандированный на Мурманскiй берегъ, разъѣзжалъ изъ становища въ становище, предоставляя всѣ неожиданныя случаи, нечаянные исходы болѣзни на усмотрѣнiе фельдшеровъ и сестеръ милосердiя. По привычкѣ путешественника, лекарь, обращалъ большое вниманiе на рыбный промыселъ, давалъ поморамъ совѣты, какъ надо торговать, указывалъ на то, чего не хватаетъ, по его мнѣнiю, въ дѣлѣ рыбнаго промысла и при всякомъ удобномъ случаѣ старался внушить собесѣднику убѣжденiе, что онъ чрезвычайно близокъ къ областной администрацiи и былъ-бы не прочь поѣхать даже за-границу на казенный счетъ, съ цѣлью изслѣдованiя рыбнаго промысла во Францiи, Англiи и Америкѣ. На мой вопросъ, долго-ли онъ намѣренъ практиковать на Мурманѣ, лекарь отвѣтилъ, что какъ только составитъ себѣ состояньице, то оставитъ службу. Было очевидно, что человѣкъ этотъ былъ занятъ менѣе всего медициной.

Кромѣ недостатка врачебнаго персонала,—продолжаетъ Максимовъ,—больные страдаютъ въ больницахъ Мурманскаго берега еще и отъ недостатка пищи. Ихъ кормятъ трескою, кашею, иногда

молокомъ, въ рѣдкихъ случаяхъ солониною, изъ которой приготовляютъ иногда бульонъ. Свѣжаго мяса, зелени, приправъ никогда не бываетъ въ больницахъ «Краснаго Креста.» Говорятъ, нѣтъ средствъ. Я полагаю, лучше было-бы обложить поморовъ, промышлющихъ на Мурманѣ, нѣкоторымъ сборомъ, нежели ссылаться на недостатокъ средствъ, когда необходимо спасать жизнь тружениковъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ рыбнаго промысла. Наконецъ, правильная постановка врачебнаго дѣла необходима для предупрежденія всевозможныхъ эпидемій. Это до такой степени очевидно, что распространяться объ этомъ нечего. Что же касается видоизмѣненія санитарныхъ условій Мурманскаго берега, то необходимо приступить къ этому немедленно. Въ такихъ случаяхъ правительство не должно церемониться.

Правда, въ настоящее время, т. е. спустя три года послѣ того, какъ Максимовъ оставилъ Мурманскій берегъ, положеніе вещей нѣсколько измѣнилось, но измѣненіе это коснулось, и притомъ въ очень незначительной степени сравнительно съ размѣрами нужды, только организаціи врачебной помощи. Строго говоря, винить въ дурномъ устройствѣ врачебной помощи только администрацію, какъ это склоненъ дѣлать Максимовъ, едва-ли возможно, по крайней мѣрѣ, цѣликомъ. Порядочная часть всяческихъ неустройствъ въ данномъ отношеніи падаетъ на долю чисто естественныхъ условій, въ какихъ находится Мурманъ. Чтобы оцѣнить отчасти тяжесть естественныхъ условій, въ какихъ приходилось создавать сколько-нибудь сносную организацію врачебной помощи, достаточно бросить взглядъ на исторію этого дѣла, рзсказываемую человѣкомъ, который самъ прослужилъ въ качествѣ врача на Мурманѣ 10 лѣтъ и превосходно ознакомился съ бытовыми и санитарными условіями тамошней жизни. Исторія эта заслуживаетъ того, чтобы ее привести цѣликомъ.

«По разсказамъ колянъ, народная медицина,—гласитъ эта исторія,—была въ рукахъ знахарей до 1854 года, пока не прислали въ Колу военнаго врача съ командою для защиты города отъ нападенія англичанъ. Военный врачъ пробылъ въ Колѣ до окончанія Крымской компаніи и на его мѣсто въ 1858 году былъ присланъ первый уѣздный врачъ Дембровскій, который, пробывъ тамъ восемь лѣтъ, устроилъ больницу, аптечку и исходатайствовалъ себѣ помощника—лѣкарскаго учсника; выписана была и пови-

вальная бабка. Благодаря его заботамъ, мѣстный капиталистъ Поповъ, умирая оставилъ Колѣ небольшой капиталъ на устройство новой больницы, такъ какъ первая не соотвѣтствовала гигіеническимъ требованіямъ и была весьма неудобна, вслѣдствіе того, что помѣщалась въ одномъ старомъ зданіи, вмѣстѣ съ полиціею и тюрьмою. Послѣ Дембровскаго въ Колу былъ назначенъ врачъ Лаутерштейнъ, который доказалъ Архангельскому Врачебному Отдѣленію необходимость имѣть въ Лапландіи трехъ фельдшеровъ, вслѣдствіе чего таковые и были назначены: въ Кузомень на Терскомъ берегу, въ Печеньгу—на западной части Мурманскаго берега и въ Колу. Врачъ Лаутерштейнъ пробылъ въ Колѣ два года и послѣ него до 1882 года никто изъ врачей не соглашался отправиться въ этотъ отдаленный край на государственную службу, и леченіе предоставлено было фельдшерамъ, а съ 1882 г. по 1890 годъ былъ назначенъ врачъ М. Т. Стафіевскій. Исправники г. Колы и Мурманскаго берега не могли не обратить вниманія на промысловыя и мѣстныя эпидемическія болѣзни и писали объ этомъ въ своихъ годовыхъ отчетахъ. Архангельская же высшая администрація сообщала объ этомъ съ своей стороны въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что и вызвало распоряженіе объ ежегодныхъ командировкахъ врачей на Мурманъ для поданія помощи заболѣвающимъ рыбопромышленникамъ. Министерскимъ командированнымъ врачамъ негдѣ было помѣщать серьезныхъ больныхъ, они могли давать только совѣты и удѣлять немного медикаментовъ изъ своихъ походныхъ аптекъ, а сами жили въ станахъ рыбопромышленниковъ, у гостепріимныхъ судохозяевъ или на факторіяхъ. Положеніе этихъ врачей было не завидно, и имъ не легко было приносить желаемую пользу, но зато они обогащали архивы высшей администраціи подробными отчетами, въ которыхъ ясно проводили мысли о необходимыхъ мѣрахъ къ поднятію благосостоянія края и о санитарныхъ его нуждахъ. Командировка министерскихъ врачей продолжалась недолго, такъ какъ они доказали, что при такой обстановкѣ не могутъ приносить пользы рыбопромышленникамъ, и что деньги, затрачиваемыя на это правительствомъ, безполезны; поэтому съ 1878 г. вмѣсто врачей начали посылать фельдшеровъ. Вообще участь здоровыхъ на Мурманѣ не завидна, а тѣмъ болѣе больныхъ, поэтому крайне нужно было предпринять энергическія мѣры, могущія принести пользу

страждущимъ. Нужно было явиться администратору съ весьма сильною волею, или общественному дѣятелю, не жалѣющему своихъ трудовъ и умѣющему найти необходимыя для того матеріальныя средства, чтобы поставить тамъ санитарную часть въ такія рамки, въ которыхъ она могла-бы дѣйствительно принести пользу. Въ концѣ 1880 г., когда бывшая предсѣдательница Архангельскаго Общества Краснаго Креста А. Г. Игнатьева оставила г. Архангельскъ, предсѣдательство перешло въ руки бывшаго вице-губернатора, князя Голицына, который въ слѣдующемъ-же году на одномъ изъ очередныхъ собраній Общества предложилъ обсудить, какимъ образомъ и откуда взять средства, чтобы принести посильную помощь насчастнымъ заболѣвающимъ промышленникамъ. Предложеніе это было принято почти единогласно и рѣшено было послать въ Лапландію на берега Ледовитаго океана санитарный отрядъ, а разработка подробностей его дѣятельности и изысканіе необходимыхъ средствъ возложено на мѣстное управленіе Общества. Въ томъ же году, послѣ вскрытія Сѣверной Двины, былъ посланъ санитарный отрядъ на счетъ мѣстнаго Общества Краснаго Креста, съ первымъ рейсомъ на срочномъ мурманскомъ пароходѣ «Архангельскъ». Въ составъ санитарнаго отряда вошли: врачъ Е. М. Дементьевъ, шесть сестеръ милосердія, принадлежащихъ къ общинѣ рясофорныхъ монахинь женскаго Холмогорскаго монастыря, три правительственныхъ фельдшера и три санитара, а со вторымъ рейсомъ былъ посланъ второй врачъ Вл. Р. Гулевичъ. Докторъ Дементьевъ, прибывъ на Мурманъ, разбилъ свой отрядъ на двѣ части: первая часть поселилась въ Семи-островахъ, а вторая въ Териберкѣ, и, такъ какъ не оказалось свободныхъ домовъ для помѣщенія санитарнаго отряда и прибывающихъ больныхъ, то онъ распорядился, чтобы были разбиты военныя палатки, куда и помѣщены были тѣ и другіе. Военныя палатки оказались въ такомъ суровомъ климатѣ непригодными и холодными, но, по неимѣнію другихъ помѣщеній, пришлось довольствоваться и этимъ. Санитарный персоналъ, воодушевляемый врачами, переносилъ примѣрно и безропотно всѣ мѣстныя климатическія неудобства. Пока санитарный отрядъ работалъ на восточной сторонѣ Мурманскаго берега, Архангельское Управленіе Общества Краснаго Креста подъ руководствомъ князя Н. Д. Голицына изыскивало средства для веденія начатаго благого дѣла въ будущія навигаціи, не только въ

лѣтніе, но и въ весенніе мѣсяцы, т. е. въ то время, когда весь берегъ покрытъ снѣгомъ, и когда бываетъ больше всего больныхъ на промысловомъ берегу. Архангельское Управленіе Общества Краснаго Креста предусмотрѣло, что нельзя будетъ санитарному отряду жить весною и лѣтомъ въ военныхъ палаткахъ, и, имѣя въ своемъ распоряженіи на первое время достаточно средствъ, рѣшило купить на Мурманѣ станы, которые можно было-бы приспособить для больницъ, а, если это не будетъ возможно, то построить въ Архангельскѣ дома и перевезти ихъ на срочныхъ пароходахъ Мурманскаго Общества. Князь Н. Д. Голицынъ для этой цѣли поѣхалъ на Мурманъ, чтобы контролировать на мѣстѣ дѣйствія врачей, и купилъ въ Семи-островахъ и Териберкѣ станы, изъ которыхъ впослѣдствіи сдѣланы пріемные покои. Семи-островскій покой бытъ приспособленъ въ 1881, а Териберкскій въ 1882 году. Послѣ этого князь поѣхалъ въ Гаврилово, гдѣ осмотрѣлъ заброшенную старую гавриловскую больницу, въ которой уцѣлѣли лишь однѣ стѣны. Относительно возникновенія этой больницы здѣсь слѣдуетъ сказать, что 1868 и 1869 годы были для рыбопромышленниковъ весьма тягостны, такъ какъ въ эти годы свирѣпствовалъ на Мурманѣ брюшной тифъ, который унесъ въ могилу весьма много жертвъ, о чемъ было сообщено мѣстными властями въ Архангельскъ. Вслѣдствіе этого Министерство Государственныхъ Имуществъ, желая помочь рыбопромышленникамъ, взяло на себя обязанность выстроить на Мурманѣ въ становищѣ Гаврилово больницу, но она, по неизвѣстной причинѣ, была не докончена. Эта больница въ 1881 году была въ самомъ жалкомъ видѣ, безъ оконъ, дверей, печей, потолковъ, крыши, балокъ, и послѣ того какъ она была осмотрѣна, врачи санитарнаго отряда получили предписаніе привести ее въ надлежащій видъ, но, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ, она приводилась въ порядокъ только исподволь въ 1882, 1883, 1884 и 1885 годахъ. Князь Н. Д. Голицынъ, сдѣлавши въ Гавриловѣ всѣ необходимыя распоряженія относительно дѣятельности санитарнаго отряда въ будущую навигацію, отправился на западный берегъ въ становище Цыпъ-Наволокъ, на Рыбачій полуостровъ, гдѣ имъ и избрано было мѣсто для больницы. Въ Архангельскѣ была заказана больница на сносъ, которую на послѣднемъ рейсѣ Мурманскаго срочнаго пароходства, идущемъ на зимовку, отправили съ рабочими на Мурманъ. По-

слѣдніе были обязаны сложить эту больницу до Марта мѣсяца 1882 года, къ пріѣзду на Мурманскій берегъ санитарнаго отряда. Послѣ окончанія Цыпъ-Наволоцкой больницы, по ходатайству Архангельскаго Управленія Общества Краснаго Креста, присвоено ей наименованіе «Пріемнаго покоя Императрицы Маріи Ѳеодоровны». Этотъ пріемный покой современемъ оказался очень малымъ по причинѣ скопленія рыбопромышленниковъ въ этомъ становищѣ, поэтому князь Н. Д. Голицынъ исходатайствовалъ отпускъ изъ казенныхъ дачъ безпошлиннаго лѣса, и въ 1887—1888 годахъ изъ него пристроили два флигеля. Теперь эта больница, приведенная въ полный порядокъ, представляетъ на Мурманѣ одно изъ лучшихъ зданій. Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть, что въ 1881 году, когда Архангельское Управленіе Общества Краснаго Креста занималось изысканіемъ средствъ для покрытія необходимыхъ расходовъ по санитарному отряду, бывшій нашъ консулъ Н. Д. Бухаровъ обратился съ просьбою въ это Управленіе о томъ,—не найдетъ-ли оно возможнымъ посылать на весеннюю навигацію часть санитарнаго отряда въ становище «Кибергъ» или «Подъ-Бирка», находящееся на норвежской территоріи, гдѣ весною скопляется много русскихъ промышленниковъ. Просьба г. Бухарова не осталась безъ вниманія, и ему сообщено было, что, если окажутся матеріальныя средства, то будетъ посланъ въ его районъ дѣйствій врачъ и необходимый санитарный персоналъ. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, узнавъ объ этомъ, предложило со своей стороны выдавать Архангельскому Управленію Общества Краснаго Креста пособіе въ размѣрѣ 500 руб. за каждую навигацію для открытія временнаго санитарнаго пункта въ Кибергѣ, что и было принято съ благодарностью. Въ 1882 году былъ посланъ санитарный отрядъ съ двумя врачами. Врачи Л. В. Искерскій и Вл. Р. Гулевичъ получили инструкцію открывать по мѣрѣ надобности пріемные покои: въ Кибергѣ, Цыпъ-Наволокѣ, Териберкѣ, Гавриловѣ и Семи-Островахъ. Дѣятельность санитарнаго отряда проявилась сначала въ Норвегіи и на западной сторонѣ Мурманскаго берега въ Цыпъ-Наволокѣ, а по окончаніи весенней навигаціи, такъ какъ большинство рыбопромышленниковъ переѣхало на восточную сторону, то и весь санитарный отрядъ перенесъ свою дѣятельность въ Семь-Острововъ, Териберку и Гаврилово. Въ слѣдующій годъ, преемникъ Н. Д. Бухарова Д. Н. Островскій сдѣлалъ сообщеніе

своему министерству о необходимости поддержанія санитарнаго отряда ежегоднымъ денежнымъ пособіемъ; представленіе это было уважено и сдѣлано соотвѣтственное распоряженіе. Эти пособія въ дѣйствительности поддержали въ критическія финансовыя минуты дѣла Общества Краснаго Креста на Мурманѣ. Въ 1883—1885 годахъ Архангельское Общество не имѣло больше средствъ для командированія двухъ врачей, и эти годы могутъ быть названы дѣйствительно критическими. Тогда завѣдывалъ санитарнымъ отрядомъ одинъ врачъ Вл. Р. Гулевичъ; въ 1886 году были командированы опять два врача, а съ 1887 по 1890 годъ завѣдывалъ больницами одинъ только врачъ Гулевичъ. Для разъясненія дѣла слѣдуетъ прибавить, что когда въ мѣстномъ Обществѣ Краснаго Креста средства были истощены, а впереди имѣлось только въ виду 500 рублей Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Князю Н. Д. Голицыну пришлось прибѣгнуть къ предложенію добровольныхъ пожертвованій, чему онъ первый подалъ примѣръ своею щедростью. Мало того, этотъ послѣдній, желая упрочить начатое дѣло, вошелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ особымъ представленіемъ о томъ, чтобы правительство приняло на себя обязанность давать ежегодно субсидію въ размѣрѣ 2000 рублей на ремонтъ больницъ, продовольствіе больныхъ и санитарнаго персонала, жалованье, медикаменты и дорогу изъ Архангельска до Колы. Представленіе князя было утверждено. Мурманскіе пріемные покои пріобрѣли въ настоящее время большое значеніе въ санитарномъ отношеніи для всего берега и со временемъ послужатъ къ опредѣленію его климата, такъ какъ въ Териберкѣ, по иниціативѣ врача Гулевича, при содѣйствіи С.-Петербургской Физической Обсерваторіи, устроена въ 1889 году метеорологическая станція второго разряда, съ необходимыми для наблюденій инструментами.

Слѣдуетъ замѣтить, что исторія эта разсказывается человѣкомъ, слишкомъ страстно относящимся къ дѣлу, которое онъ считалъ «своимъ» въ теченіе 10 лѣтъ. Весьма вѣроятно, что тонъ разсказа вслѣдствіе этого слишкомъ дифирамбическаго характера, а самъ авторъ слишкомъ склоненъ рисовать положеніе вещей въ болѣе розовомъ свѣтѣ, чѣмъ это дѣйствительно нужно. Истину, намъ кажется, нужно искать въ серединѣ между свидѣтельствомъ Максимова, слишкомъ сгущающаго краски, и врача Гулевича, по-

грѣшающаго въ противоположную сторону, тѣмъ болѣе, что другіе авторы, наблюдавшіе сравнительно недавно Мурманъ, въ большинствѣ случаевъ рисуютъ именно указываемое нами «среднее» положеніе вещей.

Въ заключеніе отмѣтимъ очень характерный для Мурмана фактъ, а именнно,—до 48°/о заболѣваній среди промышленниковъ приходится на долю язвъ, порѣзовъ, уколовъ, ушибовъ и т. п. болѣзней и до 20°/о на долю скорбута-цынги.... О язвахъ, порѣзахъ и т. п. говорить нечего, но цынга—это специфическая особенность сѣвера. Картина этой болѣзни чрезвычайно своеобразна.... Она поражаетъ человѣка не вдругъ, а постепенно, и проявляется въ родѣ эпидеміи, несмотря на то, что не заразительна. Не щадитъ она ни взрослыхъ, ни дѣтей, ни стариковъ. Пораженный цынгою вначалѣ чувствуетъ полное отвращеніе къ пищѣ, замѣчаетъ, какъ силы его ежедневно оставляютъ, во всѣхъ членахъ онъ чувствуетъ усталость, и больной дѣлается равнодушенъ ко всему его окружающему. Малѣйшія движенія вызываютъ въ немъ одышку и ревматическія летучія боли, проходящія когда больной спитъ или лежитъ спокойно, но сонъ его не подкрѣпляетъ. При всемъ томъ больному всегда холодно, хотя озноба настоящаго не бываетъ. Наконецъ, появляется опухоль десенъ, по мѣстному выраженію «насосы», и при томъ вонючій запахъ изъ рта. Эти насосы болѣзненны, а при малѣйшемъ давленіи кровоточивы. За появленіемъ насосовъ, появляются и другіе признаки, какъ-то: упорныя кровотеченія изъ носа, доходящія до обморока, и кровавый поносъ. Маленькая рана, нанесеннная больному, бываетъ весьма кровоточива, вытекающая кровь свертывается весьма трудно, она блѣднѣе нормальной крови и болѣе водяниста. Вслѣдствіе этихъ явленій, всѣ цынготные малокровны, цвѣтъ ихъ лица желтовато-блѣдный, они худѣютъ, и если болѣзнь идетъ дальше, то малѣйшій ушибъ оставляетъ темно-багровый кровоподтёкъ, весьма медленно всасывающійся и имѣющій большую наклонность къ изъязвленію. У больныхъ въ этомъ періодѣ весьма часто появляется опухоль колѣнныхъ и локтевыхъ суставовъ, и тогда они совершенно не могутъ ничѣмъ заниматься. Если они не подвергаются правильному леченію, то силы ихъ падаютъ съ каждымъ днемъ, и они уже постоянно лежатъ въ постели. Отъ постояннаго лежанія развивается иногда гипостатическое воспаленіе легкихъ, ведущее всег-

да къ смерти, или на спинѣ образуются громаднѣйшіе пролежни, и цынготный впадаетъ въ тихій бредъ, и наступаетъ смерть.

Любопытно, что мѣстные лопари лечатся отъ скорбута необыкновенно своеобразнымъ средствомъ и иногда успѣшно... Они ни больше, ни меньше, какъ *бьютъ поклоны передъ образомъ.* Поклоны эти совершаются при особой обстановкѣ: на больного надѣваютъ два-три полушубка и заставляютъ сдѣлать не меньше ста поклоновъ, затѣмъ позволяютъ отдохнуть, и снова больной бьетъ поклоны. Цѣль всего этого—вызвать у больного испарину, хотя нерѣдко вызывается обморокъ и даже смерть. Нужно «размять кровь», говорятъ лопари. Впрочемъ, тѣ-же лопари знаютъ и другія средства отъ цынги, и средства, съ точки зрѣнія научной медицины, весьма раціональныя.

Во всякомъ случаѣ, цынга—страшный бичъ Мурманскаго побережья. Въ высшей степени неудовлетворительныя гигіеническія условія жизни и санитарныя условія становищъ дѣйствуютъ на организмъ промышленника чрезвычайно разрушительно. «Тѣснота, спертый зловонный воздухъ въ промысловыхъ станахъ, однообразіе рыбной пищи, не подправляемой никакими кореньями и овощами, періодическое переутомленіе въ трудѣ, рѣзко смѣняющееся продолжительнымъ покоемъ и бездѣйствіемъ, безнадежность отъ покрута и скука—вотъ условія, при которыхъ развивается здѣсь страшный бичъ сѣвера—цынга (скорбутъ) и многія острыя заболѣванія.

Санитарныя условія становищъ настолько плохи, что не будь несмѣтныхъ стай морскихъ птицъ, преимущественно чаекъ, которыя пожираютъ всѣ нечистоты и рыбные остатки, накопляющіеся у становъ, и которыхъ промышленники справедливо называютъ полицейскими надзирателями, то каждое изъ Мурманскихъ становищъ могло-бы служить источникомъ любой заразы.... «*Покрутъ и цынга—это страшнѣйшіе враги благосостояніе Мурмана,* на уничтоженіе которыхъ, или, вѣрнѣе, причинъ, ихъ порождающихъ, должны быть направлены всѣ усилія»—этими словами прекрасно иллюстрируется печальная дѣйствительность, и къ нимъ нечего прибавлять.

Совсѣмъ иначе обстоитъ и обстояло раньше дѣло съ колонизаціей Финмаркена, находящагося почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ Мурманомъ. Было время, а именно въ XV и XVI в.в., когда

русскимъ поморамъ, по выраженію историка, принадлежала «первенствующая роль въ эксплуатаціи несмѣтныхъ богатствъ Сѣвернаго океана», когда поморы посѣщали, кромѣ Мурмана, и Финмаркенъ, занимались тамъ рыбными промыслами, ходили до Нордкапа и далѣе, зимовали и устраивали склады на норвежской землѣ. По даннымъ исторіи, русскіе промыслы быстро увеличивались вплоть до XVIII вѣка, когда они достигли maximum'а своего развитія. Тогда русскіе поморы обладали лучшими судами и снастями, и промыслы ихъ были значительнѣе промысловъ мѣстнаго населенія. Къ тѣмъ-же временамъ относится основаніе нѣсколькихъ русскихъ селеній на Финмаркенскомъ берегу, между прочимъ Васина и Варгаева, преобразовавшихся впослѣдствіи въ норвежскіе города Вадзе и Вардэ.

«Финмаркенъ былъ тогда малонаселенной, забитой и бѣдной страной, страдавшей отъ тяжелаго гнета монополіи, дарованной норвежскимъ правительствомъ нѣсколькимъ бергенскимъ купцамъ, и этотъ несчастный уголокъ дальняго сѣвера совершенно опустѣлъ бы, если бы не русскіе поморы, доставлявшіе туда всѣ жизненные припасы взамѣнъ рыбы. Это было началомъ мѣновой торговли, которая тогда велась еще не оффиціально и возбуждала постоянныя жалобы со стороны бергенскихъ купцовъ-монополистовъ, такъ какъ, дѣлая имъ конкурренцію, она препятствовала имъ обогащаться за счетъ безвыходно нуждающагося финмаркенскаго населенія. Эти многочисленныя кляузы и жалобы разжирѣвшихъ міроѣдовъ имѣли послѣдствіемъ даже указъ Императрицы Екатерины II-й, которымъ предписывалось «русскимъ въ Финмаркенѣ заниматься промысломъ не въ притѣсненіе или вредъ Его Датскаго Величества.»

Восемнадцатое столѣтіе было золотымъ вѣкомъ для сѣвернаго русскаго торговаго флота. Это было время господства русскихъ поморовъ въ сѣверныхъ водахъ. Они не только фактически владѣли финмаркенскими рыбными промыслами, но и ходили на Шпицбергенъ, Новую Землю, въ Карское море, увозя оттуда обильную рыбную, китовую и звѣриную добычу. Примѣръ и прочныя основы своей смѣлой и обширной предпріимчивости они видѣли тогда въ энергической и плодотворной дѣятельности русскаго Архангельскаго военнаго флота, бывшаго всегда наготовѣ защищать отечественные интересы, и въ процвѣтаніи Архангельскаго

порта, куда преимущественно свозилось все добытое ими и находило обширный сбыть въ Россію и за-границу.

Когда великія политическія событія конца прошедшаго и начала настоящаго столѣтія и великія изобрѣтенія девятнадцатаго вѣка существенно повліяли на измѣненіе политическаго и общественнаго строя государствъ, и все болѣе и болѣе стала сознаваться истина, что благосостояніе народовъ зиждется, главнымъ образомъ, на внутреннемъ благоустройствѣ, экономическомъ развитіи народныхъ силъ и умѣніи пользоваться природными богатствами страны, Норвегія, въ крѣпкомъ союзѣ со Швеціей, добровольно отказались отъ политической роли въ Европѣ и занялись своими домашними дѣлами. Результаты получились поразительные. Въ весьма короткій срокъ Норвегія стала на небывалой высотѣ благосостоянія и культурнаго развитія.

Первымъ дѣломъ норвежское правительство обратило самое усиленное вниманіе на морскіе промыслы, процвѣтаніе которыхъ составляетъ для Норвегіи условіе быть или не быть. Началось тщательное изслѣдованіе и изученіе причинъ упадка рыбныхъ промысловъ на Финмаркенѣ, и для устраненія главной изъ нихъ, т. е. монополіи, сосавшей Финмаркенъ, была объявлена въ этой провинціи полная свобода торговли и были учреждены три портовые города. Съ этихъ поръ русско-норвежская мѣновая торговля стала оффиціально признаннымъ фактомъ. Русскимъ поморамъ были даны многія льготы для облегченія и развитія мѣновыхъ сношеній, но зато послѣдовали ограниченія ихъ правъ промысловъ у норвежскихъ береговъ. Столь гуманныя и справедливыя мѣропріятія норвежскаго правительства, какъ казалось, долженствующія вести лишь только къ экономическому развитію обѣихъ пограничныхъ окраинъ, сдѣлались ловушкой для русскихъ поморовъ, въ которую они пошли добровольно и охотно. Дѣло въ томъ, что обоюдовыгодная мѣновая торговля повела косвенно къ быстрому увеличенію рыбныхъ промысловъ въ Норвегіи и уменьшенію ихъ въ Россіи. Погнавшись за выгодами и легкой наживой, представляемой этой торговлей, главными товарами которой, со стороны русской, были хлѣбъ и лѣсные матеріалы, а со стороны норвежцевъ разные сорта рыбы, поморы стали все болѣе и болѣе оставлять отечественные промыслы и ввозить въ Россію не добытую ими, а вымѣненную въ Норвегіи рыбу. Послѣдствіемъ этого было

то, что финмаркенскіе промыслы, обогатившись новымъ и большимъ сбытомъ въ Россію, начали привлекать все большее и большее число людей. Финмаркенъ быстро заселился, и ежегодное возрастаніе улова рыбы происходило въ поразительныхъ размѣрахъ; причемъ норвежская рыба стала открывать себѣ все новые и все болѣе и болѣе обширные и отдаленные районы сбыта.

Въ городахъ Вардэ, Вадзе и Гамерфестѣ явились торговые дома, а съ ними легкій и дешевый кредитъ; явились салотопенные и гуанные заводы, давшіе возможность утилизаціи на мѣстѣ всѣхъ рыбныхъ продуктовъ; явились центральные склады для хлѣба, соли и рыбы, и Финмаркенъ въ одну сотню лѣтъ сталъ цвѣтущею провинціею, однимъ изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ и примѣромъ зажиточности населенія.

Нужно отдать полную справедливость норвежскому правительству. Оно не щадило ни трудовъ, ни денегъ, и вездѣ шло и идетъ понынѣ рука объ руку съ своими энергичными и трудолюбивыми подданными, оказывая имъ всевозможное содѣйствіе на каждомъ шагу въ ихъ трудной борьбѣ съ суровою сѣверною природой и океаномъ. Правительствомъ были предприняты обширныя гидрографическія изслѣдованія, разставлены маяки, устроены порты, проведены дороги и телеграфъ, учреждены и субсидированы срочные не только магистральные, но и мѣстные пароходные рейсы, поддерживающіе сообщеніе въ теченіе всего года, построены церкви, открыты школы и метеорологическія станціи.

Въ результатѣ такого совмѣстнаго труда правительства и частныхъ предпринимателей получилось то, что норвежцы стали твердою ногою на Финмаркенѣ и вытѣснили оттуда русскаго помора не только изъ тамошнихъ рыбныхъ промысловъ, но и уменьшили размѣръ поморско-норвежской мѣновой торговли, такъ какъ съ развитіемъ норвежскаго торговаго флота въ Финмаркенѣ стали успѣшно конкуррировать съ русской мукой—бергенская, съ русскимъ лѣсомъ—лѣсъ изъ южныхъ фіордовъ Норвегіи Кромѣ того, норвежцы, имѣя отлично устроенныя гавани и свои суда на незамерзающихъ водахъ, всегда готовы къ поискамъ за добычей и обладаютъ возможностью пользоваться богатѣйшими весенними уловами рыбы и весеннимъ боемъ звѣрей. Притомъ, примѣняя къ промысламъ новѣйшія изслѣдованія и усовершенствованія, они идутъ на ловлю навѣрняка. Болѣе или менѣе удачный уловъ рыбы

въ Норвегіи давно уже пересталъ быть дѣломъ случая. Вспомоществуемый метеорологіей и телеграфомъ, норвежскій промышленникъ идетъ на промыселъ безъ риска и всегда возвращается съ богатой добычей. Что касается звѣринаго промысла, то тотъ почти всецѣло перешелъ въ руки норвежцевъ, и до чего доходитъ ихъ смѣлость въ этомъ отношеніи, доказываетъ фактъ, что въ 1888 г., ранней весною, два норвежскіе звѣробойные парохода рѣшились впервые произвести опытъ боя тюленей, выносимыхъ на льдинахъ изъ Бѣлаго моря, т. е. чуть-ли не на территоріальныхъ водахъ Россіи. Опытъ былъ весьма удаченъ. Одинъ изъ пароходовъ «Vega» прибылъ къ устью Бѣлаго моря 24 Апрѣля и 5 Мая увезъ добычу въ 5.000 тюленей, стоимостью до 50.000 кронъ, то есть 25.000 р. Этотъ успѣхъ въ 1889 году привлекъ весною къ устью Бѣлаго моря уже девять норвежскихъ пароходовъ».

Въ настоящее время Финмаркенъ, дѣйствительно, представляетъ цвѣтущій уголокъ. О степени его процвѣтанія можно судить по живому описанію г. Вардэ, нѣкогда бывшаго русскимъ городомъ, которое мы находимъ у Максимова, ради изученія способовъ ловли и отношеній норвежскихъ купцовъ къ поморамъ, посѣтившаго въ 1892 году Финмаркенъ.

«Пріѣхавъ въ г. Вардэ,—говоритъ Максимовъ,—я убѣдился въ энергіи и высокомъ подъемѣ промышленнаго духа норвежскаго народа. Вардэ—скорѣе огромное становище, нежели городъ. Но становище это обставлено всѣми атрибутами культуры: я видѣлъ маленькую, но прекрасную гавань, переполненную рыбопромышленными ёлами, плавающими подъ косыми парусами, способными къ лавировкѣ и къ выдержкѣ штормовъ. Гавань защищена каменною стѣной и обставлена бочками на мертвыхъ якоряхъ, рымами на берегу, маячными огнями. Городъ соединенъ телеграфомъ съ городами всего свѣта. Купцы провели телефоны. Граждане открыли школы, завели общественныя собранія. Правительство дало субсидіи пароходамъ, дѣлающимъ рейсы вдоль береговъ Финмаркена и всей Норвегіи. Дума открыла общественный кабакъ, доходъ съ котораго употребляется на устройство гавани. Купцы устроили паровыя саловарни. Скупщики прислали въ Вардэ паровыя и парусныя суда въ такомъ количествѣ, что въ гавани не было, гдѣ яблочку упасть. Дѣятельность кипѣла живымъ ключомъ,

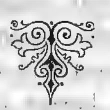
несмотря на то, что городъ былъ закутанъ въ сугробахъ снѣга, и на морѣ ревѣла буря, сопровождающаяся метелью».

И въ малой каплѣ водъ отражается солнце. И по приведенному отрывку можно судить о томъ, какъ совершалась и къ чему привела колонизація когда-то забытаго Богомъ и людьми пустыннаго берега Финмаркена. Ясно, что не достаточно однѣхъ «правилъ» и льготъ. Нужно еще очень многое, а прежде всего иниціатива и точно и ясно намѣченный широкій планъ дѣйствій, планъ, котораго каждая подробнось вытекала-бы изъ знакомства съ подлинной дѣйствительностью. Конечно, есть извѣстная доля правды въ словахъ одного изъ Архангельскихъ губернаторовъ, отвѣчавшаго на запросъ о необходимыхъ мѣрахъ къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ: «администраціи въ такихъ дѣлахъ приходится только не мѣшать, порою помогать, а творчество принадлежитъ народу. Творить можетъ только геній народа, сообразно со степенью его образованія и развитія; это тоже своего рода естественный ростъ, на который мастера нѣтъ, и который не нужно только задерживать».

Правда въ этихъ словахъ есть, и, если бы своевременно администрація *«помогла»* колонизаціи Мурмана, онъ теперь не представлялъ-бы такой противоположности Фирманкену. Къ сожалѣнію, въ свое время администрація не только не помогала развитію и укрѣпленію того, что создалъ уже «геній» народа, но сознательно или нѣтъ, скорѣе разрушала созданное. Явно, что *исторически* губернаторъ, сказавшій приведенныя слова, не правъ и провозглашать принципъ laisser faire—laisser passer вовсе не слѣдовало. Мы въ предшествовавшемъ историческомъ очеркѣ развитія нашихъ сѣверныхъ промысловъ видѣли, насколько въ теченіе почти цѣлаго столѣтія экономическая политика нашей администраціи походила на норвежскую. Къ сказанному въ этомъ очеркѣ нужно еще пожалуй добавить, что за это столѣтіе былъ упраздненъ Архангельскій военный флотъ, поддерживавшій въ сѣверныхъ водахъ престижъ русскаго имени и оказывавшій массу другихъ услугъ развитію нашихъ промысловъ и заселенію сѣвера; закрытъ былъ Архангельскій военный портъ, и постройки его проданы съ аукціоннаго торга, Архангельскъ сталъ съ каждымъ годомъ падать, стала падать мѣновая торговля, сократились звѣриные и рыбные промыслы и т. д.

«Настоящее положеніе Мурманскаго берега,—говоритъ Подгаецкій,—есть естественный результатъ непосильной борьбы оставленнаго почти на произволъ судьбы русскаго помора съ высококультурнымъ норвежцемъ, и оно неизбѣжно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Мурманскій берегъ не перестанетъ быть отрѣзаннымъ ломтемъ отъ остальной Россіи, не соединеннымъ съ нею ни дорогами, ни телеграфомъ, ни правильнымъ въ теченіе всего года почтовымъ сообщеніемъ, и нашъ архангельскій поморъ не перестанетъ быть временнымъ пришельцемъ на Мурманѣ и заброшеннымъ, забитымъ, оторваннымъ отъ своей семьи и всего свѣта труженикомъ. Теперь, за неимѣніемъ на Мурманѣ осѣдлыхъ центровъ, гаваней и какихъ-либо средствъ сообщенія, поморы по необходимости заводятъ свои суда въ замерзающіе порты Бѣлаго моря, откуда не могутъ выбраться раньше Іюня, то есть, когда богатѣйшій весенній уловъ рыбы конченъ, звѣрь распуганъ, и когда лучшая часть добычи уже захвачена иностранцами».

Впрочемъ, въ самое послѣднее время проводится и телеграфъ, устраивается и портъ, т. е. въ концѣ концовъ снова дѣлается то, что когда-то было......

VII.

Заключенiе.

Резюмируя все до сихъ поръ сказанное о своеобразной жизни отдаленнаго уголка нашего сѣвера, нужно, съ большимъ, конечно, сожалѣнiемъ, констатировать прежде всего полное *обезличенiе* этой жизни. Насколько оригинальна она была два вѣка тому назадъ и ранѣе, настолько въ настоящее время то, что происходитъ на Мурманскомъ берегу напоминаетъ какъ формами, такъ и содержанiемъ процессы, протекающiе въ любомъ уголку средней полосы Россiи, гдѣ только существуетъ какая-нибудь отрасль кустарной промышленности. Одно, что придаетъ довольно характерный оттѣнокъ жизни, кипящей на Мурманскомъ побережьи, и выгодно ее отличаетъ отъ жизни любого русскаго деревенскаго захолустья—это несомнѣнно ожесточенная борьба между капиталистической формой организацiи труда и народной, артельной, причемъ побѣда явно склоняется на сторону народно-артельной формы. Это послѣднее обстоятельство представляетъ не только интересное, но и дѣйствительно оригинальное зрѣлище. Во всемъ остальномъ, кромѣ разумѣется своеобразной обстановки промысловаго труда, жизнь на Мурманѣ давно уже утратила свой специфическiй оттѣнокъ, какой имѣла въ давно-прошедшiя времена: монополiи, отеческая заботливость администрацiи въ теченiе почти 2 вѣковъ и тысячи другихъ подробностей, изъ которыхъ складывается вообще русская дѣйствительность, сдѣлали свое дѣло..... Мурманъ въ настоящее время—довольно ординарный уголокъ Россiи со всѣми особенностями такого уголка, т. е. съ разоренiемъ работника, повальнымъ пьянствомъ, отвратительной санитарной обстановкой быта, создающими цѣлую скалу уродливыхъ явленiй, начиная съ такихъ, какъ упадокъ богатѣйшихъ въ Европѣ промысловъ, и кончая такими, какъ скупка рыбы въ Норвегiи въ то время, когда своей дѣвать некуда, и, наконецъ, такими, какъ отношенiя поморовъ-промышленниковъ и ихъ хозяевъ—благодѣтелей...

Несомнѣнно, однако, что при другихъ условiяхъ вся картина жизни Мурмана радикально измѣнилась-бы. Вся сила въ этихъ

«другихъ условіяхъ», конечно. Измѣнить существующія условія, въ какихъ протекаетъ промышленная жизнь на Мурманѣ, только на первый взглядъ кажется непосильной задачей. Жизнь сама уже намѣтила и выдвинула на первый планъ цѣлый рядъ задачъ, по отношенію къ которымъ, дѣйствительно, остается только «не мѣшать, порою помогать».

Читатель, внимательно прочитавшій все, что было нами сказано, безъ всякаго труда представитъ себѣ эти задачи порознь—остается только ихъ объединить одной идеей, выработать планъ дѣйствій и осуществлять его сразу съ нѣсколькихъ пунктовъ. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что центръ тяжести дезорганизаціи Мурманской жизни лежитъ прежде всего въ экономическихъ отношеніяхъ. Для всякаго безпристрастнаго наблюдателя несомнѣнно, что техническая сторона промысловъ нуждается въ коренномъ преобразованіи, но что не въ ней лежитъ центръ тяжести; не менѣе ясно, что всѣ бытовыя условія жизни на Мурманѣ сложились крайне неблагопріятно, но что, опять таки, не въ нихъ однихъ дѣло. Въ виду этого, необходимо, чтобы главныя усилія, и прежде всего, были направлены на измѣненіе чисто экономическихъ условій жизни—остальное должно только довершить зданіе.

Какъ ни ясны задачи государства по отношенію къ Мурману, какъ ни опредѣленно указываетъ на нихъ сама жизнь, a priori становится понятнымъ, что никакое воздѣйствіе на экономическія отношенія невозможно безъ точнаго изученія этихъ отношеній. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи сдѣлано такъ мало, что первой задачею, временно отодвигающей на задній планъ всѣ другія, должно быть именно *полное и систематическое статистико-экономическое изслѣдованіе*.... Безъ такого изслѣдованія и еще безъ тщательнаго изученія Мурмана и Сѣвернаго Ледовитаго океана въ естественно-историческомъ отношеніи, невозможна какая бы то ни было коренная реформа, особенно въ области экономическихъ отношеній.

И такъ, прежде всего необходимо тщательное, полное и систематическое изслѣдованіе Мурмана, преимущественно въ статистико-экономическомъ отношеніи, ибо для изученія его въ другихъ отношеніяхъ кое-что до сихъ поръ дѣлалось и дѣлается, тогда какъ въ указанномъ отношеніи до сихъ поръ, строго говоря, ничего не было сдѣлано.

Но «пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ»..... И намъ кажется, что и въ настоящее время возможно осуществить цѣлый рядъ мѣръ, которыя бы, если не радикально, то во всякомъ случаѣ замѣтно измѣнили-бы положеніе вещей на Мурманѣ къ лучшему. Именно теперь весьма важно подать руку помощи мелкому самостоятельному ловцу—артельщику, именно теперь нужно помочь колонизаціи берега, именно теперь нужно правильно поставить техническую сторону дѣла, именно теперь нужно упорядочить судебную и административную часть и т. д. И не только это все нужно, но все это вполнѣ и легко *возможно*.... иначе въ ожиданіи солнца роса сдѣлаетъ свое дѣло. Мурманъ переживаетъ теперь острый кризисъ, который далеко еще не извѣстно, чѣмъ разрѣшится. Пока на лицо имѣются только угрожающіе признаки, не оставляющіе мѣста оптимистическимъ надеждамъ, и потому нужно теперь-же, безотлагательно прійти на помощь тѣмъ элементамъ, которые въ будущемъ непремѣнно должны составить здоровое ядро. Подробности необходимыхъ реформъ, полный планъ ихъ осуществленія должно выяснить будущее изслѣдованіе Мурмана—въ настоящее-же время нужно спѣшить съ необходимѣйшими изъ нихъ, ибо, повторяемъ, роса выѣстъ очи въ ожиданіи солнца.....

Приложеніе № I.

Число хозяевъ 1-ой категоріи, т. е. владѣющихъ болѣе, чѣмъ 1 судномъ на началахъ покрута.

№	Названіе промысловыхъ пунктовъ.	1888 г.		1889 г.		1891 г.		1892 г.		1893 г.		1894 г.	
		Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владѣющихъ 2—3 судам.	Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владѣющихъ 2—3 судам.	Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владѣющихъ 2—3 судам.	Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владѣющихъ 2—3 судам.	Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владѣющихъ 2—3 судам.	Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владѣющихъ 2—3 судам.
1	Восточная Лица . .	—	—	7	6	11	8	7	5	19	14	—	—
2	Семь-Острововъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Харловка	—	—	4	3	4	2	3	1	7	5	—	—
4	Золотая	—	—	3	3	7	7	8	8	6	6	—	—
5	Шубино	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	Ринда	—	—	7	3	11	5	15	11	12	8	—	—
7	Зеленцы	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
8	Порчниха	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Зарубиха	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Трящино	—	—	4	1	7	4	5	2	7	3	—	—
11	Щербиниха . . .	—	—	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—
12	Захребетная . . .	—	—	—	—	—	—	1	1	4	4	—	—
13	Шельпино	—	—	5	5	2	2	—	—	5	3	—	—
14	Гаврилово	—	—	25	17	37	33	?	?	45	44	43	28
15	Териберка	—	—	17	11	13	12	13	11	13	7	13	10
16	Климовка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	Мало-Оленье . . .	—	—	2	1	4	3	2	—	5	5	—	—
18	Ура-колонія . . .	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
19	Типаново	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Мало-Волоковая . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	Большая Волоковая.	3	2	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—
22	Мотовскій заливъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23	Китовскія острова .	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	Цыпъ-Наволокъ . .	7	6	4	4	—	—	4	4	—	—	—	—
25	Зубовскіе острова .	24	14	11	5	—	—	—	—	—	—	—	—
26	Вайда-Губа . . .	17	10	14	5	—	—	—	—	27	22	44	33
27	Червяная-Губа . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
28	Земляная-Губа . .	—	—	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—
29	Малонѣмецкое . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
30	Столбовое	—	—	7	1	—	—	—	—	6	5	—	—
31	Финманское . . .	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—
32	Ворьема	10	4	4	2	—	—	—	—	3	1	—	—
	Итого:	62	37	126	76	98	78	59	44	161	127	—	—

Примѣчаніе 1-ое. Знакъ — въ нѣкоторыхъ случаяхъ означаетъ, что въ этихъ становищахъ совсѣмъ не было промысла.

Примѣчаніе 2-ое. Данныя за 94 годъ имѣются только по указаннымъ становищамъ.

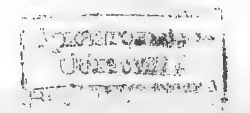
Приложеніе № 2.

Число хозяевъ 2-ой категоріи, т. е. владѣющихъ 1 судномъ на началахъ покрута.

№	Названіе промысловыхъ пунктовъ.	1888 г.	1889 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.
1	Восточная Лица . .	—	16	22	4	25	—
2	Семь-Острововъ . .	—	5	3	3	1	—
3	Харловка	—	5	7	11	8	—
4	Золотая	—	10	11	12	9	—
5	Шубино	—	—	—	—	2	—
6	Ринда	—	9	27	21	9	—
7	Зеленцы	—	—	1	—	7	—
8	Порчниха	—	1	—	—	—	—
9	Зарубиха	—	1	1	—	1	—
10	Трящино	—	—	2	1	3	—
11	Щербиниха . . .	—	1	5	2	—	—
12	Захребетная . . .	—	—	4	11	4	—
13	Шельпино	—	10	11	2	9	—
14	Гаврилово	—	55	60	?	47	60
15	Териберка	—	47	45	42	—	32
16	Климовка	—	—	—	—	—	—
17	Мало-Оленье . . .	—	28	19	18	—	—
18	Ура-колонія . . .	13	13	—	—	—	—
19	Типаново	13	13	—	10	—	—
20	Мало-Волоковая . .	3	3	—	—	—	—
21	Большая Волоковая.	2	2	—	—	—	—
22	Мотовскій заливъ .	—	—	—	—	—	—
23	Китовскія острова .	—	—	—	—	—	—
24	Цыпъ-Наволокъ . .	4	1	—	7	—	—
25	Зубовскіе острова .	38	7	—	—	—	—
26	Вайда-Губа . . .	17	15	—	—	32	33
27	Червяная-Губа . .	2(?)	2(?)	—	—	—	—
28	Земляная-Губа . .	—	6	—	—	—	—
29	Малонѣмецкое . .	—	17	—	—	—	—
30	Столбовое	—	—	—	—	—	—
31	Финманское . . .	—	—	—	—	—	—
32	Ворьема	1	1	—	—	1	—
	Итого:	93	268	218	144	210	—

Примѣчаніе 1-ое. Знакъ — въ нѣкоторыхъ случаяхъ означаетъ, что въ этихъ становищахъ совсѣмъ не было промысла.

Примѣчаніе 2-ое. Данныя за 94 годъ имѣются только по указаннымъ становищамъ.

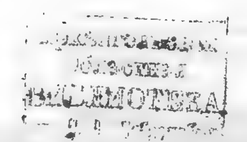
Приложеніе № 3.

Число хозяевъ 1-й категоріи, владѣющихъ болѣе чѣмъ 2—3 судами на началахъ покрута.

№	Названіе различныхъ промысл. пунктовъ.	1888 г.	1889 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.
1	Восточная Лица . .	—	1	3	2	5	—
2	Семь-Острововъ . .	—	—	—	—	—	—
3	Харловка	—	1	2	2	2	—
4	Золотая	—	—	—	—	—	—
5	Шубино	—	—	—	—	—	—
6	Ринда	—	4	6	4	6	—
7	Зеленцы	—	—	—	—	—	—
8	Порчниха	—	—	—	—	—	—
9	Зарубиха	—	—	—	—	—	—
10	Трящино	—	3	3	3	4	—
11	Щербиниха . . .	—	—	—	—	1	—
12	Захребетная . . .	—	—	—	—	—	—
13	Шельпино	—	—	—	—	2	—
14	Гаврилово	—	8	4	?	1	15
15	Териберка	—	6	1	2	6	3
16	Климовка	—	—	—	—	—	—
17	Мало-Оленье . . .	—	1	1	2	—	—
18	Ура-колонія . . .	—	—	—	—	—	—
19	Типаново	—	—	—	—	—	—
20	Мало-Волоковая . .	—	—	—	—	—	—
21	Большая Волоковая.	1	1	—	—	—	—
22	Мотовскій заливъ .	—	—	—	—	—	—
23	Китовскія острова .	—	1	—	—	—	—
24	Цыпъ-Наволокъ . .	1	—	—	—	—	—
25	Зубовскіе острова .	10	6	—	—	—	—
26	Вайда-Губа . . .	7	9	—	—	5	11
27	Червяная-Губа . .	—	—	—	—	—	—
28	Земляная-Губа . .	—	—	—	—	—	—
29	Малонѣмецкое . .	—	—	—	—	—	—
30	Столбовое	—	6	—	—	1	—
31	Финманское . . .	—	1	—	—	1	—
32	Ворьема	6	2	—	—	2	—
	Итого:	25	50	20	15	36	—

Примѣчаніе 1-ое. Во многихъ случаяхъ знакъ — означаетъ то, что въ данномъ пунктѣ не было промысла.

Примѣчаніе 2-ое. За 1894 г. данныя имѣются только по указаннымъ становищамъ.

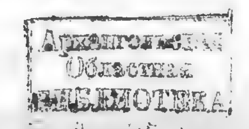
Приложенiе № 4.

Число хозяевъ 3-й категорiи, т. е. ведущихъ промыселъ не на началахъ покрута, а самостоятельной артелью.

№	Названiе различныхъ промысл. пунктовъ.	1888 г.	1889 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.
1	Восточная Лица . .	—	—	—	3	—	—
2	Семь-Острововъ . .	—	—	3	5	1	—
3	Харловка	—	—	1	—	1	—
4	Золотая	—	—	—	2	—	—
5	Шубино	—	—	—	—	2	—
6	Ринда	—	29	13	17	15	—
7	Зеленцы	—	—	2	—	—	—
8	Порчниха	—	1	—	—	—	—
9	Зарубиха	—	1	2	—	1	—
10	Трящино	—	—	3	1	—	—
11	Щербиниха . . .	—	—	4	1	—	—
12	Захребетная . . .	—	—	12	5	—	—
13	Шельпино	—	6	—	12	3	—
14	Гаврилово	—	—	29	?	37	60
15	Териберка	—	26	55	59	45	55
16	Климовка	—	—	—	—	7	—
17	Мало-Оленье . . .	—	12	20	10	22	—
18	Ура-колонiя . . .	—	—	—	—	—	—
19	Типаново	—	—	—	—	—	—
20	Мало-Волоковая . .	—	—	—	—	—	—
21	Большая Волоковая.	—	—	—	—	—	—
22	Мотовскiй заливъ .	—	—	—	—	3	—
23	Китовскiя острова .	—	8	—	—	7	—
24	Цыпъ-Наволокъ . .	—	—	—	—	—	—
25	Зубовскiе острова .	—	—	—	—	—	—
26	Вайда-Губа . . .	—	1	—	—	7	25
27	Червяная-Губа . .	(?)	(?)	—	—	—	—
28	Земляная-Губа . .	17	—	—	—	—	—
29	Малонѣмецкое . .	—	7	—	—	7	—
30	Столбовое	—	—	—	—	—	—
31	Финманское . . .	—	—	—	—	—	—
32	Ворьема	—	—	—	—	3	—
	Итого:	17	91	144	115	161	—

Примѣчанiе 1-ое. Во многихъ случаяхъ знакъ — означаетъ то, что въ данномъ становищѣ не было промысла.

Примѣчанiе 2-ое. За 1894 г. данныя имѣются только по указаннымъ становищамъ.

Приложеніе № 5.

Стоимость первоначальныхъ и другихъ расходовъ, нужныхъ для снаряженія промысловой единицы на началахъ покрута (по разсчетамъ разныхъ лицъ, приведеннымъ Книповичемъ и другими авторами).

A. Разчетъ по даннымъ хозяина покрученниковъ Кочина (Книповичъ).

	Капиталъ.	Срокъ службы.	Ежегод. трат. на
1) Шняка съ веслами и мачтой	60 р.	10 р.	6 р.
2) Парусъ	22	2	11
3) Тросъ (20 саженъ)	6	3	2
4) Дрекъ и снасти для мачты	4	4	1
5) Снасть для яруса въ 33 тюка	120	3	40
6) 3000 англійскихъ крючковъ № 5-й	15	3	5
7) Форшни, кубаса, якоря	15	3	5
8) 4 завѣски	6	3	2
9) Топоръ, ножи, крюки, чайникъ, котлы, боченокъ	10	3	4
10) Неводъ мойвенный, одинъ для 3—4 шнякъ (80 р.). На одну шняку приходится	23	2	11½
11) Или неводъ песчаночный той же цѣны (80 р.) или кутокъ для лова песчанки (15 р.) въ среднемъ на одну шняку	13	2	6½
12) Карбасъ, одинъ при 3—4 шнякахъ (25 р.). На одну шняку	6	6	1
13) Пищи для рабочихъ съ Колы или Разнаволока: мука и крупа	90	1	90
14) Дрова (7—8 саженъ)	35	1	35
15) Станъ и амбаръ	10	1	10
16) Переѣздъ отъ Колы до Териберки со шняки	8	1	8
17) Расходы на содержаніе рабочихъ въ Колѣ	20	1	20
18) Задатки рабочимъ по 65 рублей каждому	260	—	—
Итого	723 р.		258 р.

B. Разсчетъ по даннымъ волостного старшины Вайда-губы (Книповичъ).

1) Шняка безъ оснастки	60 р.	10 л.	6 р.
2) Мачта, весла, багоръ и снасти	5	5	1
3) Парусъ	25	2—3	10
4) Кубаса, крюки, ножи, якоря, топоръ, котлы	32	4	8
5) Снасть для яруса въ 30 тюковъ, цѣною съ крючками и оростегами 4 р. 60 к.—6 р. 80 к. тюкъ; среднее по 5 р. 70 к.	170	2—3	70
6) 12 стоянокъ запаса	11	2	5
7) Невода и карбасъ по предыдущему разсчету	42	2	20
8) Содержаніе рабочихъ: мука, крупа, пшеничная мука, масло	78	1	78
9) Плата за станъ	5	1	5
10) Переѣздъ отъ Разнаволока или Колы	7	1	7
11) Пребываніе въ Колѣ	10	1	10
12) Дровъ на	15	1	15
13) Задатки по предыдущему разсчету	260	—	—
Итого:	720 р.		235 р.

C. Разсчетъ одного мелкаго хозяина покрута въ Териберкѣ (Книповичъ).

1) Шняка съ такелажемъ	100 р.	20 р.
2) Ярусъ въ 40 тюковъ, по 5 руб. тюкъ	200	80
3) Запасъ стоянокъ	25	10
4) Неводъ мойвенный (80 р.) и песчаночный (60 р.) на 3—4 шняки	40	16
5) Карбасъ для трехъ-четырехъ шнякъ	6	1
6) Котлы и другія мелочи	16	5½
7) Плата за станъ	4½	4½
8) Пропитаніе рабочихъ: крупа и мука	65	65
9) Переѣздъ	7	7
10) Дрова	15	15
11) Пребываніе въ Колѣ	10	10
12) Задатки рабочимъ по предыдущему разсчету	260	—
Итого:	748½ р.	234 р.

D. Разсчетъ урядника въ Териберкѣ (Книповичъ).

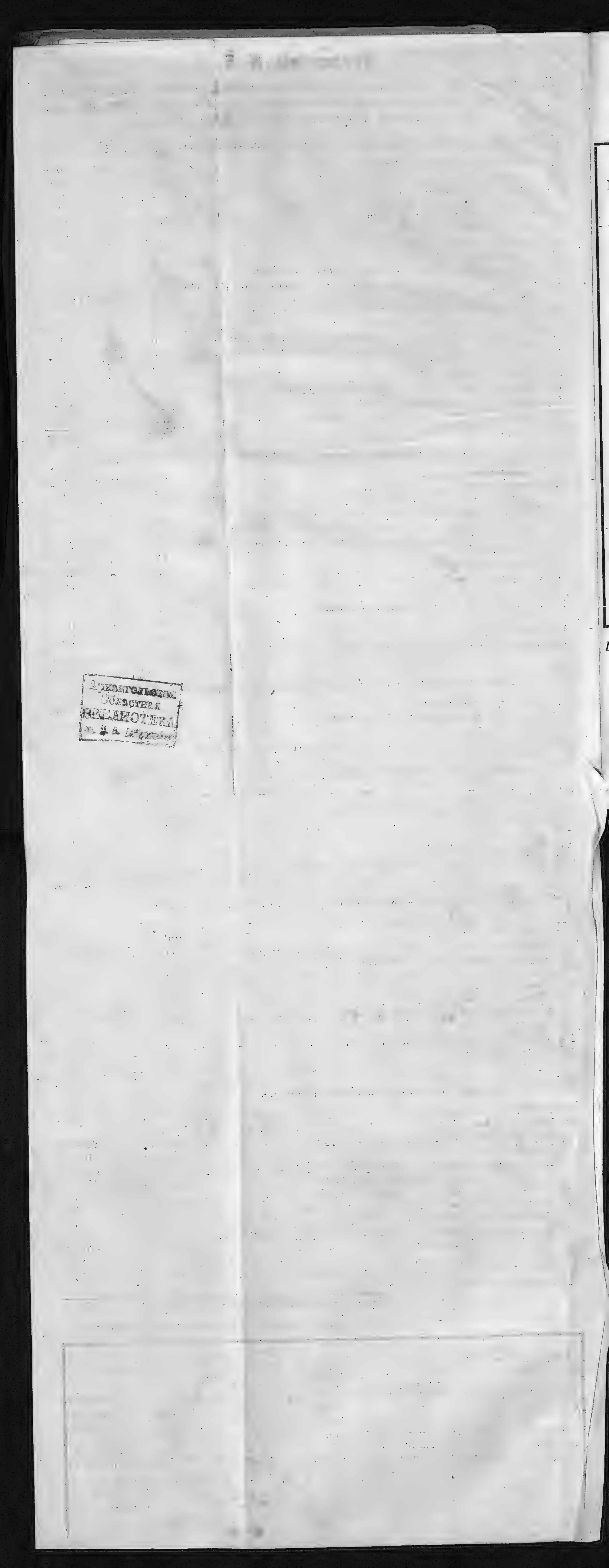
	Капит.
1) Шняка съ принадлежностями къ ней	100 руб.
2) Ярусъ въ 40 тюковъ	200
3) Мойвенный неводъ одинъ на 3—4 шняки (60 р.)	17
4) Карбасъ одинъ для 3—4 шнякъ (25 р.)	6
5) Запасъ стоянокъ 18 штукъ по 1 р. 20 коп.	21
6) Плата за станъ	5
7) Дрова	8
8) Содержаніе рабочихъ: муки на 50 р., крупы на 14 р.	64
9) Дорога	6½
10) Печеѣ по 1 руб. съ куля	5
11) Мелкіе расходы	10
Итого:	442½ руб.

E. Разсчетъ самого Книповича (1894 г.).

1) Шняка съ такелажемъ	100 р.	20 р.
2) Топоры, котлы, фартуки и т. п.	15	
3) Ярусъ въ 30—40 тюковъ 150—200 руб.	150—200	60—80
4) Запасъ стоянокъ	15—20	6—8
5) Невода мойвенный и песчаночный (120 р.) или мойвенный и мотня (90 руб.), одинъ на 3—4 шняки	25—35	10—15
6) Карбасъ одинъ на 3—4 шняки (20 руб.)	7	1
7) Плата за станъ 4—6 руб., рѣже до 10 руб.	5	5
8) Переѣздъ отъ Разнаволока на шняку	7	7
9) Пропитаніе рабочихъ: 5 кулей муки (50 р.), 2 мѣшка крупы (20 р.), обыкновенно	60	60—70
10) Дрова (10—20 р.)	15	15
11) Расходы въ Колѣ и другіе мелкіе расходы	10	10
12) Задатки рабочимъ по 60—70 рублей	240—280	—
Итого по среднимъ цифрамъ	700 р.	210 р.

F. Разсчетъ разныхъ авторовъ въ общихъ цифрахъ (на *первый* годъ промысла).

Кому принадлежитъ разсчетъ.	Расходъ на первонач. обзаведеніе въ рубляхъ	Доходъ въ рубляхъ.	Прибыль хозяина покрута въ рубляхъ на первый годъ.	Примѣчанія.
Данилевскій (1862 г.)	820	1600	312*)	*) Безъ %% на затраченнй капиталъ, фрахтъ и т. п.
Гулевичъ (1883 г.)	2275**)	2525	250***)	**) На 4 шняки.
Максимовъ (1893 г.)	668	1000	332	***) Безъ расходовъ на фрахтъ, соль и т. п.
Оскерко (1868 г.)	1500****)	1676	176	****) На 4 шняки.
Сазоновъ (1884 г.)	299[1])	600[1])	301[1])	[1]) Ассигнаціями.

Приложенiе № 6. А.

Мурманскiй промыселъ.

(безъ колонистовъ и постоянныхъ обитателей берега).

Годы.	Число уходившихъ Мурманъ.			Средняя выручка на пай въ рубляхъ.	Число отлучившихся для мѣновой торговли въ Норвег. и Арханг.			ПРИМѢЧАНIЕ.
	Хозяевъ	Рабочихъ мужчинъ.	Зуевъ		Хозяевъ.	Рабочихъ	Судов	
1876	637	2863	648	49*)	531	1929	622	*) Средняя величина пая рабочаго вычислялась какъ среднее ариѳметическое maximum'а и minimum'а вознагражденія рабочаго (minimum падаетъ на долю зуевъ, maximum — на долю взрослыхъ рабочихъ.
1877	647	2778	581	$40\frac{3}{4}$*)	538	2073	588	
1878	468	2108	569	50*)	354	1402	304	
1879	469	2172	484	$54\frac{1}{2}$*)	—	—	—	
1880	515	2492	468	50	463	1981	521	
1881	432	2075	441	45	512	1859	475	
1882	609	2108	451	—	393	1636	386	
1883	457	2583	501	55	351	1395	408	
1884	518	2700	530	56	301	1286	340	
1885	383	3113	503	40	318	1524	426	
1886	414	2789	419	46	298	1414	319	
1887	481	2395	548	$42\frac{1}{2}$	293	1358	323	
1888	1087	4883	1568	35	694	2951	738	
1889	581	2917	430	43	327	1474	376	
1890	460	2776	390	$41\frac{1}{2}$	357	1522	412	
1891	486	2697	359	44	352	1510	381	
1892	566	2818	511	53	334	1514	385	
1893	652	2962	513	50	337	1435	398	

Примѣчанiе. Если среднiй пай рабочаго—покрученника ниже по этой таблицѣ, чѣмъ по вычисленiямъ, сдѣланнымъ въ текстѣ, то это объясняется тѣмъ, что при вычисленiи средняго пая въ настоящемъ случаѣ принимался во вниманiе заработокъ зуевъ, что, конечно, сильно понизило величину пая.

Приложеніе № 6. В.

Мурманскій промыселъ.

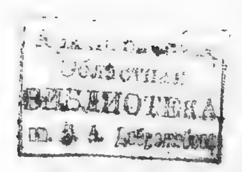
(вмѣстѣ съ колонистами и постоянными обитателями берега).

Годы.	Число судовъ.	Число хозяевъ.	Число рабочихъ.	Добыто пудовъ.		На сумму въ рубляхъ.	Всего отправлено въ Петербургъ пудовъ.	Примѣчаніе.
				Рыбы.	Воюксы.			
1880	664	316	2387	346155	—*)	227086	—	*) По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ не показано отдѣльно количество воюксы.
1881	698	449	2642	672067	—*)	445342	—	
1882	637	381	2453	991620	—*)	544884	—	
1883	780	293	3029	989658	—*)	540608	—	
1884	1080	391	4242	459728	50125	350247	—	
1885	1159	444	4519	479339	46852	272144	—	
1886	822	391	3288	553522	52217	350732	—	
1887	470	686	1385	278069	27682	164161	—	
1888	638	460	2068	368568	40416	237607	—	
1889	816	563	2608	505157	43784	231885	203298	
1890	783	494	2680	486159	43599	217386	137255	
1891	823	576	2762	492660	36969	296529	210934	
1892	899	709	2390	710376	67144	324952	229945	
1893	769	676	2408	584627	55220	295755	293859	
1894	997	815	3173	713896	65990	350959	неизвѣстн.	
1895	963	768	3006	799325	39840	516415	неизвѣстн.	

Приложеніе № 7. А.

Торговля съ Норвегіей. Привозъ *рыбы* изъ Норвегіи во всѣ порты Бѣлаго моря.

Годы.	Количество пудовъ.	На сумму въ рубляхъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
1876	734607	602750	
1877	676835	452857	
1878	510440	418947	За этотъ годъ въ отчетѣ показана торговл одного только г. Архангельска.
1879	704605	541098	
1880	600489	552560	
1881	927470	843467	
1882	717482	595888	Свѣдѣній о ввозѣ въ Суму нѣтъ.
1883	494864	519461	Кромѣ того, 1875 боченковъ сельдей.
1884	733418	667697	
1885	661729	702496	Кромѣ того, 3909 боченковъ сельдей. Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ.
1886	871924	726600	Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ.
1887	1136170	706227	Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ.
1888	952750	734252	Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ.
1889	809926	664281	
1890	885894	485431	Свѣдѣній о Кеми—тѣтъ.
1391	771794	526211	
1892	752918	546564	Вѣсъ ввезенной въ Суму рыбы не показанъ; стои стьже показана 3518 р. Свѣдѣн. о ввозѣ въ Кемь нѣ
1893	774857	648314	Свѣдѣній о ввозѣ въ Суму и Кемь нѣтъ.

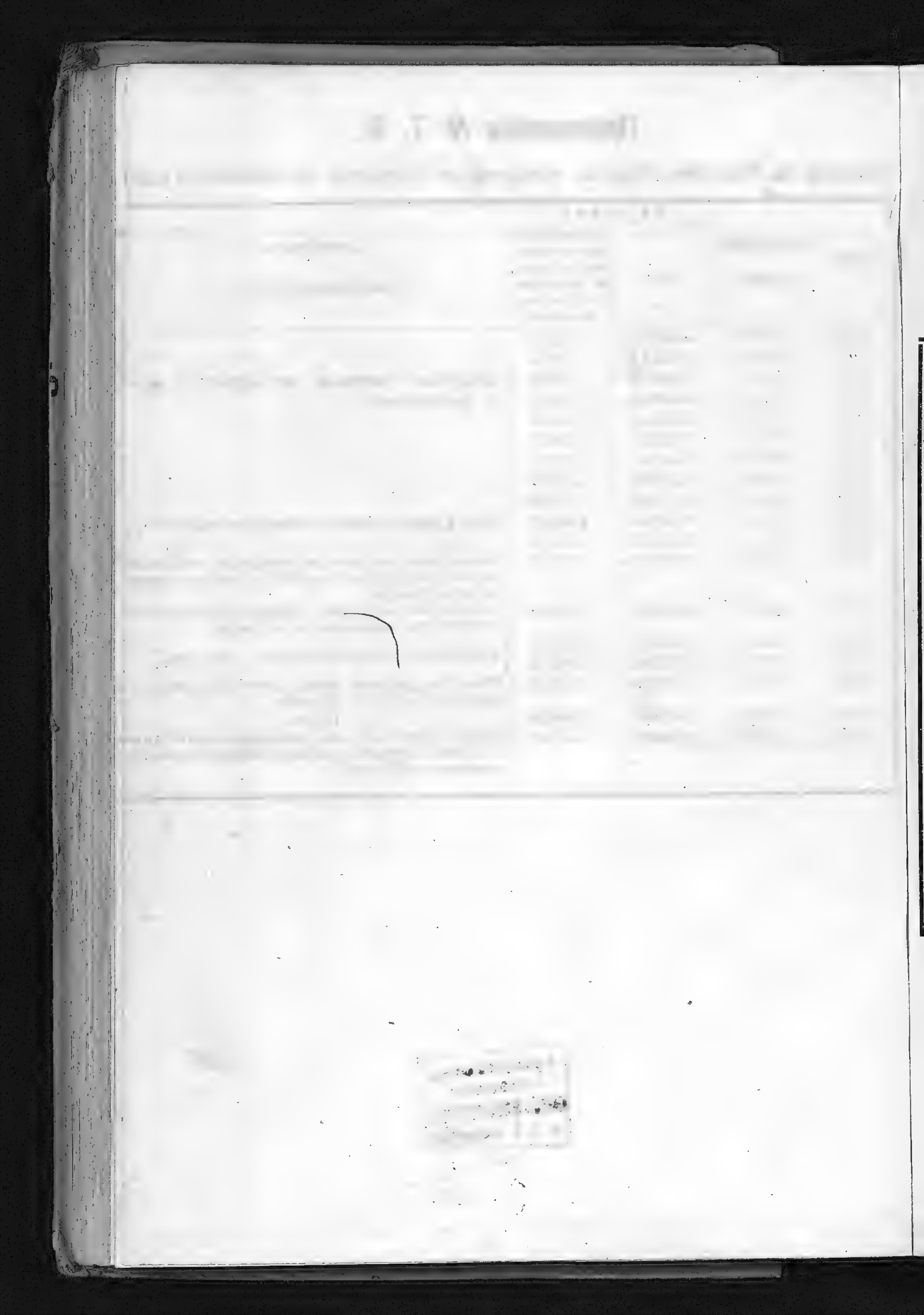

Приложеніе № 7. В.

Торговля съ Норвегіей. Вывозъ *товаровъ* въ Норвегію въ обмѣмъ на рыбу

Годы.	Количество пудовъ.	На сумму. Рубл.	В томъ числѣ лѣсныхъ товаровъ и проч., не переводимыхъ на *вѣсъ* на сумму.	Примѣчанія (по всѣмъ годамъ).
1876	453643	494816	27815	
1877	478865	563212	7827	
1878	379379	523853	17602	Свѣдѣнія относятся къ одному только г. Архангельску.
1879	372536	464968	13191	
1880	399346	556158	33340	
1881	430178	790827	39878	
1882	380275	655847	32130	
1883	327635	453246	40407	
1884	394653	617562	50056	
1885	406222	913223	456565	Изъ Сороки лѣсного товара на 419396 р.
1886	489147	542109	35771	
1887	581392	537851	29926	Вывозъ лѣса изъ Ар-ка не показанъ, а изъ Мезени показанъ въ пудахъ (?)—17640 п., что и показано въ первой цифрѣ.
1888	629120	483099	22707	Вывозъ лѣса изъ Ар-ка показанъ въ пудахъ (?) —59958, что и показано въ 1-й цифрѣ.
1889	563428	549672	19157	Свѣдѣній о Кеми нѣтъ за 89—91 годы.
1890	489338	592146	38182	
1891	326081	428092	34141	Вѣсъ сѣна, ворвани, смолы, древесной коры и веревокъ въ отчетѣ не показанъ.
1892	231456	398690	30678	То-же
1893	270524	406499	54340	То-же. Кромѣ того, вѣсъ вывезеннаго изъ Сумы и Мезени хлѣбнаго и мяснаго товара не показанъ, стоимость—6739 руб.

Приложеніе № 8.

Степень экономическаго благосостоянія Мурманскихъ колонистовъ въ 80-хъ годахъ.

(по Гулевичу).

Названіе колоній.	Домовъ.	Землянокъ.	Лавокъ.	Нежилыхъ строеній.	Банъ.	Ёлъ.	Шнякъ.	Оленей.	Рогат. скота.	Овецъ.
Колоніи восточнаго берега Мурмана.										
Ринда	1	—	1	1	1	—	2	5	1	4
Гаврилово	8	1	2	2	1	—	7	49	4	55
Териберка	9	—	—	5	2	1	7	12	2	38
Кильдинъ	1	1	—	1	—	1	—	2	1	4
Колоніи западнаго берега Мурмана.										
Ура	23	6	—	17	—	13	—	130	107	155
Еретики	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Эйна	1	1	—	5	—	—	—	10	5	9
Маломошка . . .	2	1	—	2	—	1	—	18	4	32
Большая Лица . .	2	2	—	5	—	1	—	7	6	20
Малая Лица . . .	3	1	—	4	—	1	—	12	8	25
Цыпъ-Наволокъ . .	8	1	3	3	—	2	1	5	18	60
Зубовскіе острова .	3	1	1	8	—	2	—	—	7	28
Вайда-Губа . . .	9	2	2	17	2	6	5	—	13	60
Червяная-Губа . .	2	1	—	6	—	1	—	—	10	16
Земляная-Губа . .	10	6	6	17	1	10	—	—	43	140
Малонѣмецкая . .	1	—	1	2	—	1	—	50	3	—
Печенгская . . .	42	4	1	63	10	9	8	256	68	144
Финманская . . .	1	—	1	3	—	1	6	—	1	—
Ворьемская . . .	3	—	—	5	1	—	1	6	4	17

Приложение № 9.

Свѣдѣнія о современномъ положеніи колонизаціи на Мурманѣ.

(по Книповичу).

№	Названіе становищъ и колоній.	Колонистовъ.	Лопарей.	Всего.	Церквей и часовенъ.	Больницъ.	Школъ.	Рыбопромышлен. становищъ.	Скота.		Судовъ у колонис. и лопарей		Хозяевъ-рыбопромышленн.	У нихъ промысловыхъ судовъ	Число промышлен. обоего пола	Самовольно поселив. и проживающ. по паспорт. — Финляндцевъ.				Норвежцевъ.			
																Число лицъ обоего пола	Скота у нихъ.	Судовъ у нихъ.		Число лицъ обоего пола	Скота у нихъ.	Судовъ у нихъ.	
									круп	мел.	Листер-бот., ёлъ, брам., шкунъ и клипер.	Шнякъ и карбасовъ.						высшаго типа	шнякъ и карбасовъ.			высшаго типа	шнякъ и карбасовъ.
	Восточная сторона:																						
1	Восточная Лица и колонія	25	—	25	1	—	—	16	2	30	3	10	21	26	121	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Семиостровское	—	—	—	1	1	—	5	—	—	—	—				—	—	—	—	—	—	—	—
3	Харловка и колонія	2	—	2	1	—	—	14	—	—	—	—	10	21	98	—	—	—	—	—	—	—	—
4	Золотое	—	—	—	—	—	—	11	—	—	—	—	7	16	62	—	—	—	—	—	—	—	—
5	Шубино	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	Барышиха	—	30	30	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	Ринда и колонія	20	—	20	1	—	—	37	2	45	2	9	11	21	93	—	—	—	—	—	—	—	—
8	Трящино	—	15	15	—	—	—	7	—	445	—	—	8	13	63	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Щербиниха	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	1	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Захребетное	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	4	4	8	—	—	—	—	—	—	—	—
11	Шельпино	—	—	—	1	—	—	7	—	—	—	—	16	16	62	—	—	—	—	2	38	1	—
12	Гаврилово и колонія.	20	5	25	2	1	—	38	4	45													
13	Голицынскій выселокъ, въ 15 в. отъ Гаврилова.	42	—	42	—	—	—	—	18	144	1	6	200	237	1033	—	—	—	—	—	—	—	—
14	Териберка и колонія.	107	24	131	2	1	1	19	13	141	8	53	71	82	287	—	—	—	—	—	—	—	—
15	Заоленье	3	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	10	23	99	—	—	—	—	—	—	—	—
16	Монастырское и колон.	12	—	12	—	—	—	—	10	60	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	Зарубиха и колонія	7	—	7	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18	Тюва-губа и колонія.	3	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Западная сторона:																						
19	Екатерининская гавань-колонія	19	—	19	—	—	—	—	1	6	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Еретики	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	Портъ Владиміръ	2	—	2	2	—	—	2	—	—	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22	По малой губѣ Урѣ: губа Кислая	5	—	5	—	—	—	—	3	17	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23	Сайдо-губа. Колонія	33	—	33	—	—	—	—	16	50	4	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	По большой губѣ Урѣ:																						
24	1) Островъ Медвѣжій.	3	—	3	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	2) Чанъ ручей, колон.	9	—	9	—	—	—	—	6	16	1	3	—	—	—	8	15	2	4	—	—	—	—
26	3) Ура колонія	170	—	170	1 кирка	—	—	—	67	208	12	16	—	—	—	52	31	3	4	—	—	—	—
	По Мотовскому заливу:																						
27	Вичаная	4	—	4	—	—	—	—	—	2	1	1	—	—	—	6	29	2	2	—	—	—	—
28	Малая Лица-Западная колонія	31	—	31	—	—	—	—	22	46	3	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	По губѣ Западной Большой Лицѣ:																						
29	Колонія Лопаткина	15	—	15	—	—	—	—	12	43	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
30	На другой сторонѣ губы	7	—	7	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
31	У рѣки Лицы	6	—	6	—	—	—	—	4	21	—	1	—	—	—	18	18	1	2	—	—	—	—
32	Колонія Китовка и лѣтній Мотовскій погостъ (а зимою по дорогѣ въ Пазрѣцкій погостъ)	8	56	64	1	—	—	2	—	1150	1	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
33	Колонія Кутовая	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
34	Въ посслеціяхъ по губѣ Большой Моткѣ и гавани Новой земли	33	—	33	—	—	—	—	13	20	2	2	—	—	—	35	27	5	2	13	17	3	1
35	Колонія Эйна	4	—	4	—	—	—	—	5	38	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
36	Типаново	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
37	Корабельное	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18	12	1	2
38	Цыпъ-Наволокъ колон. подъ Шеей	43	—	43	1	1	—	—	24	38	8	4	—	—	—	—	—	—	—	10	1	2	—
39	Лауша	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	10	13	1	1
	Зубовскіе Острова:																						
40	При рѣкѣ Зубовкѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
41	» » Оленкѣ-колон.	28	—	28	—	—	—	6	13	58	5	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
42	Вайда-губа и колонія.	32	—	32	1	—	—	14	21	18	9	25	32	78	313	22	3	1	1	—	—	—	—
43	Червяная колонія	50	—	50	—	—	—	—	13	18	7	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
44	Земляная колонія	124	—	124	—	—	—	—	28	3	11	12	—	—	—	41	12	3	3	4	—	1	—
45	Мало-Волоковая	16	—	16	—	—	—	—	2	11	3	2	—	—	—	—	—	—	—	16	32	2	3
46	Мало-Нѣмецкое-колон. и Печенгскій лѣтній погостъ (а зимою по дорогѣ въ Пазрѣцкій погостъ.)	—	77	77	1	—	—	—	—	560	1	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Колоніи по губѣ и рѣкѣ Печеньгѣ:																						
47	Тагарка	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
48	Оленья Горка	23	—	23	—	—	—	—	14	98	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
49	Трифоновъ ручей	45	—	45	—	—	—	—	14	61	2	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
50	Баркино	41	—	41	—	—	1	—	13	99	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
51	Княжуха	105	—	105	—	—	—	—	34	248	9	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
52	Печенга (Монастырск.)	125	—	125	—	—	—	—	25	263	11	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
53	Базарная	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
54	Столбовое	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	12	—	—
55	Колонія Финманская.	5	—	5	—	—	—	2	2	4	5 и 1 пар	14	7	52	210	—	—	—	—	—	—	—	—
56	Ворьема колонія	9	—	9	1	—	—	5	3	3	2	2											
57	Пазрѣка лѣтній погостъ, а зимою близъ озера Чалмозера	—	130	130	2	—	1	—	2	1280	1	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Итого:	1247	337	1584	20	4	3	201	412	5290	126	312	398	590	2452	182	135	17	18	86	125	11	7

Списокъ источниковъ *).

Н. Трескинъ. Сѣверный край Европ. Россіи и его промыслы. СПБ.

Отеч. Записки 1874 г. № 1-й. Всѣми забытыя сѣверныя окраины Россіи.

— 1879 № 6-й. Коренная нужда на сѣверѣ.

Н. Дергачевъ. Русская Лапландія. Арханг. 1877 г.

Вѣстникъ рыбопром. 1894 г. № 3-й. Отчетъ о плаваніи на крейсерѣ „Наѣздникъ“ лѣтомъ 1893 г. Н. Книповича.

Вл. Гулевичъ. Мурманскій берегъ въ промысловомъ и санитарномъ отношеніяхъ. Арх. 1883 г.

— Русская Лапландія. Арх. 1893 г.

Сидоровъ. Сѣверъ Россіи. СПБ. 1876 г.

— О китоловствѣ и вліяніи его на рыбную ловлю у береговъ Архан-губ. СПБ. 1879 г.

Верещагинъ. Очерки Архангельской губерніи.

А. Ефименко. Артели Арханг. губерніи. СПБ. 1893 г.

Н. Максимовъ. Мурманскій берегъ, его обитатели и промыслы. Рус. Мысль 1893 г. №№ 1, 2 и 4-й.

Арханг. Губ. Вѣд. За 1862 г.

— За 1863 г.

— За 1892 г.

— За 1893 г.

— За 1894 г.

— За 1895 г.

— За 1896 г.

Вѣстн. Рыбопромышл. 1894 г. О Мурманскихъ промыслахъ.

Максимовъ. Годъ на Сѣверѣ СПБ. 1872 г.

Н. Книповичъ. Положеніе морскихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ Арх. губ. СПБ. 1895 г.

Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи. в. 2. Изд. СПБ. Отд. Ком. о сел. ссудосб. и пром. товар. СПБ. 1874 г.

Ив. Лепехинъ. Дневныя записки путешествія въ 1771 г. СПБ. 1780 г. ч. III и ч. IV.

Рейнеке. Гидрографическое описаніе береговъ Сѣверн. Ледовит. Океана СПБ.

Молчановъ. Описаніе Арханг. Губ. Арханг. 1813 г.

Фонъ-Пошманъ. Описаніе Архангельской губерніи въ историч. и др. отношеніяхъ въ 1802 г. Арханг. 1875 г.

О мѣрахъ къ обезпеченію нар. продовол. на крайнемъ Россіи. Прав. Вѣстникъ №№ 90, 91 и др. 1869 года.

И. Рева. Сѣверныя жел.-дорожн. вожделѣнія Арх. 1884 г.

Маликовъ. Отчетъ по поводу командировки въ 1871 г. въ Онежскій и Кемскій уѣзды.

---

*) Кромѣ тѣхъ, о которыхъ упоминается въ текстѣ.

Отчеты Арх. Стат. Комитета за 20 лѣтъ съ 1876 г. по 1896 г.
Всеподданнѣйшие отчеты Арханг. Губернаторовъ за 1892, 93, 94 и 95 г.г.
Н. Аристовъ. Промышленность древней Руси. СПБ. 1866 г.
В. Долинскій. Сѣверъ Россіи. СПБ. 1867 г.
Сахаровъ. По родному краю. СПБ. 1895 г.
Рева. Трехсотлѣтіе Архангельска. 1884 г. Арх.
Промыслы бѣломорск. населенія 1896. СПБ.
Кропоткинъ. Экспедиція для изслѣдованія сѣверныхъ руск. морей СПБ. 1871 г.
П. Ефименко. Заволоцкая Чудь. Арх. 1869 г.
Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Об-ва. 1890 г. т. XXVI в. II. *Подгаецкій.* Мурманскій берегъ, его природа, промыслы и значеніе.
Н. Шавровъ. О мѣрахъ для развитія рус. торгов. мореходства. М. 1895 г.
О судостроеніи на паяхъ Арх. 1880 г.
Правила о выдачѣ ссудъ поморамъ на Мурманскомъ берегу Арх. 1886 г.
Островскій. Очеркъ торговли и т. д. на прибреж. Сѣверн. Океана 1894 г. СПБ.
А. Энгельгардъ. Поѣздка въ Кольскій и Кемскій уѣзды. Арх. 1895 г.
Данилевскій. Труды экспедиціи по изслѣдованію рыболовства въ Россіи. т. VI. СПБ. 1862 г.
Арханг. Губ. Вѣд. За 1858 и 1859 г.г.
И. Милютинъ. Бѣлое море и Волга. СПБ. 1885 г.
Къ поморамъ. О торговомъ флотѣ. Арх. 1868 г.
Х. Вальдемаръ. Приглашеніе жителей Архан. губ. взяться за торговое морепл. М. 1886 г.

1 руб. 25 коп.